

Борис Хатов

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
НЕЛЛИ ПЕТРОВНЫ ДУГАР-ЖАБОН
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Толпек

Приключенческая сказочная повесть для детей,
семейное чтение

Содержание

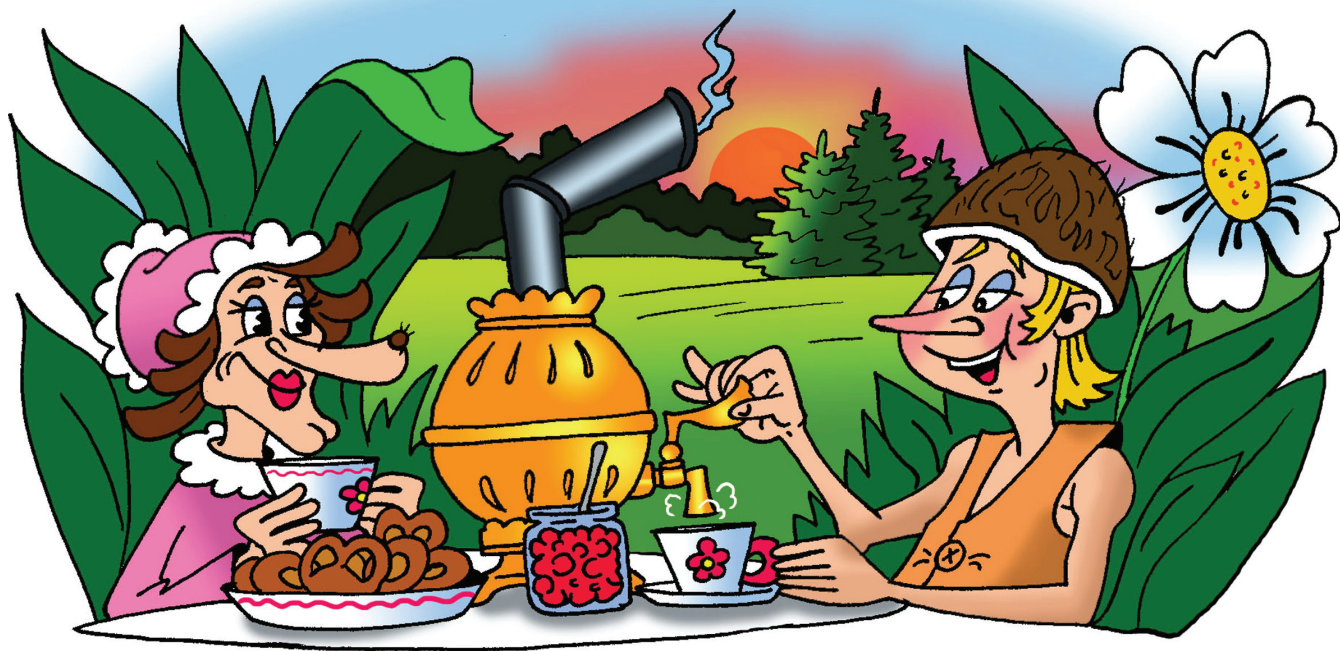
Начало	3
Глава первая. С которой всё начинается	4
Глава вторая. У Старого Ворона	14
Глава третья. В путь	18
Глава четвертая. Встреча со Смехачами	23
Глава пятая. Глаза змеи.....	30
Глава шестая. Праздник Смехачей.....	36
Глава седьмая. Плен.....	39
Глава восьмая. Нежданный союзник	46
Глава девятая. Сорока-белобока	58
Глава десятая. Явление Великана.....	70
Глава одиннадцатая. Нападение на логово Берендея	80
Глава двенадцатая. Битва	84
Глава тринадцатая. После сражения	92
Глава четырнадцатая. Берендей появляется вновь.....	99
Глава пятнадцатая. Рассказ Старого Крака.....	107
Глава шестнадцатая. Чудесное исцеление.....	111
Глава семнадцатая. Суд над разбойниками	117
Глава восемнадцатая. Домой!.....	121

НАЧАЛО

В одном лесу посреди зелёной полянки примостился маленький жёлтый домик с красной черепичной крышей. По субботам, даже если стоит хорошая погода, из трубы этого домика обязательно выётся дымок. Это готовится воскресное угощение, на которое могут прийти все желающие. Но так как в этом лесу очень много других гостеприимных домиков, где будут рады видеть вас на выходные, то, как правило, по воскресеньям тут всего двое угощающихся. Это сам хозяин и его постоянная гостья. У хозяина вполне обычное имя – Толпек, но вот сам он, не сказать, что обычный. Ну, во-первых, он маленького росточка – чуть больше ладони взрослого человека. У него овальное румяное лицо, на котором выделяются серые пытливые глаза. Выглядят они всегда немного грустными, потому что брови над переносицей чуть вздёрнуты вверх. Во-вторых, на макушке у него вместо шляпы – половинка кокосового ореха, а на руках и ногах по шесть (представляете, по шесть!) пальцев. Ещё он носит коротенькую безрукавку, коротенькие же штанишки чуть ниже колен и деревянные башмаки. Ну, а в-третьих, этот самый Толпек большой мастер играть на дудочке. Их у него несколько.

А так как у него, вы не забыли, вместо пяти шесть пальцев, то играет он просто изумительно. Никто на свете так больше не может. Самый лучший друг Толпека – тётушка Хлоя, такая большая сосновая шишка с бородавкой на носу, живущая неподалеку. Каждый воскресный вечер они накрывают стол на своей любимой лужайке и пьют чай с земляничным вареньем и сладостями, испечёнными накануне. Потом Толпек достаёт одну из дудочек, и в уходящих лучах пламенеющего заката начинает литься чудесная мелодия. Тётушка Хлоя сидит напротив, устало подперев голову после дневных забот и задумчиво внимает своему приятелю. Так и текла их тихая и беззаботная жизнь, и ничто не нарушало её размеренной поступи, но вот однажды... Впрочем, обо всём по порядку.

Глава первая. С которой всё начинается

Сегодня Толпек встал пораньше. Ещё вчера вечером он решил подняться с первыми лучами солнца, чтобы на рассвете послушать соловьиные трели, которые особенно звонки именно в это время. Напевая себе что-то под нос, – настроение было просто отличное! – он бодро натягивал деревянные башмаки, как вдруг где-то неподалеку раздался горький плач. Толпек насторожился и замер на месте, прислушиваясь к звукам. Вскоре плач повторился, но уже гораздо ближе. Не теряя ни секунды, Толпек отбросил в сторону башмак и поспешил наружу. Едва он выбежал на крылечко, как нос к носу столкнулся с рыдающей тётушкой Хлоей.

– Что такое?! Почему ты плачешь, Хлоя? – удивлённо воскликнул он. – Какое горе с тобой приключилось?!

Но приятельница, увидев его, разрыдалась пуще прежнего. Толпек взял её за руки и неуклюже затоптался рядом, не понимая в чем дело.

– М-моё зеркальце... Оно пропало! – сквозь слезы проговорила сосновая шишка.

– Зеркальце?! – переспросил Толпек и принялся тормозить её.

– Да уймись же ты, прошу тебя! Перестань реветь и расскажи всё по порядку.

Тётушка Хлоя достала из передника большой носовой платок и громко высморкалась в него. Потом ещё, потом еще и только приготовилась сделать это в четвертый раз, но тут Толпек развернул её, завёл в дом и силком усадил в плетёное кресло.

– Вот так. А теперь я тебя внимательно слушаю. И, пожалуйста, убери ты куда-нибудь подальше свой носовик.

– Моё зеркальце, – всхлинула тетюшка Хлоя. – Зеркальце, которое знает весь лес. Глядя в него, я всегда знала, какая будет погода. Выйти ли в шляп-

ке и с зонтиком, или целый день будет светить солнышко, и тогда можно будет надеть моё белое платье. Вот такое оно было, моё ненаглядное зеркальце. А вчера вечером, представь себе, я забыла его на лужайке. Когда же сегодня утром я спохватилась и прибежала туда, зеркальца уже не было. Ты не представляешь, какая это для меня утрата!

Толпек сосредоточенно кивнул. Ему хорошо было известно это зеркальце, умеющее предсказывать погоду, и сам он не раз справлялся у приятельницы о прогнозах, которые непременно сбывались. Никто не мог понять, в чём тут дело, зеркальце, как зеркальце, ничего особенного, – но вот такое удивительное свойство у него было: стоило дунуть на него ровно семь раз и три раза постучать ногтем, как на его гладкой блестящей поверхности отражался ясный или пасмурный пейзаж в зависимости от того, какая будет завтрашняя погода. И вот теперь оно пропало. «Да и пропало ли оно? Может, подруга раньше времени поднимает панику?» – Толпек задумчиво нахмурил брови и погладил сосновую шишку по голове:

– Ну, вот что. Ты пока посиди здесь и постарайся успокоиться, а я пойду, поспрашиваю в лесу, может, кто его случайно нашел? Всякое может быть.

Тётушка Хлоя безнадежно махнула рукой.

– Если бы нашли, то сразу бы принесли, ведь оно одно такое. Никто в лесу не посмел бы обидеть бедную старую Хлою, – и она снова затряслась в рыданиях. Толпек без лишних слов подхватил с пола правый башмак, выскочил на крыльцо и стремглав помчался на полянку, где ещё вчера они так чудесно проводили время. Трава была мокрой от росы, но он не замечал сырости. Толпек обшарил всё вокруг, но ничего не обнаружил. Абсолютно ничего. Никаких посторонних следов, только пирожное, оставленное накануне на столе, было надкусано чьими-то острыми зубами. А зеркальце как в воду кануло. «Но кто-то же его взял? Так кто же?» – Толпек поднялся и понуро побрёл в сторону ручья, где жили Умниксы. Может, они что-нибудь знают?

Семейство Умниксов обитало в уютном земляном домике в живописном месте на берегу широкого ручья. Своим обликом они поразительно напоминали грибы, вот только шляпки у них были соломенные, но такие же широкие и упругие. Они были вечно чем-то заняты, суетясь день-деньской по своим умниковским делам. Да и то сказать, хозяйство у них было о-го-го! Один лишь огород

чего только стоил. Старшие Умниксы были всегда озабочены и хмуры и неохотно вступали с дальними и ближними соседями в пустопорожние, как им казалось, разговоры. Словом, жили особняком, мало с кем общаясь, но народцем, в общем-то, были дельным и полезным, хотя и себе на уме. Младшие были приветливее и дружелюбнее, чем старшие, но вместе с тем большие любители пошалить и попроказничать. И поэтому Толпек имел слабую надежду, что это всё их проделки. Не более чем неделю назад те привязали самого младшего Умникса к воздушному змею и запустили в небо. То-то было переполоху в лесу, когда, взлетев выше самых высоких деревьев, тот начал громко вопить от страха, от чего у его мамы чуть не сделался сердечный приступ.

Ещё издали Толпек заметил, что Умниксы чем-то встревожены. Они собрались гурьбой у плетня и галдели, глядя на противоположный берег, где сновали какие-то неясные тени, сооружая огромную кучу из поваленных деревьев.

Приглядевшись, Толпек ахнул. Оказывается, там вовсе хозяйничали бобры, и они, судя по всему, собирались запрудить ручей. Толпек

недавно слышал, что там, где они жили раньше, появился большущий великан, от которого не было никакого спасу. Он, видно-таки, разрушил их плотину, и теперь они пожаловали сюда строить свои хатки. Но в таком случае бедные Умниксы окажутся под водой, и им придется искать себе новый дом. Вот это новость!

Толпек подошёл и почтительно поприветствовал Умниксов, но те едва удостоили его вниманием: что за дело им до какого-то Толпека, когда беда внезапно подступила к самым воротам. Лишь самый младший показал ему язык и тут же спрятался за дверь домика, вырытого прямо посреди холма.

– ... Нужно идти жаловаться старому Ворону, пусть он нас рассудит! – громко вопил коротышка в зелёном камзоле.

– Ага, жди, будут бобры слушать твоего каркальщика, – с безнадёжной горечью отозвался ему чей-то надтреснутый голос.

– Тогда давайте соберём всех соседей и прогоним незваных нахалов! – грозно насупил брови крепыш с приплюснутым носом и потряс в воздухе суковатой палкой.

– Не, тут силой вопрос не решить. Бобрам-то податься некуда, слышь. Великан совсем их до ручки довёл. Так что они либо здесь осядут, либо весь лес затопят, если спустятся чуть ниже по течению.

– Ах, бедные мы, бедные Умники! – разом запричитали все и, обняв друг дружку, погрузились в чёрную меланхолию.

Даже огромный жёлтый подсолнух, росший у крыльца, и тот печально склонил свою жёлтую шляпку.

Действительно, Умников было за что пожалеть. Ухоженные засеянные грядки, на которых поспевали разнообразные овощи, их земляной домик, погреба и кладовки, все это совсем скоро скроется под водой и... прощай, с такими трудами налаженная жизнь! Толпеку поневоле стало грустно, но он ничем не мог помочь соседям. Он лишь стоял и смотрел, как прямо на глазах растёт махина на другой стороне ручья.

– Эх, если бы прогнать великана, то бобры, конечно, вернутся к себе домой, – невольно вслух подумал он

– Что ты, что ты! – замахал руками старший Умник. – Даже не думай! Великан нас всех сразу проглотит и не останется на свете ни одного Умника.

– Но должен же быть способ справиться с ним, – не сдавался Толпек.

– Не знаю, не знаю. И вообще, ступал бы ты отсюда, малыш. Не мешай нашему горю.

Тут Толпек вспомнил, зачем он сюда пришёл и поманил пальцем молодого Умника, прозванного Веснушкой за то, что веснушки так и усыпали его круглую курносую рожицу.

– Слушай, Веснушка, я, конечно, сочувствую вашему несчастью, но вчера у тётушки Хлои пропало зеркальце. Ты случайно не знаешь, может, его кто из ваших по ошибке взял?

Тот на секунду нахмурился, но тут же быстро ответил:

– Нет, мы никогда не берём без спросу чужое, даже когда шалим. За это я ручаюсь. Но вообще какие-то странные вещи стали происходить в нашем лесу. Представляешь, сегодня ночью кто-то пытался отгрызть шляпку у нашего подсолнуха. И, если бы не бессонница старого Седоуса, который ненароком спугнул незваного гостя, негодяй сделал бы свое чёрное дело, – и он показал на поникший круг подсолнечника, который едва держался на ножке. – И, что самое удивительное, внизу не было никаких следов. А стебель был повреждён чьими-то острыми зубами. Я уже забирался наверх и всё осмотрел. Ума не приложу, кому это нужно?

– А старый Умник ничего не заметил...

– Куда ему, ведь он едва видит в темноте.

– Н-да, это действительно загадка. Дело в том, что этот самый таинственный зубастик тоже оставил точно такие же метки там, где пропало зеркальце. – И Толпек рассказал Веснушке про надкушенное пирожное.

Тут пришла очередь задуматься Умнику. Кто же он, этот таинственный злодей, не оставляющий на земле никаких следов и обладающий зубастой пастью? Во всём лесу только одно существо могло похвастаться такими зубами. Белочка Жуля. Но если это она, то обязательно остались бы отпечатки её маленьких лапок. Особенно здесь, на рыхлой почве возле крыльца. И Толпек решил навестить Жулю, чтобы рассеять все подозрения. К тому же Веснушка напросился с ним, а вдвоём было как-то веселее.

Чтобы побыстрее добраться до белочки, они решили идти напрямик. Поначалу дорога была более или менее сносной, но вскоре на их пути встали густые заросли шиповника. Так что когда ходоки наконец-то достигли цели, то были порядком помяты и взъерошены препротивными колючками, на что они не обращали никакого внимания. А, может, просто стеснялись показать друг другу саднящие царапины и порезы. Кто его знает...

Разлапистая сосна, которую Жуля облюбовала под свой дом, была настолько высока, что своей кроной, казалось, задевала облака. Толпек никогда не был у белочки в домике-дупле (признаться честно, он не очень-то умел лазать по деревьям), но Веснушка, которому такое дело раз плюнуть, рассказывал, что у Жули хоть и маленькое, но весьма милое жилище. Товарищи задрали головы и хором прокричали: «Жу-у-ля! Жу-у-ля! Выходи!». Но им никто не ответил. Недоуменно переглянувшись, они закричали с новой силой: «Жу-у-ля!!!». Тишина. Только ветер шелестит наверху.

– Я, пожалуй, мог бы подняться к ней, но, боюсь, Жули действительно нет дома, – сказал Веснушка.

Толпек лишь печально кивнул головой – так оно скорее всего и есть. Делать нечего, пришлось возвращаться ни с чем. В это время, как назло, задул ветер, и налетел мелкий моросящий дождик. В поисках хоть какого-нибудь укрытия путники свернули с дороги. Но не успели они сделать и нескольких шагов, как вдруг Веснушка чуть не свалился в дыру в земле. Толпек мог поклясться, что ещё вчера никакой дырки здесь не было, и вот на тебе, здрасьте! Кто-то пришёл и похозяйски, никого не спросив, вырыл нору. «Ну, и времена настали, – подумал он. – Ещё совсем недавно жили мы не тужили, и вот на тебе. Как же всё изменилось за одно утро!».

Однако Умниксу, которому было не до всяких там рассуждений, норка пришлась весьма кстати. Он мигом шмыгнул в неё и скрылся в тёмном проёме. Толпеку вовсе не улыбалось в одиночку мокнуть под дождем, и он, кляня себя за слабодушие, стал протискиваться в земляной лаз.

– Толпек, ау! Ты где? – донеслось откуда-то из глубины. Веснушка, судя по всему, успел забраться довольно далеко, потому что голос его звучал глухо. Словно из глубокого колодца.

Но Толпек не отвечал. Не торопясь, на четвереньках, двигался он вперед, осторожно переставляя руки и ноги в полнейшем мраке: «Конечно, Веснушке хорошо, он с детства привык жить под землёй и чувствует себя здесь как дома. А каково мне? Хоть и бывал я у Умниксов, но там уютно, сухо, в камине горит огонь, а здесь. Бр-р-р. Ещё противных мокриц тут не хватает! Так и с ума сойти недолго».

Вдруг впереди слышалась какая-то возня и, судя по звукам, там явно шла ожесточённая борьба. Толпек замер на секунду и бросился вперед. Через несколько шагов он со всего маху уткнулся лбом в чей-то мягкий большой бок, и в тот же момент над ухом раздался вопль Веснушки:

– Помогите-е-е!

Толпек в ужасе вцепился в неизвестно чью густую шерсть и завизжал:

– А-а-а-а.

Огромная шевелящаяся туша только сопела и фыркала, пятясь задом к выходу. Толпек очутился под ней, но хватки своей не ослабил. Так они и выкатились из норы орущим клубком, перемазанные землей с ног до головы. Только тут Толпек разжал свои объята.

Где-то по другую сторону, не переставая, голосил Веснушка, но Толпеку было уже всё равно. Он зажмурил глаза и, лёжа на спине, мысленно прощался с жизнью, ожидая чего-то очень-очень страшного. Но время шло, а ничего не происходило. И Умникс уже давно смолк, и сердце перестало ухать, как колокол, но всё так же было тихо. Толпек набрался смелости и открыл сначала один глаз, потом другой. Дождик всё ещё моросил. Лежать под его струями в мокрой траве в общем-то было неудобно. Толпек привстал на локте и осторожно огляделся. Вокруг никого не было видно, если не считать Веснушку, который неподвижно лежал неподалеку, уткнувшись носом в землю. Его смятая шляпа висела на кусте, за которым кто-то сидел и громко икал.

– Веснушка, – шёпотом позвал Толпек, – ты слышишь меня?

– Слышу, – не меняя позы, тот.

– Ты живой?

– Вроде да, а вроде и нет.

Толпек на коленях подполз к товарищу и перевернул его. На левой скуле у Веснушки прямо на глазах расплывался огромный фиолетовый синяк. Толпек легонько прикоснулся к нему, и Умникс подскочил, словно ужаленный:

– Ай! Больно же!

Тот, кто сидел за кустом, перестал икать. Из-за веток показалась длинная остроконечная морда. Она повела носом и уставилась на них.

– Ты кто?! – разом воскликнули друзья.

– Б-барсук, – ответил незнакомец и облизнулся. – А чего это вы лазаете по чужим норам, народ пугаете?

– Это кто ещё здесь чужой? – недовольно протянул Толпек. – Это наш лес и мы, между прочим, здесь живём. А вот ты кто такой? Откуда-то явился и ещё руки распускаешь! Смотри, какой ты Веснушке фонарь поставил!

Барсук снова икнул. Умникс демонстративно пощупал щёку и, боком подскочив к нему, задиристо крикнул:

– А ну, выходи! Сейчас я с тобой разберусь!

– Да ладно, ладно, – примирительно забасил тот. – Я ж не хотел. Честное слово, не хотел! Просто я спал, а тут вдруг на меня кто-то навалился...

– Это я-то навалился?! – не успокаивался Веснушка. – Это ты в меня ка-а-ак вцепился, а я так, и вот так. – Он начал скакать по полянке, изображая, как храбро сражался с неведомым зверем.

Неизвестно, чем бы закончилась перепалка, если бы Толпек не поте-

рял терпение. Он перехватил Веснушку, когда тот в очередной раз пронёсся мимо него с боевым кличем. Барсук облегченно вздохнул и, скорчив уморительную гримасу, громко зачихался:

– Ап-чхи! Простите, ап-чхи! Извините, ап-чхи!.. – наконец, он отдышался и вылез из кустов. – Ещё раз прошу меня извинить, просто я немного простудился, когда сидел в подвале у великана...

– У великана?

– Да, у него самого, – подтвердил Барсук и внезапно запричитал:

– Ох, детки, вы, мои детки, ненаглядные барсучата! Страдаете сейчас в клетках такие маленькие, такие беззащитные.

– Да перестань же ты! – топнул ногой Умникс. – И, кстати, достань, пожалуйста, мою шляпу. Вон она у тебя за спиной висит.

Получив шляпу, Веснушка бережно расправил её и водрузил на макушку. Придя в хорошее расположение духа, он подмигнул Толпеку уцелевшим глазом и обратился к Барсуку:

– Так, значит, ты пришел сюда из-за горы?

– Ага. Ну, и страху же я натерпелся по дороге... Братцы, – вдруг взмолился он, – никому не рассказывайте, что видели меня!

– А что такое? – насторожился Веснушка.

– Дык, великан, он хоть и далеко, а всё равно всё видит и слышит.

– Быть такого не может, – усомнился Толпек.

– Может-может, – махнул лапой Барсук. Откуда-то из-за пазухи он вытащил обрывок красной ленточки. – Вот смотрите. Это половинка банта моей младшенькой, я её вчера нашёл неподалеку. Значит, великан знает, что я где-то поблизости и подаёт мне знак, что никуда я от него не денусь!

Толпек взял ленточку и внимательно её осмотрел. С одного конца лента была аккуратно подрезана, как, впрочем, оно и должно быть, а вот с другого края свисала бахрома, словно она была обкусана. Стоп... Толпек замер на месте. В этом было что-то знакомое. Он попытался сосредоточиться, но ему мешали утробные всхлипывания Барсука. Толпек внимательно посмотрел на него: «Всё-таки для начала надо бы расспросить его».

В конце концов вот что рассказал Барсук:

«Жил себе я с барсучатами, горя не ведал. Детки были здоровенькие, послушные, и сам он хоть куда. Всё было хорошо. Да только грянула беда нежданно-негаданно. Пришёл издалека неведомый великанище, поселился в заброшенной хижине, и не стало с тех пор никому от него житья. То бобровые хатки великан порушит, то гнезда птичьи разорит. А вот ещё повадился на зверушек малых силки да петли расставлять. Много он ими зверья разного наловил, и сидят теперь они у него в клетках тесных и плачут горькими слезами. И барсучата его там. Выбрал я ночь потемнее и пошёл малышей своих выручать, да тут сам и попался. Перевязал меня великан веревками и кинул в сырой подвал. Только недолго томился я в плену. Сумел-таки перегрызть веревки и сбежать через отдушину. Спихватился великан, да поздно. Далеко я успел уйти, не догнать меня уже было. А сейчас я здесь и не знаю, как быть дальше. Такие вот дела».

– ...А великан тот огромный, борода у него до пояса, живот большой, как барабан, а глазища, что твои колеса. Берендей, товарищ мой по несчастью, пока на цепи у него сидел, хорошо узнал его. Говорит, больше всего на свете любит великан покой, чтобы в лесу никто не пел, не сме-

ялся, не мешал ему. Все грозитя зверушкам языки вырвать, чтобы сделались они безгласными, как змеи и ящерицы. Как бы и в самом деле не надумал! А гады эти ползучие так и липнут к нему. Умеет он, что ли, язык общий с ними находить, не пойму я. Сроду в лесу такой живности не водилось, а вот откуда-то появились. Страшно у нас стало. Даже ветер, и тот как-то мрачно шумит, аж мурашки по коже. Да еще мыши летучие носятся туда-сюда, все вынюхивают, выглядывают: чего бы натворить. Пожалуй, скоро и сюда нагрянут, если уже не побывали.

– Как ты сказал? Летучие мыши?! – воскликнул Толпек. – Так вот кто, значит, напакостил сегодня ночью в лесу! Теперь все ясно. А мы тут на белку напраслину возводим. Оказывается, она ни в чем не виновата, а всё мыши эти гадкие. Но куда же все-таки запропастилась Жуля?

Надо было что-то делать. Толпеку вспомнилось залитое слезами лицо тётушки Хлои, и ему стало невыносимо жаль её. Умникс уныло ковырял ногой землю и размышлял о предстоящих невзгодах. Про Барсука и говорить нечего: тот был просто убит своим горем.

– Ну, что ж, – произнёс Толпек. – Давайте, что ли, пойдём ко мне. Выпьем чаю, а потом будем думать, что делать дальше. А то я даже не завтракал, а ведь когда в животе пусто, то и в голове, – он похлопал себя по лбу, – тоже ни бум-бум.

Дождик тем временем закончился. Выглянуло солнышко, и все неожиданно почувствовали зверский аппетит. Барсук шумно отряхнулся, обдав соседей водопадом брызг, и те только сейчас разглядели, какой у него славный и пушистый мех. Барсук заметил их восхищённые взгляды и горделиво приосанился. Он важно надулся, и у него стал такой смешной вид, что друзья не сдержались и прыснули в ладошки. Барсук крепился-крепился, да не выдержал. Словом, не прошло и минуты с момента всеобщего уныния, как вся лужайка огласилась весёлым залиvistым хохотом.

На время позабыв о несчастьях, приятели бодро потопали по тропинке. Умникс до того развеселился, что всю дорогу подражал пению птиц, да так мастерски, что в лесу начался самый настоящий концерт. Жаворонки, дрозды, козодои слетелись со всей округи. Они, верно, думали, что прибыл какой-то знаменитый певец, у которого есть чему поучиться, и старательно вторили ему из чащи. А это был всего лишь Веснушка! Простой деревенский Умникс, который никогда ничем особенным не выделялся. А вот, на тебе, оказывается, отличный свистун! Толпек про себя, конечно, сильно удивился, но вида не показал. Ведь он тоже был музыкант и, как водится, немного ревновал к чужому таланту.

Когда приятели пришли до дома Толпека, то их ожидал еще один неожиданный сюрприз. Едва Толпек открыл дверь, как сразу увидел белочку Жулю. Та, заметив его, тоненько пискнула и спряталась за ширму. А на него с шумом налетела тётушка Хлоя, совсем уже не зарёванная, и быстро затараторила:

– Ох, Толпек, а у нас горе, такое горе! – видно, она уже совсем позабыла о своем, да и натура у нее была такая – чужую беду она всегда воспринимала острее, чем свою. – Белочке ночью насыпали на хвост какой-то дряни. Уж мы тёрли-тёрли его, тёрли-тёрли, но никак она, негодная, не хочет отставать.

Хлопотунья подбежала к занавеске и вытянула упирающуюся Жулю. У Толпека от удивления глаза полезли на лоб. Большой и нарядный хвост Жули из огненно-рыжего превратился в совершенно черный. Белочка, всегда такая живая и смешливая, понуро стояла у стены. Из-под пушистых ресниц медленно выкатилась огромная слеза. Замерла на мгновение и, дрогнув, побежала вниз, оставляя за собой прозрачную дорожку. Тётушка Хлоя, как могла, утешала Жулю ласковыми словами, суетливо теребя мокрые ворсинки на хвосте. Но вдруг она охнула и, схватившись за сердце, стала оседать на пол. Толпек быстро подста-

вил ей стул и обернулся. Ну, конечно. Это в дверь пытался протиснуться Барсук. Сделать это ему было сложно, и он по своему обыкновению запыхтел. Тётушка Хлоя приготовилась по-настоящему грохнуться в обморок, но тут подскочил Умникс и стал поливать её водой из кувшина.

– Ах, спасибо, спасибо, больше не надо! Мне уже лучше, – шишка понемногу пришла в себя и, вытеревшись передником, уставилась на Барсука, который с любопытством осматривался по сторонам. – К-кого это ты привел? – хриплым шёпотом спросила она Толпека.

Не успел тот ответить, как Барсук шаркнул ногой и представился сам:

– Здравствуйте, я, – Барсук. Вы уж простите меня великодушно, что своей особой принес вам столько неудобств...

– Да ладно, ладно тебе! – замахал руками Веснушка. – Ничего такого страшного не произошло, не переживай. А давайте-ка лучше поедим?

– погоди, – строго перебила его тётушка Хлоя. Она уже совсем оправилась, ведь Барсук такой вежливый, что его, пожалуй, не стоит бояться. – Как вы сказали?.. Барсук? Очень приятно. Ко мне вы можете обращаться «тётушка Хлоя». Так меня здесь все называют, – пояснила она и указала на белку. – А это Жуля. Белочка Жуля. Поверьте, я очень рада, что вы пришли, но это было так неожиданно. Не так уж часто к нам заглядывают такие удивительные гости.

Толпек тем временем быстро расставил чашки, достал из буфета варенье с пирогом и пригласил всех к столу:

– Рассаживайтесь, кто куда хочет. Только, чур, я у окошка, – и первым уселся на свое привычное место.

От горячего чая шёл такой душистый аромат, что никто не заставил себя упрашивать дважды. Умникс уплетал за обе щёки, аж за ушами трещало. Тётушка Хлоя хотела было сделать замечание, но не стала. Она церемонно и тор-

жественно наслаждалась чаем, элегантно поддерживая чашку блюдцем. Барсук старался выглядеть культурным. Несмотря на то, что ел, видимо, давно, он аккуратно подносил ко рту маленькие кусочки и успевал даже нахваливать угощение. Тётушка Хлоя сияла. Столько комплиментов, да ещё и от такого гостя. Когда же она узнала о его горе, то вообще прониклась к нему живейшим участием. Наконец, всё было съедено, и белочка поведала свою грустную историю. Оказывается, с вечера она смазала хвостик каким-то чудодейственным кремом, от которого шерстка становится более густой и пушистой. На ночь она высунула хвост из дупла наружу, чтобы он как следует просушился. Конечно же, на следующее утро, когда Жуля проснулась, то первым делом выглянула на улицу... И от ужаса чуть не свалилась вниз: хвост стал чёрным, словно его вывалили в саже. И чернота эта так въелась в мех, что её, пожалуй, никогда не отмыть. Все опять заохали и стали снова и снова рассматривать её хвост. Барсук провел лапой по шерстке и задумался.

– Я думаю, это сажа из очага великана, – наконец, сказал он. – Всех его пленников вымазали в ней, и стали они черными, как уголь. Оттого это, говорил Берендей, что терпеть не может великан разноцветных красок. Глаза у него болят от них, да и душа у него такая чёрная, что краше этого цвета для него ничего на свете нет.

– У-ух, великан, – погрозились кулаком Веснушка, – из-за него все наши несчастья! Это он послал сюда своих мышей. Это они сгрызли наш подсолнух и украли зеркальце Хлои. И Жулин хвостик – тоже их работа.

Толпек рассеяно крутил пальцем по столу.

– И это произошло только за одну ночь. А что будет дальше?! – Умникс распеялся всё больше и больше. – Нужно проучить этого негодяя. Что он о себе возомнил! Подумаешь, великан. Не боимся мы его!

– Правильно! – поддержала его тётушка Хлоя. – Так он всех нас отсюда выживет! Пора спасать зверюшек. Нельзя их без помощи оставить.

– Подождите, – поднял руку Толпек. – Конечно, великана надо найти и наказать. Но сделать это надо осторожно и с умом. Может, к Старому Краку обратиться за советом? Наверняка, он что-нибудь мудрое подскажет. Как думаете?

– Правильно! – вскинулся Веснушка. – Пошли скорей к нему!

Все согласились, что это верное решение: Старый Ворон хоть и был не людим и особо не жаловал незваных гостей, но жизнь прожил долгую и был по-настоящему мудр. В молодости он был крайне любознателен, повидал множество мест на земле и, если бывал в настроении, давал весьма дельные советы. Если его, конечно, просили об этом.

Глава вторая. У Старого Ворона

Старый Ворон, укрытый шерстяным пледом, сидел в плетённом кресле и мирно покуривал послеобеденную трубочку. Никто уж не помнил, откуда завелась такая привычка, но все в лесу знали, что каждый день пополудни Ворон усаживался в своё любимое кресло, не торопясь набивал табаком свою изогнутую трубку, раскуривал её и принимался выпускать из клюва разноцветные колечки дыма. Кружась, они взлетали к верхушкам деревьев и медленно летели ввысь, гонимые ветром. Так было и в этот день.

Крак издали заметил пеструю толпу, показавшуюся на опушке. Как все старики, Ворон плохо спал по ночам. Выйдя сегодня подышать свежим воздухом,

он заметил мелькающие на фоне звёздного неба быстрые тени. «Да никак это летучие мыши пожаловали к нам?!» – нахмурился Ворон. Когда появляются эти коварные существа, добра не жди. Наверняка, в лесу уже что-то случилось, и встревоженные обитатели потянулись к нему за советами или помощью. Крак задумался. Сами по себе летучие мыши, конечно, противные твари, от них можно всякого ожидать. Но часто они являются предвестниками неведомой беды, а вот какой, Ворон пока сказать не мог.

– Ну, что ж, посмотрим, посмотрим, – поразмышлял вслух Крак, плотнее закутываясь в плед, какие такие напасти ожидают нас на этот раз.

За много лет спокойной жизни он уже отвык от неожиданностей, и какие-то новые тревобления были ему не по душе. Он жил крайне уединённо, размеренно и неторопливо. Все старались обходить стороной его жилище, чтобы ненароком не потревожить почтенного старца. Лишь когда случалось что-то уж совсем из ряда вон выходящее, жители окрестных лесов шли к нему. Именно по этой причине все новости доходили до Крака в последнюю очередь, и ему это подходило. За свою жизнь он столько всякого навиделся, что хватило бы на двадцать Толпек (вон он вышагивает впереди честной компании!), но как бы там ни было, Старый Ворон всегда относился к нему с искренней симпатией. Крак очень любил слушать, как Толпек играет на своей дудочке, и время от времени они даже устраивали вместе небольшие представления. Ворон раскуривал трубочку и колечки дыма, словно зачарованные дивной музыкой, никак не хотели улетать и водили хороводы прямо на опушке. Вскоре всё оказывалось усеяно красными, синими, жёлтыми дымными баранками, посреди которых стоял маленький забавный Толпек с дудочкой. И тогда Крак погружался

в приятную дремоту, и в мыслях своих уносился в далёкую юность. Дороже этих минут у Ворона не было ничего на свете.

Крак задремал. И тут с ним почтительно поздоровались. Ворон приоткрыл один глаз и проницательно осмотрел гостей. Затем зевнул и начал выбивать пепел из трубки.

– Здравствуйте-здоровствуйте,– тягуче произнес он. – Что, Толпек, никак что случилось? Верно? Иначе ты бы сюда ни за что не завернул. Давненько мы с тобой не виделись, давненько. Забывать ты стал Старого Крака.

Толпек смущённо пожал плечами:

– Крак, ты не обижайся, но мы действительно к тебе с бедой...

– Беда, беда,– насмешливо протянул Ворон и кивнул в сторону белочки. – Вижу я, какая беда. Мелькнет иногда её рыжий хвост неподалеку, будто солнечным осколком резанет по глазам. А теперь, поди ж ты, почернел весь, под стать моему крылу. Ну, так оно и к лучшему, теперь совсем её замечать не буду. Ха-ха...

Тут тётушка Хлоя не вытерпела и сердито топнула ногой.

– Чего ты, старый, смеешься над чужим горем! Вот возьму сейчас твою трубку и разломаю на маленькие кусочки! Посмотрим, как тогда ты заговоришь!

Крак развеселился.

– На, держи,– он протянул ей свою трубку. – Ломай на здоровье, если сможешь, конечно.

Тётушка Хлоя растерянно повертела трубку и в сердцах бросила её в траву. Трубка неожиданно подскочила и запрыгнула обратно к Ворону. Тот только усмехнулся.

– Трубка эта выточена из эбенового дерева, иначе называемого железным. Крепче него нету на свете древесины. Так что погорячилась ты, кумушка, погорячилась. Ну, да ладно,– тон его стал совершенно серьёзным. Ворон внимательно посмотрел на Толпека. – Говори, малыш, я тебя слушаю.

Когда тот поведал всё, что ему было известно, Крак нахмурил свои густые брови:

– Да, дело серьёзное. Давненько не слыхал я про великанов. Не думал, что остался на свете хоть один, а вот, смотри-ка, объявился какой-то. Когда-то давным-давно жили великаны в глубоких пещерах и лишь изредка появлялись на поверхности. Света солнечного они не любили, но ночами вполне могли бродить по окрестностям. Немало бед они принесли, но однажды неожиданно исчезли. Все до единого. И с тех пор их не видно и не слышно.

– И никто не знает, почему они вдруг пропали? – спросил Веснушка.

– Трудно сказать. Да говорят только, что великаны, там, у себя, что-то не поделили с гномами, и вышла у них друг с другом большая замятня. А что там потом стало, вот этого уж точно никто не знает.

– Но ведь этот великан не боится солнечного света,– подал голос Барсук. – Разгуливает везде, где ему вздумается, живёт в хижине, а не в пещере. Какой-то особенный великан получается.

– Хе-хе-хе,– Крак задумчиво погладил затылок. – Вот что я вам скажу, ребята. Есть у меня один приятель, которому как раз по плечу такие загадки. Живёт он у Синей Горы, и, я думаю, пришла пора подать ему весточку.

Старый Ворон зашёл в дом и вернулся с холщовым мешочком, на котором был вышит маленький рожок. Развязал его и аккуратно высыпал в трубку порцию душистого волшебного порошка. Слегка примял его пальцем и принялся поджигать от горячей лучины. Друзья, не шелохнувшись, смотрели, как он выпустил в небо огромное голубое кольцо. Оно зависло над его головой, переливаясь всеми оттенками синеватого цвета, потом вдруг вспыхнуло и, уменьшившись в размере несколько раз, принялось кружиться по часовой стрелке. Ворон, не торопясь, откашлялся и стал чертить в воздухе непонятные знаки, бормоча при этом заклинание:

*Хурр, дурр, гурр,
Хары, дары, гары!
Ты лети, письмо, туда,
Где хрустальная вода
Бьёт из камня родником.
Там стоит высокий дом.
В нём живёт, ты знаешь кто,
Расскажи ему про то,
Что узнал сегодня Крак:
Объявился новый враг,
Обижает он зверей,
Нужно гнать его скорей.
Хурр-р-р-р.*

Кольцо, словно до этого его удерживала невидимая нить, плавно взлетело вверх и поплыло одному ему ведомой дорогой. Умникс как зачарованный провожал его взглядом.

– А кто он, твой приятель? – спросил Толпек, когда облачко скрылось вдали.

– Придёт время, узнаете, – загадочно ответил Крак.

– И что же получается. Пока мы будем ждать твоего приятеля, нас или затопят бобры, или доконают летучие мыши.

– Ну, с бобрами можно договориться, а летучим мышам мы можем дать отпор. Не так ли?

– А как же мы их достанем? Ведь мы не умеем летать. И, кроме того, они живут за горой.

– Вот именно. Там их логово, там и надо с ними сражаться. Думаю я, их там ещё очень много.

– Так ты что, предлагаешь нам... идти на великана?!

Крак на это ничего не сказал. Он закрыл глаза и замер. И лишь после длинной паузы ответил:

– Будь я помоложе, сам бы отправился в путь. Да только силы мои уже не те, что были раньше. Старость берёт своё. Но мой друг появится обязательно в самый нужный момент. И если там, за горой, безобразничает великан, он найдет на него управу. Толпек, ты готов к испытаниям? Я мог бы тебе подсказать кое-что полезное.

Толпек подошёл к Ворону и склонился над ним. Тот долго шептал ему что-то на ухо, Толпек согласно кивал, хотя лицо его оставалось при этом хмурым и озабоченным. Потом Крак замолчал, повесил ему на шею какую-то вещицу и после этого обессиленно откинулся на спинку любимого кресла.

Толпек повернулся к друзьям. Судя по всему, Ворон не особо его обнадежил. Но Толпек был настроен серьёзно. Он твердо произнёс:

– Делать нечего. Нет у нас никакого другого пути, кроме как пойти и потревожить этого великана. Пусть каждый из вас примет решение, идти со мной или остаться. И поверьте, я пойму любой ваш выбор.

Воцарилась тишина. А потом все враз загалдели: «Как Толпек мог подумать, что кто-нибудь испугается!!! Настоящие друзья никогда не покидают друг друга в беде!!!» Только одного Умникса, казалось, одолевали сомнения. Толпек заметил это и спросил:

– Что, Веснушка, может, останешься?

– Да ты не бойся, я с тобой, – нахохлился тот. – Просто мне своих жалко, бобры-то их скоро совсем затопят. Как же им без меня?

– Не переживай, – улыбнулся Толпек. – Тут Крак мне как раз кое-что посоветовал.

– Да? – сразу оживился Умникс. – Ну, так что мы стоим?! Айда на берег! Бобры больно уж споро работают, каждая минута дорога!

И вся компания, даже не попрощавшись с Вороном, дружно устремилась к ручью.

Глава третья. В путь

Бобры трудились молча. Ближайшие деревья были уже срублены, и с каждым разом бобрам приходилось всё дальше и дальше удаляться в чащу. Работа, конечно, не из легких, но они были привычны к ней с детства. Место попалось удобное, хотя, конечно, прежнее было куда лучше, но что делать – пришлось уйти из родных мест. Немного отвлекали гомонящие нелепые фигурки на противоположном берегу: бегают туда-сюда, руками размахивают... Но бобры старались не обращать на них внимания. Мало ли кому вздумалось кричать, на всех отвлекаться, так и дело встанет. Им никак не могло придти в голову, что своим нежданным строительством они могут доставить кому-то массу неприятностей. Бобров интересовала только плотина, которая должна быть сооружена точно в срок. Скоро на свет появятся маленькие бобрята, а для них необходимо безопасное и надёжное убежище. Прежние хатки порушил великан, – чтоб ему пусто было! – но сюда он вряд ли доберётся. Так, во всяком случае, они себя успокаивали. Слишком уж большой путь они проделали, чтобы оказаться от него подальше.

Внезапно на другом берегу разгорелся костёр. Он сиял всё ярче и ярче, пока не превратился в пылающий факел огромных размеров. Вскоре потянуло дымком. Бобры, побросав инструменты, начали тревожно принахиваться. Кто же так неосторожно обращается с огнём?! Так и до беды недалеко! Бобры помнили, как однажды молния ударила в их плотину, и начался пожар, который удалось потушить с огромным трудом. Этот костёр также

следовало загасить! Они, не сговариваясь, кинулись в воду и поплыли на противоположный берег.

А Толпек только этого и ждал. Подав знак Умниксам, чтобы те перестали подбрасывать ветки в огонь, он наблюдал, как бобры стремительно пересекают ручей. Вот, наконец, самый большой бобёр выбрался на берег и вперевалку подошёл к Умниксам.

– Что это вы делаете?! Лес решили пожечь? – он с опаской покосился на огонь. – Зачем такой кострище развели?

Старший Умникс, по имени Седоус, сразу же раскрыл рот, чтобы разразиться гневной тирадой, но тут Толпек предостерегающе кашлянул.

– Уважаемые бобры, – начал он. – Вы напрасно думаете, что мы собираемся спалить свой лес. Уж слишком мы любим его. Вот они, – он показал на Умниксов, – прожили здесь всю свою жизнь. Посмотрите, как здесь чисто и прибра-

но, попробуйте найти хоть одну лишнюю веточку или опавший листик. Да ни за что! Вот как они заботятся о своём доме. Который, кстати говоря, им совсем скоро придётся покинуть...

Старший Умникс вновь попытался возразить, но его сдержали свои же.

Толпек выдержал паузу и продолжил:

– А всё потому, что скоро сюда явится... великан! Сегодня ночью мы столкнулись с летучими мышами, а где они, там и он тут как тут.

Бобры после такого известия не на шутку встревожились. Кому, как не им, знать, какая напасть этот великан проклятый! Но всё же, как он может здесь объявиться? Быть такого не может! Сколько дней они уходили от него непроходимыми чащобами да непролазными оврагами. Ну, нет! Ни за что он сюда не доберется!

– Это как посмотреть, ведь великан может пройти через гору, – возразил Толпек. – Это она только с виду кажется неприступной, а на самом деле там есть проход. Про него мне рассказал Старый Ворон. И великан наверняка об этом знает, а если и не знал, то уже наверняка летучие мыши все ему доложили.

Тут уж и Умниксы крепко призадумались. Стало быть, дело не в бобрах, а в этом самом великане, о котором болтают всякие страсти. Если он придёт, то придётся убегать, куда глаза глядят. И прощай тогда навеки, родной лес!

Толпек снял свою кокосовую шляпу и вновь обратился к бобрам.

– Конечно, вас отсюда никто не гонит, но время сейчас такое, что нужно что-то предпринять. И вот мы решили, – он обвел взглядом всех присутствующих, – идти и сразиться с великаном! А поможет нам могучий друг, который скоро прибудет, – быстро добавил он.

Все подавленно молчали. Как же так! Пусть этот парень и действительно смельчак, но куда ему супротив огромного чудища. Тут и ежу понятно, что вся затея обречена на провал. Но Веснушка, который в присутствии старших вообще-то всегда вёл себя смирно, не выдержал:

– А что?! Толпек прав! Так и будем сидеть, сложа руки? Или сразу всё бросим и в кусты?! Да уж лучше пускай меня великан в лепёшку раздавит. Всё равно я без своего дома жить не смогу! – он хотел сказать ещё что-то, но ораторский запал у него кончился. Он в сердцах махнул рукой и отошёл в сторону.

Младшим Умниксам такая речь пришлась по душе. Вот уж никогда бы не подумали, что их Веснушка осмелится выступить наперёд старших, но говорит он правильно. Очень и очень правильно! Умниксы оживленно задвигались, зашумели... Седоус, проигнорировав дерзкую выходку внука, повернулся к Толпеку:

– Ну, хорошо. Пойдёте вы с этим вашим могучим другом на войну. А нам-то что с ними делать? – кивнул он в сторону бобров. – Не сегодня-завтра затопят они нас, и всё, пропадай тогда пропадом наше добро!

– Но и нам деваться некуда, – возразил бобёр. – У нас ожидается прибавление в семьях, и нам срочно требуется пристанище. Не под открытым же небом нянчить малышей.

Толпек вопросительно переглянулся с Веснушкой и, когда тот кивнул, осторожно начал:

– Это, конечно, совершенно недопустимо. Но у наших друзей Умниксов имеется огромная кладовая, ничуть не хуже их дома. И они наверняка с боль-

шой радостью предложат её вам. Только ее надо немножко переделать, и лучше и уютнее места для бобрят вам не найти!

Изумлённые Умниксы слушали его, раскрыв рты. Толпек не дал им опомниться и продолжил:

– И ещё... На том берегу осталось ещё много всякого зверья. И на всякий случай не мешало бы построить мост, чтобы они могли спастись, ведь не все умеют плавать! А если мы победим, то потом запросто сможем ходить друг к другу в гости. Да и мёд на той стороне такой душистый!

Младшие, а за ними и старшие Умниксы восторженно завопили. Они сдёрнули со стриженных макушек соломенные шляпы и стали их подбрасывать высоко-высоко!

– Ура! Ай, да Толпек, ай, да молодец! Да здравствует мёд! Ура бобрам!

Бобры не смогли сдержать улыбок. Умникс Седоус, поворчав маленько для виду, выступил вперёд и крепко пожал лапу старшему бобру:

– Добро пожаловать в наш дом. Рады оказать вам свое почтение.

– И мы очень признательны вам за гостеприимство, – с достоинством ответил ему бобёр.

Тут же было решено устроить дружеский обед, ну, а уж потом приниматься за дела. Хозяйки захлопотали, вынося на общий стол дымящиеся блюда. Чего тут только не было! И восхитительный молочный суп, и сладкий клубничный кисель, и пироги с капустой и рыбой... А рисовая каша с изюмом, обильно сдобренная сливочным маслом, была просто выше всяких похвал! С кухни доносился зычный голос тётушки Хлои, отдающей необходимые распоряжения. О, она находилась в своей стихии, и местным кулинарам было чему у неё поучиться! Да что там говорить: по всему лесу передавались и заучивались наизусть её бесподобные рецепты. Бобры тоже явились не с пустыми руками. Они принесли с собой лесные орехи и дикие груши, которыми угощали всех подряд. А Барсук просто лопался от гордости, представляя своих новых друзей некоторым знакомым бобрам.

Словом, пир удался на славу. И как-то само собой получилось, что ноги так и стали проситься в пляс. Толпек с младшими Умниксами быстро организовали оркестр с бубнами, свистульками, трещотками! А Веснушка напевал зазорные куплеты, тут же сочиненные на ходу:

*Утром к нам пришел нежданно
Из-за леса, из-за гор,
Поругавшись с великаном,
Досточтимейший бобёр.
И теперь он будет с нами
Жить с бобрихой у ручья,
И отныне мы с бобрами
Вместе, как одна семья!*

Старшие Умниксы вспомнили молодость и выделяли задиристые коленца вокруг своих жён. А бобры старательно и смешно танцевали вприсядку. Барсук, улучив момент, схватил тётушку Хлою в охапку и пошёл, пошёл... До того разошёлся, что когда танец закончился, свалился мешком и не мог вымолвить ни слова.

Но вот веселье закончилось. Пришла пора расставаться. На общем совете было решено, что в дорогу отправятся Толпек, Веснушка (куда ж без него!),

ловкая и неутомимая Жуля и Барсук, который будет проводником. Все понимали, что путь будет нелёгкий, и что они идут навстречу неизвестным опасностям, и, как могли, поддерживали их: кто советом, а кто добрым напутствием. Тётушка Хлоя собрала в узелок съестные припасы, а младшие Умникисы приволокли воздушного змея.

– Кто знает, может, он вам и пригодится, – сказали они.

После непродолжительного прощания бобры переправили путников на тот берег. Толпек взобрался на пригорок и в последний раз оглянулся. Провожажущие молча стояли гурьбой на песчаной отмели, а кто-то забрался на подсолнух и махал вслед круглой шляпой. «Что ж, – подумал Толпек, – в путь так в путь». И он бодро потопал за ушедшими вперёд друзьями.

Веснушка, которому эти места были знакомы, неторопливо рысил сбоку, увлечённо рассказывая белочке о местных достопримечательностях: «Во-он там, за горкой, стоит такой большой муравейник, что он, Веснушка, может за просто жить в нём. А вон там, чуть подальше – чудесный малинник. Правда, ягоды ещё не поспели, но придёт время, и они обязательно вернутся сюда и тогда уж вволю полакомятся сладкой малиной». Жуля его слушала, в то же время внимательно осматривая окрестности своими глазками-бусинками. Её острые ушки с бахромой на кончиках всякий раз настороженно вздрагивали, когда откуда-то доносились какие-нибудь звуки. Всё вокруг жило и двигалось: то кузнечик выпрыгнет прямо из-под ног, то дятел начнёт свою работу, то ещё что-то...

Чем дальше они уходили от ручья, тем более мрачным становился Барсук. Он с беспокойством поводил своим длинным носом и что-то бормотал. Толпек никак не мог понять причины его тревоги, ведь пока вокруг ничто не предвещало беды. Но у Барсука, видимо, были свои мысли на этот счёт.

– Вот что, – обратился он, наконец, к спутникам, – не хотел я раньше времени вас пугать, но лучше всё сразу выложить начистоту. Там, – он показал лапой вперёд, – третьего дня я чуть не попал на ужин к зубастым лисам. Я лишь чудом ушёл от них в непроходимую чащу. Им сквозь неё не пройти, вот и рыскают они по ту сторону бурелома, ищут, чем бы поживиться. Трудно будет проскользнуть незамеченными через их владения, а, скорее всего, невозможно.

– Вот это да! – присвистнул Веснушка. Он посмотрел на свои коротенькие ножки и мысленно сравнил их с длинными приткими лапами рыжих разбойников. Да-а, даже и думать нечего удрать от них.

– Ты, наверное, боялся, что, узнав о лисах, мы вообще никуда не пойдём, – обратился он к Барсуку.

Тот лишь печально промолчал.

Нужно было что-то решать, и все уставились на Толпека в ожидании, что же он скажет. Но тому в голову приходила только одна картина: вот он сидит на ёлке, а внизу безжалостные лисы терпеливо ждут обеда.

– Толпек, – вывел его из задумчивости голос Жули. – Толпек, надо что-то делать.

– Да-да, – откликнулся он. Посмотрел на небо и решительно сказал: – Знаете что? Если мы не можем обогнуть гору, то придется идти через нее, иного выхода у нас нет. Я надеюсь, что с помощью этой штуки, – он указал на воздушного змея, – мы сможем перебраться через расселины. Тут самое главное – не смотреть вниз, и всё будет в порядке. Пошли!

– Хоп-хей, чему быть, того не миновать, – подытожил Веснушка.

И почему-то всем и на самом деле показалось, что не такое это уж и трудное дело – перевалить через такую громадную гору. Так себе, пустяк.

Глава четвёртая. Встреча со Смехачами

...Гора даже издали казалась огромной, а, подойдя ближе, товарищи и во все оторопели от её необъятности. Правда, подошва была более менее пологой, но потом склон становился всё круче и круче, переходя в абсолютно вертикальные стены. Началось трудное восхождение. Выстроившись гуськом, путники поднимались до тех пор, пока не зажглись звёзды. Дальше двигаться в потёмках было небезопасно.

После первого изнурительного дня все так вымотались, что тут же повалялись на траву и мгновенно уснули. А утром путь стал ещё труднее. Все как могли помогали друг другу. Особенно тяжело было Барсуку. Обливаясь потом, он скреб задними лапами, пытаясь подтянуть своё неповоротливое тело вверх хоть на сантиметр. Толпек с Жулей брали его за передние лапы и тянули вверх, на себя, а Веснушка подталкивал снизу. Один раз Барсук не удержался, опрокинулся назад, подмял под себя Умникса и покатился по склону. Неизвестно, чем бы закончилось это падение, если бы на пути не встретился огромный валун, на который они со всего маху и налетели. На лбу у Барсука сразу же вспухла большая шишка. Потирая ушибленное место, он виновато посмотрел на Веснушку, которому тоже досталось. Но тот, не обращая внимания на ссадины, растерянно вертел в руках свою шляпу. Она разошлась по краям, и носить её теперь не было невозможно. А надо сказать, что любой Умникс без шляпы, всё равно, что павлин без хвоста. Ну, никак ему без неё нельзя.

– Эх, ты, – только и смог сказать Веснушка, и на его глаза навернулись невольные слезы.

Спасибо Жуле, которая смогла помочь горю. Она взяла головной убор и аккуратно скрепила его булавками. Теперь шляпа вполне годилась для носки, но вид приобрела довольно нелепый. Булавки рядом свисали с одной стороны и нежно позвякивали при ходьбе, словно где-то рядом паслась корова.

С этого момента друзья стали действовать иначе. Забравшись повыше, они скидывали Барсуку бечёвку от змея, и тот крепко хватался за неё.

– Раз, два, взяли! – командовал Толпек, и все дружно тащили увальня вверх.

Так мало-помалу они продвинулись довольно далеко, но вдруг путь им преградила глубокая расщелина.

– Вот мы, кажется, и приплыли, – озадаченно почесал затылок Веснушка и повернулся к Толпеку.

Тот подумал, достал змея и, дождавшись попутного ветра, запустил его. Змей перелетел на другой край расщелины и упал среди камней. Толпек начал потихоньку подтягивать его к себе, пока змей намертво не застрял между валунов. Для верности Толпек несколько раз с силой дёрнул бечёвку на

себя. Порядок! Змей сидел, как влитой. Оставшийся клубок верёвки Толпек захлестнул за корневище и подал белочке:

– Кроме тебя, Жуля, это никто не сделает.

Та кивнула в ответ, подошла к обрыву и весело подбросила клубок в руках.

– Взяли!

Все схватили бечёвку и туго натянули её. По этому тонкому мостику белочка перебежала на другую сторону расщелины и привязала свободный конец к каменному пальцу немного повыше застрявшего змея. Получились и опора для ног, и перила.

– Давай, Веснушка, пошёл.

Умникс без особого труда начал переправу. На середине он решил передохнуть и случайно посмотрел вниз. Верёвка сразу заходила ходуном, ноги стали подгибаться в коленях и разъезжаться в разные стороны. Веснушка побледнел и никак не мог оторвать взгляд от зияющей бездны. Казалось, ещё мгновение и...

– Вверх! Смотри вверх! – пронзительно закричал Толпек. – Подними голову!

Его крик вывел Веснушку из оцепенения. Он вздрогнул и растерянно огляделся, а затем стал осторожно перебирать руками и ногами и, наконец, бледный от напряжения, опустился возле Жули.

– Уф, – вытер вспотевший лоб Барсук. – Ну, и страсти же нагнал этот коротышка. Я от страха чуть не помер.

– Ты лучше за себя побеспокойся, – хмуро ответил Толпек. – У нас-то с тобой всё ещё впереди.

Он сделал несколько глубоких вдохов и шагнул к расщелине.

– Спокойствие, только спокойствие, – внушал он себе. – Главное, взять себя в руки и не делать лишних движений.

Собравшись с духом, Толпек ухватился за канат и... как ни в чем не бывало, перешёл через пропасть. Веснушка к тому времени уже отдышался и даже смог улыбнуться другу. Толпек ободряюще подмигнул ему:

– Ну-ну, с кем не бывает, – и повернулся к расщелине. – Барсук! Всё нормально! Представь себе, что идёшь по земле, и всё получится.

Но Барсук был не такой простецкий парень. То ли у него отсутствовало воображение, то ли, наоборот, было развито сверх меры, но он долго топтался на месте, примериваясь и так, и эдак. Друзья начали терять терпение, когда он, наконец, решился. Медленно-медленно Барсук ступил на зыбкую опору, тут же от страха зажмурился и маленькими шажками двинулся вперед. Для верности он страховал себя зубами, намертво захлопывая пасть вокруг верёвки после каждого шага. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он, целый и невредимый, ступил на твёрдую почву и только тогда осмелился открыть глаза.

– Ну, ты даёшь! – восхитился Веснушка. – Ты что, так и шёл с закрытыми глазами? Как же ты ориентировался?

– А никак, – невозмутимо ответил Барсук. – Сворачивать всё равно некуда, дорога-то прямая.

Толпек смотал освободившуюся бечёвку обратно. Бережно отряхнул воздушного змея и аккуратно сложил его.

– Что-то в животе бурчит, – услышал он голос Барсука, – видно, от переживаний. Не перекусить ли нам, Жуля?

За перекус была не только Жуля, но и вся компания. Белочка достала припасы тётушки Хлои, и все дружно принялись за домашние харчи. Еда позво-

лила товарищам расслабиться, и уже не такими неприветливыми казались серые безжизненные камни. Барсук привалился к одному из них и начал мечтательно ковырять в зубах:

– Эх, сюда бы ещё кружечку молока, тогда вообще было бы великолепно.

– А мне бы, – подхватила белочка, – горстку кедровых орешков. Я бы все на свете за них отдала.

– Ну, а мне..., – буркнул Умникс и дёрнул себя за булавки, от чего они дружно зазвенели, – мне бы новую шляпу.

– Да-да, – притворно вздохнул Барсук. – Это конечно.

Так они сидели довольно долго. Но вот начало смеркаться, и Толпек объявил ночлег.

– Лучше места нам не найти, – сказал он. – К тому же, неизвестно, что там дальше, а здесь мы прекрасно можем устроиться во-о-он под тем валуном.

Ночь прошла спокойно. Ничто не нарушило отдых путников, и они хорошо выспались. Позавтракав, друзья двинулись дальше. Вокруг вздымались каменные россыпи. Под ногами шуршала мелкая галька. Так они брели и брели, пока далеко за полдень не уткнулись в высокую отвесную скалу.

– М-да, – прикинул Толпек, задирая голову вверх. – Пожалуй, придётся идти в обход. Если он вообще здесь есть.

– Ох-ох, а мои лапы совсем стерлись, – простонал Барсук.

Веснушка попытался было с наскока вскарабкаться наверх. Но ничего не получилось, в конце концов, он грохнулся с высоты своего роста прямо на мягкое место.

– Ой-ой-ой!

И вдруг со всех сторон раздался дикий гогот:

– Ха-ха-ха!!! – доносилось отовсюду.

– Га-га-га!!!

Друзья от неожиданности вздрогнули и стали озираться по сторонам. Кто это?! И тут на фоне отвесной скалы появились юркие подвижные фигурки. Они начали проворно спускаться по шероховатым стенам, и, очутившись внизу, со смехом и фырканием подскочили к нашей компании, окружив ее плотной толпой. Теперь незнакомцев можно было как следует разглядеть. То были небольшие косматые существа, едва прикрытые обрывками шку-

рок. Их физиономии постоянно находились в движении, попеременно отображая то восторг, то удивление, то бурное веселье... Но самым удивительным в них было другое. Их конечности по сравнению с телом были неестественно огромны. Гигантские ступни и ладони с большими пальцами делали их похожими на карликов. Но, благодаря таким пропорциям, они были непревзойденными скалолазами и (как впоследствии оказалось) отличными прыгунами. Они ни секунды не могли устоять на месте, оживленно пересмеивались и то и дело старались дотронуться до понравившихся им вещей.

– Но-но! – сердито прикрикнул Веснушка, когда сразу несколько рук ухватились за его шляпу.

Тем временем какой-то маленький безобразник уже влез в походную сумку с едой и оттуда громко чавкал, уплетая пирожки. Толпек в десятый раз пытался доказать, что его деревянные башмаки совсем не по размеру пришельцам. Наконец, он нервно рассмеялся. Все «пришельцы» вдруг моментально притихли и удивленно уставились на него выпученными круглыми глазами.

– Эй, парни, вы чего? – воспользовался паузой Умникс. – Чего вам от нас надобно? А ну... – и он, насупившись, сжал свои маленькие кулачки.

В ответ раздался взрыв бурного хохота.

– Они что, издеваются над нами? – обернулся Веснушка к Толпеку.

– Постой, постой. Тут что-то не так, – Толпек внимательно прислушался к бурлящему вокруг них смеху, и вдруг до него дошло! – Похоже, они так общаются, то есть разговаривают друг с дружкой с помощью смеха!

– Смехачи, да и только, – проворчал Барсук, оправляя растрёпанные усы.

– А что. Вполне подходящее название, – согласился успокоившийся Веснушка.

А белочка тихо добавила:

– Весёлые они ребята...

Оказалось, найти общий язык со Смехачами не так уж сложно. Они прекрасно понимали язык жестов, а выразительная мимика дополняла все остальное. Толпек быстро объяснил новым знакомым, что им нужно перевалить через скалу. Те, недолго думая, взвалили всю компанию с поклажей себе на плечи и начали подъём. Они ловко цеплялись за еле видимые выступы и трещины и спокойно и весело карабкались вверх. Смехачу ничего не стоило повиснуть на одном пальце и громко переговариваться с собеседником. Если он слышал что-то особенно занятное, то возбуждённо бил себя руками по животу и принимался раскачиваться взад и вперёд. В конце концов, все благополучно добрались до вершины. Барсук, который от страха чуть было не задушил тащивших его Смехачей, облегченно перевел дух и с опаской посмотрел вниз. Да... без посторонней помощи они бы ни за что не сумели взобраться на такую верхотуру.

Сейчас вся компания находилась на самой высокой точке горы. Внизу, у подножия горы, насколько хватало глаз расстилались бескрайние леса, изредка перемежаемые равнинами. И только в той стороне, куда лежал их путь, местность скрадывалась бесформенным белёсым туманом, и там невозможно было различить хоть что-нибудь. Барсук даже всплакнул немного, увидав родимую сторонку, где в плену томились его маленькие барсучата. А Смехачи, ничуть не утомившись, весело скакали по камням. В это время невдалеке показалось небольшое облачко. Смехачи оживились и, когда оно зависло над головой, начали высоко подпрыгивать вверх, вырывая из него целые клочья. Их они сразу засовывали в рот и с удовольствием сосали. Своих гостей они тоже

не забыли. Толпек с опаской попробовал кусочек, и от наслаждения даже зажмурился. Облако было вкуснее мороженого: сладким-сладким!

А Смехачи, между тем, придумали себе забаву.

Они запустили в небо воздушного змея, и, пронзительно визжа, помчались вслед за ним. Но это продолжалось совсем недолго. Налетел свежий порыв ветра, и змей с новой силой устремился ввысь. Смехач, который держался в тот момент за бечёвку, оторвался от земли на глазах у изумлённых сородичей и взмыл в небо. Он отчаянно заголосил и задрогал ногами, но рук не разжал. Ветер уносил его дальше и дальше, туда, где клубился туман, и вскоре вопящий Смехач пропал из виду.

– Эх-ма, – протянул Барсук, – пропал, видно, малец. Так и будет теперь болтаться между небом и землей, покуда не окоченеет...

– Типун тебе на язык! – оборвал его Веснушка. – Рано или поздно где-нибудь да приземлится. Вон, моего братишку тоже однажды унесло. И ничего, притопал домой под вечер как ни в чем ни бывало. Правда, поцарапанный малость.

А Смехачи, как это ни странно, вроде даже обрадовались, что один из них подобно птице вознёсся в небо. В течение нескольких минут они отплясывали какой-то удивительный танец, а затем внезапно быстро уgomонились. Знаками показав спутникам следовать за ними, Смехачи запрыгали вниз по едва заметной тропе в каменном лабиринте. И когда Толпеку уже казалось, что сердце от напряжения вот-вот выскочит из груди, они, наконец, выскочили на ровную площадку и остановились.

Первое, что бросилось в глаза, это аккуратные ухоженные грядки, на которых росли пузатые кактусы.

Рядом с огородом тоже произрастали кактусы, но каких-то невероятных, прямо-таки исполинских размеров, к которым все дружно и направились. Подойдя поближе, друзья с удивлением обнаружили, что эти здоровенные кактусы были ни чем иным, как домами. В них были аккуратно вырублены двери и окна, в которых мелькали улыбающиеся лица. Толпека и его друзей пригласили в один из таких домов. Смехачи усадили их на циновки, сплетённые из сушёных трав. Сами же пока удалились, предоставив своим гостям устраиваться и осматриваться.

– Фу-у, – расслабился Веснушка, – давненько я так не бегал. Эти Смехачи, я вижу, крепкие ребята. А как они лазают и прыгают! Вот бы мне так уметь.

– Остынь, – одёрнула его Жуля. – Ты ещё скажи, что был бы не прочь полетать, как тот бедняга. Неизвестно ещё, что думают сами Смехачи по этому поводу. Может, они захотят, чтобы ты остался вместо него! Ведь змей-то, между прочим, был твой.

Веснушка на это ничего не ответил. Он огляделся по сторонам, потом подошел к стене и потрогал её: стена была упругой на ощупь и приятно пахла.

– Интересный запах... – задрал голову Умникс.

Потолок терялся в далёком полумраке. С него по центру непонятно зачем свисал крепкий канат. Умникс, распаленный акробатическими трюками Смехачей, тут же запрыгнул на верёвку и полез наверх, но вскоре разочарованно спустился:

– Там только гамаки и больше ничего. Видно, они спят в них.

Тут отворилась дверь. В комнату вошла целая процессия. В руках Смехачей ароматно дымились еда в глиняных горшочках. Расставив блюда, хозяева уселись полукругом и знаками предложили гостям приступить к трапезе.

– Посмотрим, посмотрим, – с готовностью отозвался Веснушка и облизнулся. – Чем же угощают в этих краях? – Он придвинул к себе самый большой горшок и первым запустил в него деревянную ложку. Через минуту Умникса было не оттащить от еды! Кушанье было замечательным и совершенно не похожим на всё то, что друзья пробовали раньше. А ведь это тоже были кактусы, приготовленные особым способом.

В благодарность за угощение Толпек решил немножко развлечь хозяев. Он достал свою дудочку и заиграл бодрый мотивчик. Смехачи переглянулись, восхищенно зацокали языками и стали громко прихлопывать в огромные ладошки. Мелодии лились одна за другой, всем было весело и хорошо, но Толпек ни на секунду не забывал, что их ждет дорога. Через некоторое время он решительно встал, жестами показывая, что пора в путь. Белочка затормозила разморенного Барсука, и вся компания вышла на улицу. Гостеприимные Смехачи решили проводить их до подножия горы. Толпек обрадовался этому, ведь Смехачам, наверное, известен здесь каждый камушек. Такие проводники были просто незаменимы, если учесть, что этот склон был намного круче, а, следовательно, опасней, и неизвестно, какие неведомые преграды могут встретиться там, ниже.

– Может, останемся тут? Передохнем до завтра, – заныл полусонный Барсук.

– Ага. Мы останемся, а летучие мыши будут творить в нашем лесу новые пакости! – возмутилась Жуля. – И вообще, если хочешь, оставайся. Мы и без тебя справимся...

– Ну, зачем ты так! Я только так предложил. Понарошку, – оправдывался Барсук.

Несколько часов продолжался утомительный спуск. В одних опас-

ных местах Смехачи взваливали попутчиков на закорки и спускались по отвесным склонам, в других переправляли их на канатах через разломы в скалах. Глубоким вечером, преодолев последние каменные завалы, небольшой отряд спустился почти к подножию горы, на зелёный ковер, простирающийся до самого низа. Тут Смехачи вытащили плетёные щиты, уселись в них как в санки вместе со спутниками, и вся орава с гиканьем устремилась вниз по откосу. Ветер снежной лавиной засвистал навстречу, от чего уши у кое-кого вмиг покрылись инеем.

Смехачи вопили, как сумасшедшие, совершенно не беспокоясь о безопасности. Первый щит чуть не врезался в большой валун. Лишь чудом рулевой в последний момент сумел избежать столкновения, выставив вперёд огромную пятку. Другой щит, взлетев, как на трамплине, кувыркнулся в воздухе и удачно приземлился на днище.

«Хорошо, что там не было никого из наших. А то кто-нибудь обязательно вывалился бы», – успел подумать Толпек, но тут же судорожно сглотнул, почувствовав, как и их корыто оторвалось от земли.

Постепенно импровизированные сани остановились, и седоки, потрясённые, но довольные вылезли на траву. Смехачи на скорую руку соорудили из щитов подобие шалаша, и все забрались внутрь. Сил больше ни у кого не осталось, и вскоре вся компания крепко-крепко спала.

Глава пятая. Глаза змеи

Утро было сырое и вязкое. Поёживаясь от холода, путники встали, когда солнце только показалось над горизонтом. Смехачи развели костёр и, сидя на корточках, жарили над ним нанизанные на ветки ломтики кактуса. Пока кусочки подрумянивались до хрустящей корочки, Толпек достал из узелка свой нехитрый харч, и все приступили к еде. Но друзьям кусок не лез в горло. Видневшийся вдали лес казался таким мрачным, что напрочь отбивал аппетит.

Сразу после завтрака Смехачи попрощались с новыми друзьями. Толпек поблагодарил их за помощь, а те в ответ что-то залопотали в ответ на своём удивительном языке. Затем Смехачи взвалили на спины щиты и бодро потопали обратно в гору. Приятели долго смотрели им вслед. Теперь они снова оказались одни, и надеяться отныне приходилось только на свои силы и умения. А ведь самые главные испытания, без сомнения, ждали ещё впереди!

Наконец, все решили, что пора в путь, и двинули к лесу. Неотвратимой громадой тот приближался навстречу. Когда приятели добрались до него и углубились в чащу, то вдруг заметили, что лучи солнца совсем не пробиваются сквозь кроны деревьев. Из-за этого в лесу царил постоянный полумрак, а ведь на небе не было ни облачка. Белочка вскарабкалась на высоченную сосну. Через несколько секунд сверху послышался ее приглушенный голос:

– Ау! Вы слышите меня?

– Слышим, – закричали все хором.

Жуля тут же спустилась обратно. Но в каком она была виде! Шёрстка её стала липкой и влажной, а ворсинки на спине скатались в иголки и торчали в разные стороны, как у ёжика. Очутившись на земле, Жуля с разбегу окунулась в ближайшую лужицу и долго-долго плескалась и отмывалась. Потом она вылезла из лужи, с наслаждением отряхнулась и стала нежно расчесывать свою шубку.

– Ну, что там? Говори, – не выдержал Веснушка.

Белочка, казалось, только сейчас обратила внимание на окружающих.

– Ах, там. Да ничего особенного. Сначала я попала в какую-то мерзкую сырую кашу, а когда вынырнула из неё, то повсюду вокруг под ногами клубился густой туман. Лишь верхушки самых высоких деревьев торчали из него. Бр-р, какой же он противный, этот туман...

– Как же так? – изумился Барсук. – Ведь туман не может висеть на одной высоте.

– Может, может, – уверила его Жуля.

– Да, странно, – процедил Умникс и сплюнул. – Я на все сто уверен, что это проделки великана. Ну, ничего, скоро я до него доберусь.

– Придёт время, и мы всё узнаем, – подвел итог Толпек и обернулся к Барсуку. – Теперь вся надежда на тебя, дружище. Веди нас к логову великана, только прошу тебя – не теряй головы.

Барсук напряжённо кивнул и закосолапил в чащобу. Все двинули за ним. Толпек шёл и тревожно озирался. Всё-таки, рано или поздно без солнечного света лес совсем захиреет. А в том, что в этом виноват великан, теперь уже никто не сомневался.

– Ну, и дремучий же у вас лес, – вывел его из задумчивости голос Веснушки. – Я такую чащобу только на картинках и видел.

– А то, – отозвался Барсук, – это мне как раз и по душе. Есть где спрятаться, скрыться.

– Мгм... А вот мы у себя дома никогда ни от кого не прячемся.

– До поры, до времени, – многозначительно пообещал Барсук.

Вокруг не было слышно ничего: ни пения птиц, ни вообще каких-либо звуков. Казалось, что всё вымерло. Именно поэтому следовало соблюдать особую осторожность. Чуткому уху Жули уже пару раз слышалось, будто чьи-то крылья рассекают воздух. Возможно, это были летучие мыши, а может, и нет, но следовало быть начеку.

Приятеля довольно долго петляли за Барсуком по зарослям и буеракам. Тот словно нарочно старался провести их через самые непроходимые места. Тишина стояла просто невероятная. Только сухие сучья стреляли иногда под ногами, от чего Барсук сразу резко оборачивался и делал страшные глаза.

«Вот натерпелся-то бедняга. Всего боится, – подумал Толпек, шедший позади.

«А как ж-же, з-здесь и надо бояться!!!» – вдруг как молотом ударило по голове. Толпек от неожиданности даже запнулся. И тут он встретил взгляд огромной змеи, выползающей из-за трухлявого пня. Её желтые немигающие глаза гипнотически притягивали к себе, и Толпеку вдруг захотелось, забыв обо всём на свете, раствориться в них.

«Ну ид-ди с-с-сюда. Ид-ди ж-же ко мне-е-е...» – приказывал ему взгляд.

И зачарованный Толпек сделал первый шаг...

Тем временем далеко на родине разгорался нешуточный спор между Умниками и Бобрами.

– ...А я говорю, будем строить подвесной мост! – горячился Седоус.

– А я говорю – на сваях! – не отступал Бобёр.

– А я говорю – подвесной...

– А я – на сваях...

Все побросали свои дела и сбежались на шум. Закипели страсти. Каждый начал доказывать свою точку зрения, и начался гвалт. Крикуны надрывали глотки, стараясь перекрыть друг друга, а громче всех вопил Седоус. Он уже, собственно, забыл, почему это ему в голову взбрела мысль о подвесном мосте, но такой уж у него был несносный характер. Седоус всю жизнь прожил в этих

местах хозяином и привык, чтобы всё делалось по его указке, даже если она неверная. И упорство Бобра выводило его из себя. Дело дошло бы до драки, если вовремя не вмешалась бы тётушка Хлоя. Она просто взяла и вылила на спорщиков целый ушат холодной воды. Из посёлка уже бежали на шум Бобрихи и госпожи Умниксы со скалками и сковородками наперевес. Ох, и досталось бы муженькам! Но мужья заметили приближение «войска» и бросились врассыпную: кому охота получать тумак и затрешины!

В кругу остались только вымокшие до нитки Седоус и Бобёр-бригадир. Они виновато посмотрели друг на друга.

– Ну что ж, пускай, будет на сваях.

– Пожалуй, подвесной тоже неплох.

Тётушка Хлоя сердито перебила обоих:

– Да перестаньте вы. Что вы, как маленькие дети, – она повернулась к Умниксу. – Если бы ты, Седоус, мог построить подвесной мост, то давно бы его построил и без помощи бобров. А раз нет, то значит, слушай, что тебе говорят. А то вы так до самой зимы спорить будете. – Она не удержалась и еще поддела:

– Там ребята ушли великана воевать, а ты здесь, старый, свары затеваешь. Нашёл время!

После Хлоиной взбучки дело сразу пошло на лад. Бревна для строительства были уже заготовлены, и работа закипела. Жены для порядка ещё немного понаблюдали за мужьями и вернулись домой к своим повседневным хлопотам. Строители с громким уханьем забивали сваи, весело перекликивались, пилили, строгали, заколачивали... Как ни странно, летучие мыши больше не беспокоили жителей леса. Временная это была передышка или нет – об этом старались не думать, с головой уйдя в дела.

Тётушка Хлоя просеивала муку, как вдруг схватила за сердце и начала оседать на пол. Перепугавшиеся подруги едва успели подхватить её под руки и бережно уложили на кушетку:

– Что с тобой, милая?!

– Чую, с Толпеком что-то неладное, – только и смогла выговорить та.

Глаза все манили и манили к себе. Толпек сделал второй шаг, третий... И тут под деревянным башмаком хрустнула ветка. Барсук сердито оглянулся и... сбив Веснушку, огромными скачками бросился к Толпеку на выручку. В тот момент, когда тому оставался всего один шаг до зубастой пасти, Барсук с ходу налетел на змею. Он

ухватил её прямо у основания головы, так что та не могла ужалить его. Но змея начала бешено извиваться, стараясь захлестнуть кольца вокруг противника и задушить его. Рептилия была огромной, так что Барсуку пришлось очень туго. Но он не разжимал челюсти. Наоборот, он все крепче сдвигал их, сам уже почти наполовину задушенный. Откуда-то вынырнула белочка и отважно вцепилась в смертельно опасный хвост. Жулю болтало в разные стороны, словно резиновый мячик, но она не сдавалась и не отпускала врага. Подбежавший Умникс принялся изо всех сил колотить палкой по серой спине.

– Вот тебе, гадина! Получай! Получай!

Змея была очень большая и сильная. Она пыталась освободиться и одним махом прикончить противников. Но Барсук не давал ей воспользоваться её главным оружием – хищно изогнутыми клыками со смертельным ядом. Напрягаясь из последних сил, он стальным капканом сжимал и сжимал ненавистную шею. Через некоторое время змея начала слабнуть. Шипение постепенно затихло, и, наконец, всё было кончено. Конвульсии пробежали по длинному телу, и змея насовсем затихла.

Барсук разомкнул челюсти, пошатываясь, встал, сделал несколько шагов и рухнул неподалеку. Белочка, вся в пыли, так и не разжав зубки, с закрытыми глазами лежала под замершим хвостом.

Умникс бережно отцепил её и перенёс на травку. Жуля с трудом разлепила веки, увидела над собой Веснушку и прошептала:

– Мы победили?

– Да, Жуля, мы её сделали!

– Она была такая огромная...

– Молчи. Тебе сейчас вредно разговаривать, – Умникс смочил её мордочку водой и поспешил к Толпеку.

Тут было всё гораздо серьезнее: Толпек так и не очнулся от гипнотического взгляда. Сколько Веснушка его ни тряс, всё было бесполезно – глаза Толпека были устремлены в неведомую даль, на губах блуждала блаженная улыбка.

– Оставь его, – услышался хриплый голос Барсука. – Теперь ему нужно только время и покой. А сейчас просто укрой его потеплее...

Потом Веснушка мало что помнил из того, что делал после битвы со змеей – настолько он вымотался. Первым делом он собирал сухого валежника и развел небольшой костёр. Затем искал указанные Барсуком травы и корни для снадобья. Затем варил его (запах был просто ужасный!). Потом поил отваром Толпека и втирал целебную мазь в ушибы друзей... А ещё под вечер он приготовил похлебку и только после этого свалился без сил у костра и тоненько захрапел.

...А зачарованный Толпек видел тем временем два ослепительных солнца, которые распадались на сотни других. И сам он был одним из этих солнц и кружился в нескончаемом хороводе вокруг синего облачка, от которого во все стороны разлетались разноцветные колечки. Он пробовал их на вкус, но они оказывались такими горькими, что он с отвращением отплевывался и падал, и падал с высокой скалы. Он отчаянно простирал руки, надеясь уцепиться за воздух, но ладони только наполнялись липкой влажной пеной. Солнца превратились в далекие мерцающие пятна и, наконец, он упал...

Голова была чугунная, а тело словно из ваты. Толпек с усилием приподнялся на локте и огляделся. Была глубокая ночь. Алели угольки костра, и в их отблеске он заметил спящих друзей. Веснушка, раскинув руки и ноги, потихоньку свистел носом; сопел Барсук, словно раздувая кузнечные меха; и только Жуля, уютно свернувшись клубочком, не издавала ни звука.

«Так, – удовлетворенно подумал Толпек, – все на месте, значит, всё в порядке». И тут его виски пронзила острая невыносимая боль...

Утром раньше всех поднялся Барсук. Боясь сделать лишнее движение, он осторожно ощупал себя. Тело, вроде, не сильно болело после вчерашней схватки, но все же следовало втереть ещё снадобья. Пока он этим занимался, проснулся Умникс.

– Доброе утро, – поприветствовал его Барсук.

– А что, сейчас утро? Странно, – Веснушка ткнул пальцем вверх, – ведь ничего не изменилось, как висел туман, так и висит. Солнца совсем не видно.

Затем он подполз к Толпеку и осторожно потрогал его. Тот, судя по дыханию, мирно спал.

– Порядок, – удовлетворенно хмыкнул коротышка и вприпрыжку побежал умываться к ручейку.

Барсук посмотрел ему вслед и начал раздувать угли, чтобы испечь кактусы, которыми накануне вдоволь снабдили их Смехачи.

Вскоре над привалом поплыл дразнящий запах. Белочка учуяла его и, сладко позевывая, вскочила на ноги. Барсук окончательно пришёл в хорошее настроение. По Жуле было видно, что она вполне оправилась и может продолжать путь. Барсук надеялся и на то, что Толпек вскоре встанет здоровым. Хотя, последствия встречи со змеей могли быть самыми печальными.

– Ничего, – утешал он сам себя, – Толпек ведь совсем недолго был под её гипнозом.

Когда кактусы были готовы, Барсук легонько ущипнул Толпека за пятку. Тот, казалось, только этого и ждал. Он потянулся и обвёл всех сияющими глазами:

– Ах, какой чудесный сон приснился мне сегодня ночью.

Барсук поперхнулся и внимательно посмотрел на друга.

– А что тебе снилось?

– Не помню, но что-то очень хорошее. Всё было таким цветным и ярким. И ещё мне приснился дом.

Барсук нахмурился. Он протянул Толпеку вчерашнее лекарство.

– На вот, выпей. Невкусно, но полезно.

Толпек скривился, но выпил всё до дна. Затем с аппетитом приступил к еде. Умникс перевёл взгляд с жующего Толпека на помрачневшего Барсука, и тревога закралась в его сердце: «Он что, совсем не помнит, что было вчера?». И только он собрался спросить его об этом, как Барсук знаком остановил его.

– Кушай, Толпек, кушай. Эти печёные груши просто великолепны.
Толпек уставился на него.

– А разве то, чем мы завтракаем – груши? Мне кажется, это кактусы.

– Ах, да, да. Совсем из головы вылетело. Ну, конечно, это кактусы, которые нам дала тётушка Хлоя...

– Барсук, у тебя или память отшибло, или ты смеёшься надо мной. Ведь прекрасно известно, что их нам подарили Смехачи.

– Ох, Толпек, Толпек. После трудного вчерашнего дня я совсем выбился из колеи. Но ничего, это быстро пройдет.

– Ну-ну, – ободряюще похлопал тот по плечу.

– Ай. Ты полегче, больно же.

– Что, ударился обо что-нибудь? – участливо поинтересовался Толпек.

Все понимающе встретились глазами, но никто не подал и вида, что с их товарищем что-то не так.

– Ты не переживай, Барсук. Все будет в порядке. А сейчас в путь. Веди нас.

Друзья быстро собрали свои пожитки, уничтожили следы ночевки и гуськом потянулись за проводником. А вслед за ними бесшумно скользнула маленькая ящерица.

Глава шестая. Праздник Смехачей

Смехачи готовились к празднику. На то была серьёзная причина. По поверью, передающемуся в их племени из поколения в поколение, когда-нибудь кто-то из них должен был взлететь к Солнцу, чтобы доставить его частичку в глубокую пещеру, вход в которую тщательно охранялся. И тогда она осветится неугасимым огнём, и сбудется древнее пророчество. И вот вчера это событие свершилось!

Старейшины совещались всю ночь и пришли к решению, что наступил великий день, который надо отпраздновать. Все Смехачи занялись подготовкой. Озорная молодежь кучками сновала от дома к дому, замышляя новые забавы. Взрослые мужчины отправились на южный склон собирать сочные плоды, женщины развели длинные костры и, весело переключаясь, готовили праздничное угощение. Малышня вертелась у всех под ногами, то и дело получая лёгкие шлепки. И лишь самый древний старейшина тихо сидел в сторонке. Он размышлял примерно так:

«Много-много лет назад жило племя Смехачей в пещере под горой. Всем их эта пещера устраивала. Не было в ней ни холодных ветров, ни проливных дождей, ни каменных оползней. А самое главное – там не царил вечный подземный мрак, от которого цепенеют даже самые храбрые сердца. Нежное сияние исходило от семи огромных изумрудов, вкраплённых в потолок. Уютный свет достигал всех уголков пещеры, и оттого совсем не было надобности в светильниках. Но пришли жадные, коварные гномы и, воспользовавшись доверчивостью местных жителей, похитили изумруды. Долго в потёмках бродили Смехачи, то и дело натываясь друг на друга, пока не вышли на белый свет из пещеры. И пришлось им с тех пор жить под открытым небом. Оно бы и ничего, но живо было в сердцах предание, что будет знак им, и рано или поздно вернутся они домой...»

Старец отвлёкся от своих дум и заметил соплеменников, тащивших пахучие охапки цветов. Старик облизнулся: так-так... значит, сегодня будут готовить его любимое варенье из лепестков. И он радостно захохотал.

Ближе к полудню молодёжь приволокла откуда-то большой столб. Его аккуратно положили на чурбаки и старательно смазали жиром, от чего он стал скользким-прескользким. На вершине закрепили старинное ожерелье из зеленоватых камушков, добытых глубоко под землёй. Затем столб укрепили в земле. Получилось так – коли захочешь добыть камушков, будь добр, полезай на-

верх, если сможешь, конечно. Затея была интересной, и всем не терпелось испробовать себя, но следовало подождать до начала торжеств.

Когда всё было готово, жители собрались в центре селения и чинно расселись по кругу, чтобы воздать должное поварскому искусству своих хозяек. Но сначала поднялся старейшина и, обернувшись к солнцу, запел благодарственную песнь. Все Смехачи, от мала до велика, тоже встали, протянули руки к небесному светилу и начали раскачиваться из стороны в сторону.

– Ха-хау-хо, ыхх-ыу-уаа, кха... – неслись над посёлком слова древнего предания. – Йеху-йеху, ы-ы-ы-ы...

Наконец, песня закончилась. Все вернулись на свои места, и пир начался! Кактусы варёные, пареные, жареные, приправленные острыми пряностями. Потом наступила очередь других лакомств. Проворные челюсти Смехачей быстро перемалывали лесные орехи, съедобные корни, дикорастущие овощи... А на десерт были поданы фрукты и поспевшее сладкое варенье.

Когда все наелись, несколько Смехачей под одобрительные возгласы вышли в круг. Под ритмичное хлопанье они принялись в танце копировать повадки Толпека и его друзей. Вот Веснушка шлёпнулся со скалы. А вот Барсук с трудом взбирается на гору. Это было очень похоже, и вызвало такой оглушительный хохот, что уже никто не мог усидеть на месте, и все пустились в пляс. Надрывались барабаны, мелькали весёлые лица. То тут, то там временами раздавался визг, и вскоре танцевальная площадка стала напоминать огромную кучу, целиком отплясывающую какой-то дикий фантастический танец.

В это время один из малышей, пользуясь тем, что его никто не видит, безуспешно пытался залезть на столб, чтобы достать ожерелье для своей мамы. Но руки и ноги беспомощно скользили по гладкой поверхности, и не было никакой возможности зацепиться хоть за какую-нибудь малюсенькую трещинку. Тогда он сел на землю и горько заплакал: «Гы-гы-гы... » Тут-то его и заметили остальные жители посёлка, и вспомнили о приготовленной забаве со столбом и украшением.

Смехачи обступили столб, самые ловкие стали оценивающе примериваться к нему. Наконец, один решился. Он поплевал на ладони и запрыгнул на скользкую палку. Но стоило ему перехватить руки, как он тут же соскользнул вниз.

– Ха-ха-ха, – раздался взрыв хохота.

Подходили следующие желающие, но все попытки оканчивались ничем. Лишь один ловкач с оттопыренными ушами смог, натужно сопя, добраться до середины, чем вызвал бурные аплодис-

менты. Но и ему пришлось капитулировать. Смущённый и расстроенный, Смехач забился в толпу и до самого вечера переживал неудачу. А ведь до сих пор он считался лучшим скалолазом, и кому, как не ему было добыть приз. Так что ожерелье так и осталось висеть на вершине столба.

Близился вечер, и предстояло новое состязание – прыжки через огонь, одна из любимейших забав Смехачей. Восемь костров раскладывались по кругу и между ними, в затылок друг другу, становились восемь участников. По команде они начинали разом прыгать через пламя. За-

дача состояла в том, чтобы постараться запятнать переднего игрока, но не допустить, чтобы задний догнал тебя. В противном случае участник сразу же выбывал из игры. И так до тех пор, пока в кругу не останется один, самый быстрый и ловкий, который и объявлялся победителем. Игра, кроме того, осложнялась тем, что от костров исходил почти невыносимый жар. Поэтому выигравший удостоивался самых высоких почестей.

Судья дал отмашку, и началось.

Некоторые Смехачи кувыркались в воздухе, всячески показывая свою удаль. Другие в прыжке хлопали пятками и ладошами. Показателем высокого мастерства были три хлопка. Маленькие косматые фигурки взлетали над кострами без передышки. С каждым разом их становилось всё меньше и меньше, проигравшие сразу же отпрыгивали в сторону, чтобы не мешать остальным участникам. Борьба была в самом разгаре, когда один из прыгунов неудачно приземлился босыми пятками прямо на пылающие угли. Раздался дикий вопль, и потрясённые болельщики увидели, как бедолага, взлетев чуть ли не в два раза выше остальных, огромными скачками понёсся в темноту. Вдох изумления прокатился по толпе. Вот это прыжок! Даже старейшины удивленно переглянулись.

Но кто же это был? Хотя никто толком не смог разглядеть этого удивительного прыгуна, его тут же решили признать героем праздника и увенчать чемпионским венком. Посланные на поиски ребятишки вскоре привели за руки упирающегося Смехача-неудачника, который вдруг превратился в победителя. И представьте себе, кто это был? Да тот самый лопаухий Смехач, который чуть было не залез на столб!

С наступлением ночи старейшины удалились ко входу в пещеру. Теперь каждый раз, с приходом сумерек и до утра, они будут нести здесь свою вахту. Всякое может случиться, и лучше заранее быть готовыми к разным неожиданностям. Вдруг их посланцу не достанет сил? Или вдруг тёмные злые духи попытаются вмешаться и помешать? Теперь, когда сбылось начало древнего пророчества, ничто не должно помешать его исполнению.

Глава седьмая. Плен

Лес становился гуще, а заросли неприступнее. Барсук стал просто невыносим. Все и так уже шли за ним чуть ли не на цыпочках, точно след-в-след, а ему все казалось, что друзья издают слишком много шума. Только и слышно было от него: «Тише!» да «Тише!». Умникс старался не раздражаться, но выслушивать постоянные окрики становилось всё тяжелее. Он и Жуля ступали практически бесшумно, а вот с Толпекком творилось что-то неладное. Утром он улыбался каким-то своим мыслям, словно вспоминая что-то приятное. Но это продлилось недолго. Толпек постепенно погрузился, а потом откровенно захандрил. Он стал запинаться, невпопад отвечать на вопросы, а затем и вовсе замолчал. И сейчас, когда они подошли близко к врагам, Толпек лишь вяло передвигал ноги, уткнувшись взглядом в землю.

«Однако, – подумал Веснушка, – нужно срочно устроить совет. Немного будет от нас проку, если один из нас совершенно не способен к действию».

– Барсук, – шёпотом позвал он. Через мгновение тот уже был рядом.

– Что тебе?

Умникс молча кивнул в сторону Толпека. Барсук подошел к нему и пощупал лоб. Тот весь пылал, похоже, друг был серьёзно болен.

– Нужно собрать сухой травы. Как можно больше! – приказал Барсук. Он достал бутылку со снадобьем и взболтал остаток. – На, Толпек, выпей.

– Не могу. Меня тошнит от этой дряни.

– Толпек, ты обязан выпить, понимаешь. Ради всех нас, ведь мы все зависим друг от друга. И если один из нас заболит, то остальные без него ничего не смогут сделать. Давай.

Толпек в полузабытьи запрокинул голову и быстрым глотком осушил фляжку.

– Вот и хорошо. Вот и молодец, – приговаривал Барсук.

Прислонив больного к пенёчку, Барсук зорко огляделся: «Так... Где-то здесь должна быть нора кума Енота. Где же она? А, кажется, вспомнил». Он подбежал к полузасохшей ели и разгреб жухлую листву. Под ней открылся лаз. Барсук принялся и, не учувя ничего подозрительного, бросился обратно.

– Скорее за мной, – шепнул он нагруженным травой спутникам и взвалил Толпека на плечи.

Минуту спустя компания скрылась под землёй в норе кума Енота.

Норка была чистая и опрятная. Друзья соорудили из травы подстилку для Толпека. У того начиналась лихорадка. Из груди доносился хрип, тело покрылось мокрой испариной. Он что-то бессвязно бормотал и время от времени начинал метаться по постели. Барсук бережно вытирал пот пучком травы и печально думал о том, сколько дней понадобится Толпеку, чтобы выздороветь. Да и вообще – выздоровеет ли он? Кум Енот вот тоже как-то попался на глаза этой твари. И всё, пропал куманёк... Сидит теперь у великана в хижине в уголке. Сидит и смотрит в одну точку. А глаза пустые-пустые. И не он один такой. Барсук аж весь передёрнулся.

«И всё-таки, – продолжал думать он, – у Толпека лихорадка, значит, его организм сопротивляется болезни. То есть, не всё потеряно.

Очень нужны теперь целебное питье и «золотой корешок». Надо отыскать его во что бы то ни стало, и поскорее. Да-а, были у меня утром подозрения, что с Толпекком что-то не так, да упустил я это за хлопотами, упустил, дурья башка!»

– Слушайте меня внимательно,– обратился Барсук к Жуле и Веснушке,– мне сейчас необходимо отлучиться по важному делу. Не знаю, надолго ли, но постараюсь вернуться как можно скорее. Пока меня не будет, ни в коем случае не выходите наружу! Лес вы не знаете и наверняка попадёте в лапы к шпионам. И не забывайте о Толпеке,– добавил Барсук и исчез.

Началось томительное ожидание.

Белочка ухаживала за больным, а Веснушка монотонно мерил шагами земляной пол. Тысяча шагов, две... Барсук всё не появлялся. Умникс уже несколько раз хотел вылезти из норы, но останавливал себя. Наконец, он не выдержал:

– «Ждите меня. Когда приду – не знаю»,– передразнил он Барсука. – Теперь сиди здесь взаперти, а время-то уходит. А ведь мы почти у цели.

– И что толку,– рассудительно заметила Жуля,– без него ты не отыщешь разбойничий притон. Да и Толпек, смотри, какой.

– Да пойми же ты, что нет ничего хуже, чем вот так сидеть, сложа руки. Ведь можно же пока разведать местность, понаблюдать за тем, что творится в окрестностях...

– Пожалуй, нам следует делать так, как сказал Барсук.

– Ну, уж нет... Он мне не указчик! Даже не сказал, зачем ушёл. «Важное дело!» Как будто у меня не может быть важных дел! – выпалил в сердцах Умникс и выскочил наружу из норы.

Белочка горестно вздохнула. Она давно знала Веснушку и понимала, что его не переспорить. Хотя, конечно, если по-честному, Барсук должен был им сказать, куда пошёл. Но и Веснушка поступил неправильно. Жуля снова вздохнула и уложила Толпека поудобнее.

Когда Веснушка вылез на поверхность, то слабо представлял себе, зачем он это сделал. Он просто кипел от негодования: «Как же так? Посадить его, Веснушку, в тёмную нору и приказать ждать, да ещё и не высовываться! А, может, Барсук придет через неделю. Что, ему, Веснушке, так всю неделю под землей и торчать??? Нет уж, дудки! Барсук просто всего боится и слишком осторожничает. Эдак мы и будем ходить вокруг да около вместо того, чтобы искать встречи с врагом! А иначе зачем же мы тогда сюда пришли... » – рассуждая таким образом, Умникс всё глубже уходил в чащу. По дороге он подобрал увесистую дубинку и с ней почувствовал себя гораздо увереннее. Настороженно оглядываясь по сторонам, Веснушка бесшумно крался вперед. К сожалению, он не мог так же хорошо, как Барсук, видеть в темноте, но и не думал поворачивать назад, полагаясь на свою сообразительность. Вдруг Умникс ощутил какое-то движение сбоку от себя. Он застыл на месте и, стараясь не дышать, медленно повернул голову. Прямо перед ним на вытянутых лапках стояла маленькая ящерка. Несколько секунд они смотрели друг на друга, потом ящерка развернулась, явно намереваясь убежать. И в этот момент Веснушка, крикнув, опустил свою дубинку прямо на кончик длиннющего хвоста, который тут же отвалился!

– Вау! – вскрикнула ящерица и стремглав кинулась прочь.

Умникс, торжествуя победу, азартно погнался за ней, но ящерка проворно увертывалась от дубинки. Через некоторое время ей надоело играть в кошки-мышки. Она обежала какое-то невидимое препятствие и повернулась к преследователю. Умникс, уже изрядно запыхавшийся, умерил шаг.

– Ну, что, бесхвостая, поняла теперь, что от меня не убежать? Сдавайся по хорошему, и я, так и быть, пощажу тебя.

Веснушка перевёл дух и вытащил носовой платок, чтобы им связать беглянку. Он подходил всё ближе и ближе. Но вдруг, когда до ящерицы оставалась буквально пара шагов, его нога внезапно провалилась в пустоту, и Умникс с ужасом почувствовал, как летит в пропасть. Падение было недолгим, но весьма болезненным. Когда Веснушка встал на ноги, то понял, что как последний идиот попался в ловушку, умело замаскированную травой. Сверху свесилась бесстрастная узкая морда.

Веснушка в бессильной ярости погрозил ей кулаком.

– У-у, проклятая!

Нечего было даже и думать о том, чтобы выбраться из ямы без посторонней помощи. Тем не менее, поначалу Умникс пытался сделать это. Но почва была настолько рыхлая, что только крошилась под ногтями. Совершив несколько безрезультатных попыток, Веснушка сел, обхватив руками голову:

– Вот я и влип. Это ж надо было так глупо попасться, – укорял он себя.

И что было делать бедному Умниксу, который сам, забыв о предостережениях, попался в расставленные сети...

Барсук буквально сбился с ног, разыскивая необходимые травы. Он собрал почти всё, но «золотой корешок» ему никак не попадался. Постепенно Барсук начал терять терпение. В разочаровании он развёл маленький костерок и приготовил снадобье. Подождав, когда оно остынет, поплёлся обратно. И тут... О, чудо! Прямо под ногами Барсук увидел заветный кустик, корень которого обладал чудодейственной целебной силой. Выкопать корешок было делом одной минуты. Сразу повеселев, Барсук во всю прыть помчался к друзьям.

Немного не добежав до норы, Барсук внимательно осмотрел окрестности. Вроде, всё было спокойно. Но Барсук решил не рисковать. По-пластунски преодолев последние метры, он шерстяным клубком скатился под землю.

– Ой! Кто там? – испуганно вскочила белочка.

– Не бойся, Жуля, это я – Барсук.

– Ах, Барсучок. Как я рада, что ты, наконец, вернулся. А то я сижу тут одна и всего боюсь. Тебя нет, Веснушки нет, а Толпек бредит и ворочается.

– Так-так, – нахмурился Барсук. – И куда ж это подевался наш уважаемый Умникс? Я ведь ясно сказал – отсюда ни ногой!

– Ты только не ругайся. Веснушка ведь, он... такой. Невтерпёж ему сидеть без дела. Сказал, что сходит разведает, что да как...

– Когда он заявится, я с ним разберусь, – пообещал Барсук и занялся Толпек. Он осторожно влил сквозь плотно сжатые зубы несколько капель целебного отвара. Затем смочил пересохшие губы больного друга и стал смазывать их корнем. Губы зашипало, и Толпек тихонько застонал.

– Хорошо, – радовался Барсук, – хорошо!

Понемногу дыхание больного выравнивалось, жар потихоньку спал. Товарищи сидели у его изголовья и молча размышляли каждый о своём.

– Жуля, а давно Веснушка ушёл? – нарушил Барсук тишину.

– Давно.

В душе у Барсука зашевелилась тревога. Веснушка вполне мог заблудиться или угодить в неприятности. Кто знает, что у него на уме. Не пора ли отправиться на его поиски? Близилась ночь, а в это время в лесу полным-полно вражьих караулов. Барсук дотронулся до белочки:

– Жуля, надо идти искать Веснушку. Что с ним? Чует мое сердце, неспроста он пропал. А за Толпека не беспокойся, здесь его никто не найдет, а наша помощь ему пока не нужна, – и они вдвоём вышли из норы в сгущающиеся сумерки.

Барсук устремился по едва видимому следу: тут трава примята, там тростинка надломлена... Белочка за ним. Она пугливо озиралась и очень надеялась, что вот-вот из-за деревьев покажется коротышка, и они все вместе отправятся обратно. Ей очень не хотелось оставлять в одиночестве Толпека, который был совершенно беззащитен и нуждался в их помощи.

Так они отошли довольно далеко от норы. Вдруг Барсук остановился как вкопанный. Жуля ткнулась носом в его широкую спину и от неожиданности тоненько пискнула. Но быстро опомнилась и, мигом забравшись к товарищу на закорки, осторожно посмотрела вперёд. Барсук тем временем внимательно разглядывал что-то лежащее перед ним на земле, настороженно водя черным носом. Белочка соскочила на землю и подошла поближе к неожиданной находке. Это был чей-то длинный хвост. Жуля мгновенно вспомнила недавнюю схватку. Она задрожала и в страхе уткнулась в Барсучий бок.

– Дело швах, – сказал Барсук. – Умникс-таки нарвался на шпиона! Пойдёмка посмотрим, что там случилось.

По пути им попались сломанные ветки, ошметки выдранной травы, осыпавшиеся иголки...

– Маленький негодник пробил здесь целую просеку, – ворчал Барсук. – А шуму-то здесь было, наверное, шуму!

Чуть погодя друзья вышли на небольшую полянку, посреди которой зияла чёрная яма...

Тётушка Хлоя, пригорюнившись, сидела на крылечке своего домика. Небо над головой засверкало звёздами, но это нисколько её не интересовало. Раньше они вдвоем с белочкой Жулей могли часами ожидать падающую звезду, чтобы загадать желания, которые, как правило, сбывались. И сейчас у тётушки была мечта, чтобы Толпек с друзьями вернулись домой живыми и здоровыми, и всё стало бы идти по-прежнему. Без всяких там великанов и летучих мышей.

По лесу уже прокатились слухи о неведомом враге. Встревоженные обитатели то и дело приходили на берег реки и приставали с расспросами ко всем, кто, по их мнению, мог что-либо знать.

Умниксы хмуро отмалчивались, и тогда обращались к тётушке Хлое. Она как могла успокаивала пришедших, но это мало помогало. Соседи уходили, со-

крушённо покачивая головами. Какие беды их ожидали?! Даже Старый Крак затаился в своём дупле, и как его не звали, не показывался наружу.

Что же, что же было впереди?

Было слышно, что в яме кто-то возится. Барсук с Жулей пытались понять, кто это, но так и не смогли разобрать, Веснушка там или нет? Крадучись, они приблизились к краю, и Барсук попытался заглянуть внутрь. И вдруг!

Внезапно всё вокруг ожило. Друзья отпрянули от ямы и испуганно обернулись, но было поздно: со всех сторон из зарослей выглядывали злые змеиные головы и зубастые морды ящериц. Угрожающе шипя, они быстро окружили Барсука и Жулю. Краем глаза Барсук успел заметить, как из-за края ямы выскочила бесхвостая тварь и юркнула в траву.

Кто-то вкрадчиво произнес:

– Добро пожаловать, дорогие гости. На ловца и зверь бежит, – и из чащи вышел большой чёрный кот.

При виде его Барсук изумился не на шутку:

– Берендей!!! Ты ли это?!

– Он самый, – с достоинством ответил кот и прищурился, вглядываясь в незнакомцев. – Кто это там признал мою персону? Ах, это ты Барсук. Не чаял я тебя здесь встретить, не чаял. Однако ж вот, свиделись. На твою голову!

– Что ты несёшь, Берендей?! Мы же с тобой вместе сидели в темнице! Я же собственными глазами видел, как тебя пытали...

– Ха-ха-ха! – зашёлся в весёлом смехе котище. – Вы только посмотрите на этого разиню! Впрочем, на это и было рассчитано. Я был полностью уверен, что ты попадешься на эту удочку и проглотишь заготовленную приманку. Хо-хо-хо! Но скажи-ка мне, милейший, как тебе взбрело в голову вернуться обратно? Здесь, я признаюсь, сделал промашку. Вот уж никогда бы не подумал, что ты решишься на такое. Или это у тебя дружки такие отчаянные? – Кот щёлкнул когтями, и в круг втолкнули связанного, исцарапанного Веснушку.

– Вот этот, честно говоря, доставил нам много хлопот. Такой маленький, а дерётся, как лев. Вот бы его к нам, а?

Веснушка дёрнулся всем телом, но кляп во рту помешал ему выразить своё отношение к подобному наглому предложению.

– Сиди-сиди, – пренебрежительно отмахнулся Берендей. – Знаю, что тебя не перевоспитаешь. Придется отдать тебя Большой Манкурте. Уж она-то из тебя упрямство вместе с душой вытянет. – Кот подошёл к белочке. – Ну, а это что за пушистая дамочка? – Тут он заметил её совершенно черный хвост. – Ха-ха-ха! – опять зашёлся он, – вижу-вижу – знакомая до чертиков работа! Сразу видно, что это мои милые мышки постарались. Но только ты, наверное, мечтаешь перекрасить шубку обратно. Что ж, я тебя поздравляю, ты попала точно по адресу. Перекрашивать будем в чёрный, и я гарантирую тебе самый лучший, самый модный чёрный цвет!

– Дурак, – буркнула Жуля и отвернулась.

– Ну, ладно-ладно. Не принимай всё так близко к сердцу. В конце концов, всё уже решено, и, уверяю, участь вас ждёт печальная, – Берендей зловеще улыбнулся, оскалив хищные клыки, и подмигнул Барсуку. – Как ты думаешь, мой дорогой барсучонок, есть ли на свете справедливость? Есть. Полностью с тобой согласен. Если сильный отбирает у слабого, то это справедливо, потому что он сильнее. Если хитрый обманет доверчивого, то это тоже справедливо, потому как не надо хлопать ушами. Если я посажу тебя на цепь, то это тем более справедливо, ибо

нечего было испытывать судьбу дважды. Мой наивный толстый Барсук! Неужели ты до сих пор веришь, что ты САМ совершил побег? Как бы не так. ЭТО Я ПОЗВОЛИЛ ТЕБЕ УБЕЖАТЬ! Когда ты явился спасать своих выкормышей, и тебя схватили чуть ли не под самыми окнами темницы, я сказал себе: «Э-ге-ге, этот парень мне может пригодиться!» – но каким образом, тогда не знал. И пока ты смирённо сидел в подвале, мне в голову пришла гениальная идея. А почему бы не использовать тебя как тайного агента? Только так, чтобы ты ни о чём не подозревал. Это была отличная идея, возникла лишь одна заминка – надо было втереться к тебе в доверие. Но тут всё оказалось просто: мы перекрасили всех пленников в чёрный цвет, и таким образом я, Берендей, как бы тоже стал узником. И когда ты впервые увидел меня среди остальных, то так и подумал. Для тебя я был бедным котом-горемыкой, попавшим в лапы к ужасному великану. Не так ли?

– Но зачем? Зачем тебе это было нужно?! – закричал оскорблённый Барсук.

– А затем, мой пушистый друг, чтобы ты принял меня за своего товарища по несчастью. Немало же мне пришлось для этого потрудиться, даже хлебать мерзкую арестантскую похлёбку. Но, как видишь, со своей задачей я успешно справился. В одну прекрасную безлунную ночь я подстроил так, чтобы охранники ненадолго отлучились. Ну, а всё остальное для тебя было плёвым делом, ведь даже верёвки на тебе и те были гнилые! «Погоня» вывела тебя на наших друзей, большеухих лис, которые и направили тебя дальше. Так что я, мой глупый увалень, знал наверняка, что ты рано или поздно окажешься за горой. Тамошние жители обязательно приняли бы тебя как дорогого гостя и прониклись бы сочувствием, прознав о твоих злоключениях. А в скором времени объявился бы и я. Представляешь? Несчастный пленник, чудом избежавший гибели! И ты тому живое подтверждение!

– Да-а,– протянула белочка. – Если бы не такая легенда, то все сразу бы решили, что ты разбойник с большой дороги. Больно уж рожа у тебя бандитская!

– Мадам,– ухмыльнулся мерзавец и продолжил, как ни в чём ни бывало. – Ну, так вот. Я бы, не торопясь, выведал всё, что мне нужно, и – ХРЯСТЬ! – все вы оказались бы у меня вот где! – и он показал свою немаленькую лапу, сжатую в когтистый кулак. – Я даже летучим мышам запретил снова наведываться к вам. Чтобы вы чуток успокоились.

Барсук принялся в отчаянии заламывать лапы:

– За что же мне такие невзгоды и наказания! Как же я теперь посмотрю в глаза честному народу... А если бы все случилось так, как ты говоришь?! – вдруг до него дошла вся подлость кота, и Барсук бросился на негодея, чтобы его задушить. Но охрана не дремала. Барсуку сделали подножку, и он растянулся на траве во весь рост.

– Так-то лучше,– хмыкнул Берендей, когда перед ним поставили Барсука, туго спелёнатого ремнями.

На Жулю накинута скользящая петлю и она, вздрагивая от негодования, стояла немного поодаль.

– А теперь скажите-ка мне, милые, где ваш четвертый приятель? Сразу предупреждаю: молчание ни к чему не приведёт. Я найду способ развязать вам языки!

Пленники проигнорировали угрозу.

– Считаю до десяти. Раз, два, три... Глупо упрямиться. Четыре, пять, шесть, семь... Вы только сами себе навредите. Восемь, девять...

Белочка уже готовилась распрощаться с жизнью, но в этот момент на плечо коту приземлилась летучая мышь, и что-то хрипло зашептала ему на ухо.

– Быть такого не может! – усомнился тот, услышав какое-то сообщение. Но мышь зашептала ещё быстрее.

– Прокушена шея... совсем издохла... – повторял растерянный Берендей.

Он с подозрением оглянулся на друзей. Было видно, что услышанное встревожило его не на шутку. Берендей подозвал к себе одного из подручных и что-то приказал ему тихим шёпотом. Тот козырнул и сразу же испарился. Выпрямившись, кот посмотрел в упор на связанных упрямецев. В его голове происходила напряжённая работа: что-то сопоставлялось, прикидывалось, сравнивалось... Но мозаика никак не складывалась.

– Может, это всё-таки они? – задумчиво пробормотал он. И тут же сам себя перебил. – Да куда им супротив неё.

Он обратился к пленникам:

– Что ж, непрошеные гости, повезло вам. Но только до утра. Советую вам за это время подумать о бесполезности вашего сопротивления. Сейчас у меня появились дела поважнее вас. Уведите их.

Охранники грубо схватили связанных друзей и потащили сквозь колючие кустарники. Их приволокли к каменному строению и без церемоний бросили в подземную темницу. Дверь с лязгом захлопнулась, и наступил мрак. Жуля освободилась от петли и на ощупь развязала своих спутников.

– Ап-чхи, – чихнул Барсук. – Ну, вот я и «дома». Как приятно вновь оказаться в знакомых стенах. А ещё приятнее – встретиться со старым знакомым, чтоб у него шерсть повылезала!

– Слушай, – горячо зашептал Веснушка. – Ты же уже делал отсюда ноги. Давай, покажи скорее, где тут выход?

– А ты поищи его, может, и найдёшь, – сердито отозвался Барсук.

Веснушка ничего не ответил и начал лихорадочно шарить руками по стенам в поисках отдушины. Но повсюду натыкался лишь на заплесневелую старую кладку. Тюремщики давным-давно заделали отверстие и иного пути, как через дверь, отсюда не было.

Затхлый воздух забивал ноздри. В углу что-то беспрерывно капало. Сырость, казалось, проникала во все поры. Умникс не прекращал попыток отыскать отверстие, через которое сбежал Барсук. Он ощупал все трещинки, но всё было напрасно. Наконец, обессиленный Умникс бросил это занятие и присел на пол. Усталость победила – глаза у друзей начали слипаться, и вскоре узники погрузились в глубокий сон.

Глава восьмая. Нежданный союзник

Толпек проснулся от сильной жажды. Он привстал и с удивлением огляделся. Вокруг едва можно было что-то различить, но, похоже, он находился в каком-то подземном убежище. Рука нечаянно наткнулась на стоящий рядом сосуд, и Толпек с жадностью припал к горлышку. Увы. Это была всего лишь бурда, которой Барсук давеча потчевал его. Кое-как утолив жажду, Толпек замер, прислушиваясь к себе. Вроде всё нормально, но внутри ощущалась небольшая слабость. «Наверное, это от того, что я давно не ел», – решил Толпек. Руки его снова начали шарить в темноте и вскоре нащупали что-то, по форме напоминающее морковку. Толпек откусил кусочек: тьфу... это была совсем не морковь. Толпек было собрался выкинуть его, но ощутил знакомый, приятный, кисловатый привкус. Голова меж тем прояснилась, в теле появилась легкость. Толпек вскочил на ноги и на ощупь стал пробираться к светлomu пятну на противоположной стене.

– Опять нора, – бурчал он, на четвереньках выбираясь наружу. – Интересно, как же я сюда попал? Ничего не помню.

Толпек вылез на поверхность и отряхнулся. В лесу было сумрачно и прохладно. И нигде не было видно товарищей.

– Куда же они подевались? – вслух подумал Толпек. – И сколько я был в беспамятстве?

Он немного постоял, а затем побрёл на поиски. Но не успел сделать и сотню шагов, как услышал недалеко впереди чьи-то голоса. Толпек моментально припал к земле и внимательно прислушался. За деревьями кто-то громко спорил. Толпек, затаив дыхание, подкрался поближе и осторожно выглянул из-за ветвей. Две ящерицы: одна побольше, другая поменьше, сидели на коряге и ссорились из-за какой-то вещи.

– Отдай, она моя!

– Нет, моя!

– Я первая её подобрала!

– А я первая вцепилась в его морду!

– Какая ты противная. Всё расскажу хозяину.

– А я скажу, что ты хотела украсть ЭТО!

– Нет, не скажешь. Я только хотела посмотреться в него...

– Всё равно. Хозяин тебя и за это по головке не погладит. И, уверяю тебя, ему в скором времени об этом станет известно. Уж я-то постараюсь.

– Не говори ему ничего!

– Скажу.

– Не говори.

– А что мне за это будет?

– Ну, на, бери. Только дай слово, что не скажешь.

– Не скажу, не скажу, не бойся.

Большая ящерица соскочила с коряги, держа в лапах красный лоскут. Повязала его на шею и, красуясь, прошла перед товаркой. Затем не утерпела и показала ей язык. Та позеленела от злости и привстала. Толпек успел заметить, что у неё не было хвоста.

– Ах, так! Ты ещё дразнишься. Да я тебе сейчас глаза выцарапаю!

– Сначала хвост отрасти, бесстыжая.

– Это я-то бесстыжая?! Да я не пожалела его, чтобы заманить их в ловушку. Без меня вы бы нипочём их не поймали. А этого маленького драчуна я ещё, ох, как помучаю. И его шляпа будет моя!

При этих словах Толпек сразу насторожился. Приглядевшись внимательнее, он ахнул. На одну из скандалисток была нацеплена та самая ленточка, которую Барсук всюду таскал с собой как память о дочурке! Значит, друзья попали в беду!

А спорщицы меж тем не унимались.

– Зато хвост той пушистой недотроги достанется мне. Ха-ха! Что, съела, тощая клюка?

– А ты – жирная и глупая бездельница. Только и мечтаешь, как увильнуть от работы и набить своё брюхо.

– А ты...

В это время вдалеке раздался жуткий визг. Кумушки мигом заткнулись, переглянулись и со всех ног помчались на шум. Потрясённый Толпек вылез из своего убежища и прислонился к дереву, пытаясь переварить услышанные новости.

– Мур-р, мой юный друг! Вы чем-то опечалены? – вдруг спросил кто-то за его спиной.

Толпек от неожиданности икнул и медленно обернулся. Прямо перед ним стоял большой белый кот!

Дверь со скрипом открылась, и в освещенном прямоугольнике возник рыжий широкогрудый охранник. Шум разбудил Веснушку, и он вскочил, потирая заспанные глаза. Видимо, уже наступило утро.

– Подъём! – рявкнул тюремщик.

Узники нехотя поднялись с каменного пола. За спиной охранника показалась вялая фигура с безвольно опущенными плечами и с корытцем в руках. Походка незнакомца была странной, словно чья-то злая сила вынула из тела скелет, а взамен набила непослушными опилками.

– Да это же кум Енот! – узнал его Барсук.

Он протянул ему лапу, но тот, не обратив на это ни малейшего внимания, прошёл мимо, поставил на чурбак свою ношу и зашаркал обратно. Широкогрудый в дверях осклабился:

– Скоро вы у меня так же будете ходить. По струнке. Уж я вас вымуштрую как следует! А пока вот, держите, – и швырнул им огарок свечи.

Дверь лязгнула, ключ снаружи два раза отчётливо повернулся в замке, и снова наступила тишина.

Барсук, держа свечку, подошёл к корытцу. Посветил туда и сплюнул:

– Опять та же самая бурда. Неужели они не могут разнообразить меню? – он изо всех сил пнул чурбачок. По полу разлетелись рыбные головы, куски задохшего хлеба и капустные кочерыжки.

Барсук поднял огарок и посветил вокруг. Да, темница была сработана на совесть. Высоко наверху, там, где раньше была отдушина, виднелась свежая кладка. В неверном дрожании свечи она четко выделялась на фоне остальной стены. Когда-то там был путь к свободе! Счастьем было бы снова вдохнуть свежего воздуха. Он тяжело вздохнул. Скоро их или навсегда прикуют к кольцам, или они, как кум Енот, будут, словно ходячие привидения, носить пищу новым пленникам. Подошли Умникс с Жулей и встали рядом.

– Как ты думаешь, что там с Толпеком?

– Не знаю. Я оставил ему всё самое необходимое. Будем надеяться, что он справится. А если нет, то ему как-то без нашей помощи.

Все снова тяжело вздохнули.

Белочка достала припрятанную мармеладку и начала думать, как разделить её на три части. Веснушка мельком глянул на неё. Вдруг какая-то мысль сверкнула в его глазах:

– Постой! – он схватил Жулю за лапку. Затем снял свою шляпу и вытащил одну из булавок, скрепляющих разошедшиеся поля, расстегнул её и снова сжал пальцами. Придерживая булавку таким образом, Умникс осторожно прижал её к чурбаку. Потом поднес огарок и начал капать раскаленным воском на застёжку. Воск быстро затвердел, и острый кончик оказался зафиксированным в одном положении, готовый в любую секунду с силой вырваться наружу, едва воск подтаёт. Умникс разгладил застывшие неровные края, аккуратно затолкнул булавку в мармеладку, подскочил к двери и громко забарабанил в неё:

– Эй, открывайте!

Дверь через минуту отворилась, и в щель просунулась жующая морда:

– Чего расшумелись? Может, дубинки захотели испробовать? Это я вам мигом устрою!

– Уважаемый господин охранник, – почтительно начал Веснушка, – мы поняли, что всякое сопротивление бесполезно, и просим, чтобы вы передали вашему командиру, что мы готовы сообщить, где скрывается наш четвёртый товарищ. Надеемся, что к нам за это будет проявлено снисхождение... А это вам за труды, – быстро добавил он и протянул сторожу мармеладку.

Несколько томительно долгих секунд настороженные глаза недоверчиво ощупывали его, но Веснушка принял столь смиренный вид, что караульщик заколебался и таки принял подношение.

– Кстати, – как бы между прочим обронил Умникс, – если бы вы сами изловили нашего друга, то Берендей наверняка удвоил бы награду.

Тюремщик алчно осклабился:

– Так где же он? Говори! – и проглотил мармеладку.

Веснушка нервно сглотнул и попробовал потянуть время.

– Ну, вы понимаете... Я не так хорошо знаю ваш лес, а, вернее, вовсе не знаю. Было темно, но я точно запомнил, что там было высокое дерево и колючие-преколючие кусты...

– Что ты мелешь! – не выдержал сторож. – Эдак здесь можно пол-леса обойти, и везде тебе будут и высокие деревья, и колючие кусты.

Охранник не стал терять времени на препирательство с Умниксом и обратился к Барсуку:

– Слышь, ты, шерстяной мешок! Давай колись, где спрятался четвёртый лазутчик? И не вздумай юлить! Ты-то знаешь окрестности, как свои пять пальцев.

Барсук угрюмо молчал.

– Ты заснул, что ли, старый разбойник? Вот уж, погоди, доберусь до тебя. Где моя большая дубинка? – сторож вытащил из-за пояса крепкую суковатую палку и, легонько похлопывая себя по колену, подошёл к лежащему Барсуку.

– Ну, что, так и будешь молчать? Ай-яй-яй. Как нехорошо. Придётся тебя поучить уму-разуму!

Но только он замахнулся дубинкой, как внезапно из его глотки послышался булькающий звук, глаза вылезли из орбит, и он, схватившись за живот, повалился на пол.

– А-а-а!!! – завопил он. – Больно! Мамочки, как больно! Что вы со мной сделали, негодяи!

Но друзья его уже не слушали. Они выскочили из темницы и быстро закрыли за собой дверь. Крики стали неразличимы. Можно было надеяться, что пока никто ничего не заметил.

Барсук потащил приятелей по коридору, и через несколько шагов они очутились в большой комнате, полностью уставленной железными клетками. Оказывается, именно здесь томились в неволе маленькие пленники. Кого тут только не было! Всевозможные зверушки, заметив незнакомцев, подняли невообразимый гвалт. Они заметались в своих клетках, протягивали лапки сквозь прутья, умоляя выпустить их. У Веснушки не выдержали нервы и с криком: «Да что ж это такое творится на белом свете!» – он кинулся сбивать замки.

Белочка с Барсуком стали ему помогать. Засовы были тугими. Удалось открыть лишь несколько клеток, и тут в конце коридора послышались топот и хриплая брань. Это на шум спешили охранники. Испуганные пленники, все как один чёрные, рассыпались по комнате. Каждый стремился найти хоть какую-нибудь щёлку, в которую можно было забиться.

– Бежим! – крикнул Барсук и вскочил на самую большую клетку. С неё он перебрался на стол и, разбежавшись, пулей вылетел в окно. Друзья за ним. Кое-кто из маленьких пленников тоже успел выскочить вместе с ними наружу, и теперь все они мчались к спасительной ограде. Увы. Ограда была высоченная, и невозможно было просто так перемахнуть через неё. Барсук наклонился перед самым забором и уперся в него руками. Зверушки разбегались, отталкивались от спины Барсука и, взлетая, как на трамплине, попадали в руки Белочки и Умника, которые осторожно опускали их по другую сторону стены.

– Быстрее, быстрее, – кряхтел Барсук. – Я слышу их шаги всё ближе и ближе.

– Ещё чуть-чуть, Барсучок! – прокричал Веснушка. – Остался ещё один... Потерпи...

Наконец, Барсук разогнулся и тоже начал карабкаться на забор. Друзья изо всех сил помогали ему.

– У-уф, у-уф, – пыхтел он, – осторожнее, ребята.

– Раз, два, три – взяли! Раз, два...

Ограду удалось преодолеть, но убежать было уже поздно. Преследователи махом перескочили через стену и в два счёта нагнали их. Хищно клацая зубами, охранники окружили друзей.

«Шмяк», – шлёпнулся Барсук в траву от резкого тычка.

«Дзинь», – прозвенела в воздухе сбита камнем шляпа Веснушки.

Вдруг со стороны леса послышался шум другой погони. Там кто-то неистово гоготал. Ему вторили раздраженные проклятия. Все замерли, теряясь в догадках – что происходит? Вскоре на опушке показалось какое-то странное существо. Оно перескакивало с ветки на ветку и осыпало своих погонщиков градом насмешек. И, кроме того, с большой ловкостью метало шишки, да так точно, что преследователи старались держаться на почтительном расстоянии. Кому же охота получить между глаз?! Берендей, выскочивший на шум из кустов, не смог, видимо, увернуться, и теперь у него на лбу красовалась свежая шишка, к которой кот время от времени прикладывал платок. Берендей, ка-

залось, несколько не удивился, увидев своих пленников на свободе. Он лишь раздраженно буркнул своим подручным: «Ну, чего уставились? Взять их!» – и заковылял в сторону дома.

Вскоре с его крыши взметнулось чёрное облачко. Оно покружилось над трубой и умчалось вслед удаляющимся крикам.

– Ты заметил, кто это был? – шёпотом спросила Белочка Барсука.

– Конечно, – ответил тот. И так же шепотом добавил: – Это тот самый Смехач, который улетел на воздушном змее. Видно, его прибило где-то неподалеку.

– Какой молодец! – восхитился Веснушка, но Барсук строго перебил его:

– Не говори «гоп» раньше времени. Ты видал, кого Берендей снарядил за ним в погоню? От этих летучих бестий одними шишками не отобьёшься...

Барсук словно в воду глядел. Не прошло и получаса, как их снова поставили перед Берендеем. Там уже находился спутанный верёвками Смехач, и кот с любопытством его разглядывал.

– Вот уж никогда бы не подумал, что на свете бывают такие уродцы, – нараспев протянул он и препротивно ухмыльнулся. – Впрочем, он не только уродец, но и больной на голову. Подумать только, сидел себе на дереве и хохотал, как ненормальный. Вот что бывает после встречи с Манкуртой, – наставительно добавил он и закрутил ус. Тут его голос стал строже:

– А ведь это все-таки была ваша работа, негодники! А поначалу я даже и мысли не мог допустить, что это вы. Думал, что в окрестностях появился какой-то могучий враг, который и придушил мою бедную змейку. Это меня, признаюсь, встревожило не на шутку. Но когда я бросился на поиски и осмотрел всё на месте, то картина происшествия проявилась, как на ладони. Один из вас попался Манкурте, но, к сожалению, вмешались вы и сообща прикончили старушку, – Берендей немного помолчал. – А ведь я возлагал на неё большие надежды. И вот теперь её нет...

Твари, окружавшие пленников, злобно зашипели. Отовсюду слышались хриплые голоса:

– Смерть им! Смерть!

– Тише! – поднял лапу Берендей и обвёл взглядом свою шайку. – Конечно, наказание будет именно таким. Но прежде, чем привести приговор в исполнение, мы должны во всеуслышание объявить обо всех их преступлениях! – Кот выдержал эффектную паузу и повернулся к связанным друзьям. – Кроме всего прочего, вы обвиняетесь в незаконном проникновении в наши владения и последующем шпионаже. А также в самовольном освобождении детенышей и их побеге и, наконец... в нанесении тяжких телесных повреждений охраннику, Рыжему Гою... Который так мучился, что его пришлось удавить, – добавил он. – Представляете! – закричал Берендей и вытащил злополучную булавку. – Они заставили какой-то хитростью проглотить нашего Гоя вот эту острую штуку, и бедняга не выдержал мучений.

Тут все словно с цепи сорвались. Какой-то здоровенный детина подскочил к Барсуку и со всей силы пнул его в живот.

– Как?! – завопил он. – Мой лучший товарищ откинул копыта вот из-за этого куска сала! Отдайте его мне, и я натоплю из него жира на свечи, а шкуру прибью к стене.

Бесхвостая ящерица сорвала с Веснушки шляпу и стала хлестать его по щекам. Тот лишь мычал и отплевывался. Грубые лапы крепко держали его и не давали сдвинуться с места. Но Умникс изловчился и лягнул пяткой осата-

невшую противницу. Та отлетела на несколько шагов и громко завывала от боли, катаясь по траве:

– Ия-йя-йя...

На Веснушку тут же посыпался град ударов. Дело принимало скверный оборот. И лишь одна Жуля не растерялась. Она уже давно перетёрла коготками свои путы и, сбросив их, молнией кинулась на Берендея. Тот никак не ожидал нападения, и потому она успела вцепиться прямо в его лоснящийся загривок.

– У-у-у, – взвыл котяра, подпрыгнул на месте и огромными скачками понёсся к крыльцу.

Белочка как заправский наездник вздыбилась на чёрной спине кота. Хвост бешено мотался из стороны в сторону. Всё это происходило с такой скоростью, что издали было совершенно непонятно, то ли это хвост Жули, то ли Берендея? Разбойники прекратили избивание пленников и растерянно уставились друг на друга. Потом, как по команде, сорвались с места и беспорядочной гурьбой ринулись на помощь своему хозяину.

На земле остались лежать Веснушка, Смехач и Барсук. Смехач кое-как подполз к друзьям и горестно заохал.

Прямо перед Толпеком стоял огромный белый кот. Его пронизательный, чуть насмешливый взгляд, казалось, проникал до самых костей. Время от времени кот облизывал свою густую шерсть и, видимо, не торопился первым нарушить возникшую паузу.

Наконец, Толпек собрался с мыслями и заговорил:

– Вы что, следили за мной? В таком случае, почему вы сразу не подняли тревогу, когда вот эти, – он махнул головой вслед убежавшим ящерицам, – были совсем рядом?

– Тревогу? Зачем? – искренне удивился кот. – Мне не нравятся эти мерзкие создания, и я им тоже. Они просто арестовали бы меня, увели к своему хозяину. Под конвоем.

– Тогда зачем вы прибыли сюда? Ведь в этом лесу нет ни одного существа, которое бы по своей доброй воле бродило по нему.

Загадочный собеседник протяжно вздохнул.

– Вот поэтому я и здесь. Один мой добрый старинный приятель прислал мне весточку, что в этом месте творятся какие-то странные вещи. Можно сказать, просто ужасные. Вот я и бросил все свои дела и примчался сюда. И признаюсь, то, что я здесь увидел, мне совершенно не нравится.

– Так вы тот самый друг с Синей горы, которому Старый Крак направил свое послание?! – вскричал Толпек

– А вы тот самый юный герой, который не побоялся бросить вызов великану? – хитро прищурился кот.

– Ну, какой я герой, – засмутился Толпек. – И, кроме того, я не один, а с друзьями. Они попали в беду. Вы, наверное, слышали об этом?

– Слышал. Более того, видел, как враги тащили их связанными в своё логово. Как я понял, их все-таки выследили, хотя попались они довольно глупо. А вот почему вы на свободе, вот этого я никак не пойму.

Пришлось Толпеку рассказать историю их злоключений. И когда он дошёл до места, где он выбрался из какой-то незнакомой норы, кот перебил его:

– Ага. Значит, вот где тебя потеряли из виду. А ты знаешь, что противнику известно, что вас было четверо? Наверняка, сейчас прочесывается лес, и на каждой тропе выставлены посты. Вашим друзьям грозит большая опасность, потому что Берендей не остановится ни перед чем, чтобы вырвать у них признание о вашем местонахождении.

– Как вы сказали? Берендей? – удивился Толпек. – А кто это такой?

– О, это негодяй, каких мало сыщешь. Но послушайте, мой дорогой, не кажется ли вам, что мы зря теряем время. Нужно как можно скорее придумать, как вызволить ваших товарищей. Тем более что в лесу скоро станет жарковато.

Толпек внимательно прислушался. Издалека доносились невнятные крики и громкое уханье.

– Что это? – сказал кот. – Кто это так громко орёт? Может, великан? По звукам кажется, что кого-то преследуют. И возникает вопрос: неужели этот кто-то так силен, что для погони потребовался целый великан?

Раздумывать было некогда. Крики доносились всё ближе и ближе, и кот с Толпеком нырнули в заросли. Только они успели спрятаться в кустах, как мимо них промчалась шумная толпа: шум, треск, тарарам... Толпек сразу же узнал Смехача и, когда погоня скрылась вдали, рассказал белому коту об этом удивительном громогласном создании.

– М-да, – пожевал кот губами. – Интересный, я бы даже сказал, занятный экспонат... – Тут его осенила идея: – Слушай, а ведь пока почти вся банда охотится за этим... Как, ты говоришь, его зовут? Смехач? Так вот, получается, что в логове сейчас остались одни только сторожа. И нам вдвоём, уверен, по силам справиться с ними, не так ли?

– Так, – без раздумий согласился Толпек и добавил: – а где оно, логово-то? Белый кот задумчиво почесал затылок:

– Трудно сказать. Видишь, Берендей всюду понаставил ложные знаки, уводящие с верной дороги. Как бы нам не заплутать... Вот, смотри, – он показал на два сорочьих пера, крест-накрест прибитых к дереву. – Они притягивают к себе внимание путника, а потом отсылают его к следующей метке. Это может быть, к примеру, дохлая мышь, висящая на суку, или что-то другое. Не важно, что. Главное, что эти знаки заколдованы отводящим заклинанием. И путник, ничего не подозревая, будет бродить между этими знаками и никогда не выберется из их магического хитросплетения.

– Так что в таком случае делать? – растерялся Толпек.

– Есть один выход. Нужно крепко зажмуриться, раскрутиться на месте и бежать туда, куда ноги сами тебя понесут. Только таким образом можно обмануть колдовство и попасть в то место, куда желаешь.

Так они и сделали. Правда, получилось это не сразу. Коту и Толпеку пришлось изрядно попотеть, прежде чем они добрались-таки до каменной хижины. Но бог ты мой, что там творилось! Внутри всё грохотало, падали стулья, билась посуда, слышались проклятия, а громче всего раздавались дикие вопли Берендея. Внезапно шум стих. Толпек взглянул на спутника. Тот лишь пожал плечами. И в этот миг всё повторилось, даже сильнее и громче, чем раньше.

– Отдай! Отдай! – кричал кто-то осипшим басом.

Ему вторил нестройный хор голосов.

Не в силах больше сдерживаться, Толпек подбежал к дому и заглянул в окно. Это была кухня. Посреди неё пылал большой очаг, а над ним на треноге был подвешен огромный закопчённый котёл, в котором булькало какое-то варево. От него шёл густой пар, поэтому Толпек поначалу не мог как следует рассмотреть происходящее на кухне. Но когда глаза постепенно приспособились, он тихонько присвистнул.

Прямо над котлом с потолка свисала цепочка и на ней висела... Жуля! Конец цепочки она подтянула к себе, чтобы её было сложно достать. К этой же цепочке был прикреплен небольшой предмет. Жуля прижимала его к груди и испуганно глядела вниз. Разбойники, столпившись вокруг, наперебой уговаривали её отдать эту вещицу и ни в коем случае не бросать ее на пол. Растрёпанный Берендей был прямо вне себя от отчаяния. Он почёсывал лапой взъерошенный загривок и терпеливо уговаривал белочку:

– Ну, хватит, дорогая. Повеселились и довольно. Отдай мне зеркальце, и я отпущу вас на все четыре стороны. Не веришь?! Даю честное благородное слово настоящего шувалака!

– Это ты-то настоящий шувалак?! – слышался насмешливый голос. – Да ты просто глупый самозванец, который и в подметки не годится истинному шувалаку.

Все моментально притихли и уставились на невесту откуда взявшегося белого кота, стоящего в дверях. Первым опомнился Берендей:

– Неужто это ты, Велизарий?! Какими судьбами! Чего вы рты раззявили, олухи?! – набросился он на своих подручных. – Хватайте его!

Разбойники устремились к пришельцу, но тот даже не шелохнулся. Он сделал неуловимое движение и вокруг него в одно мгновение из ниоткуда возник большущий прозрачный пузырь, похожий на те, которые мы выдуваем из мыла. Велизарий стоял внутри него и только похихатывал, глядя, как десятки когтей бессильно скребут по поверхности шара.

– Огня! Дайте огня! – завопил Берендей, расталкивая толпу.

Кто-то сунул ему в руки пылающую головню, и чёрный кот с силой ткнул ею в радужную переливающуюся оболочку. Раздался звучный хлопок. Мыльные брызги полетели во все стороны и нападающие разом ослепли. Теперь каждый отчаянно тёр глаза, стараясь вернуть зрение. Белочка воспользовалась сумятицей и выпрыгнула в окно, где её уже поджидал Толпек.

– Жуля, я здесь! – крикнул он, когда белка приземлилась на траву. – Где остальные? Давай к ним!

– Они там, – махнула головой Жуля, и друзья со всех ног кинулись в сторону навеса.

Но, подбежав к лежащим товарищам, они в растерянности остановились. Барсук и Умникс явно не могли передвигаться самостоятельно, а у Смехача были в кровь изодраны ладони, так что он не мог больше скакать по деревьям. Толпек мог бы поднять Веснушку, но Барсука они даже вдвоём с Жулей не сдвинули бы с места.

– Однако... – мрачно процедил Толпек и поднял брошенную кем-то дубинку. – Так просто я своих друзей не отдам. – Он повернулся к каменной хижине, откуда уже показалась прозревшая охрана, и приготовился к бою.

– Беги, Толпек, – простонал Барсук. – Нам ты уже не поможешь...

Закончить он не успел. Белой молнией сверкнул Велизарий и уселся шагах в двух от друзей.

– Да, дело плохо, – промурлыкал он, глядя то на неподвижных бедняг, то на приближающуюся ораву.

Он хмыкнул и достал откуда-то короткий тубус. Быстро взболтал его и вытащил из него палочку с колечком на конце. Затем выдул три больших пузыря, которые заключили в себя израненных товарищей.

– Порядок, – улыбнулся он и помчался прочь. Шары покатались за ним, несколько при этом не тревожа своих пассажиров. Толпек с белочкой бросились вслед за ними.

Бандиты не до конца оправились после ослепления. Они то и дело спотыкались, беспорядочно шарахаясь в разные стороны. Те же, кто кинулся вдогонку, тут же набили себе шишки о деревья. Погоня отстала. Но это было только начало. Толпек понимал, что, оправившись, Берендей и его шайка будут гнать их, пока не настигнут. Берендеевские ищейки легко отыщут их, куда бы они ни спрятались.

Велизарий, однако же, думал иначе. Удалившись на более-менее безопасное расстояние, он вдруг остановился и, не торопясь, осмотрелся вокруг.

– Место, вроде, подходящее, – вслух прикинул он.

После этого кот принялся чертить в воздухе магические символы, тихо бормоча заклинания. Потом он отломил сучок и воткнул его в растущий неподалёку гриб. Тот сморщился и чихнул. Поднялось густое облачко, которое кот направил в сторону преследователей. Всё это заняло не больше двух минут, но Толпеку они показались вечностью. В голове стучала только одна мысль: «Бежать, бежать, бежать». Он даже притопнул ногой от нетерпения, но Велизарий не обратил на это никакого внимания.

Кот подошёл к двум молодым деревцам, нагнул их и связал верхушки. Под получившейся аркой прокатились пузыри, за ними прошмыгнула Жуля. Толпек вопросительно поглядел на Велизария.

– Ну, что ты стоишь? – удивился тот, – давай же, проходи. Все вопросы потом.

После того, как Толпек пробежал под аркой, кот прочертил на земле пером глубокую волнистую черту, а потом заровнял её. Затем бросил сплюснутую шляпку гриба прямо посередине арки и аккуратно вернул на место кроны деревьев. Теперь Велизарий был доволен! Он удовлетворённо похлопал себя по бокам и обернулся к спутникам:

– Ну, вот, теперь они нас не скоро найдут. Здесь наши следы для них кончаются. И, кроме того, я пустил едкую пыль навстречу врагам, так что им снова придется несладко. Там дальше есть удобное дупло, в котором мы можем отдохнуть и набраться сил.

Через некоторое время на пути друзей оказалась старая развесистая ель.

– Вот мы и пришли,– объявил Велизарий. – Здесь я прятался когда-то. Ну, и знатное лежбище я тут себе устроил!

Сколько Толпек не присматривался, он нигде не мог найти дупло. Даже белочка, обежавшая ствол сверху донизу, не смогла найти даже хоть какого-нибудь намека на него. Тем временем кот, добродушно усмехаясь, подошёл поближе, похлопал в одном месте лапой и рывком отвалил толстый шмат коры. Открылся вход в дупло.

– Прошу, уважаемые,– громко возвестил Велизарий и первым шагнул в тёмную глубину, которая почти сразу озарилась мерцанием свечи. Толпек с Жулей быстро шмыгнули за ним вовнутрь. Мыльные пузыри протискивались, протискивались и вскоре тоже очутились в дупле. Белочка боялась, как бы они не лопнули, но кот успокоил её:

– Им ничто не повредит. Ни ветки, ни колючки, ни даже иголки. Вот только против огня они бессильны.

Говоря это, Велизарий поднял лапу и щёлкнул когтями. Шары сдулись, опустив седоков на охапки листьев. Кот заложил входное отверстие и занялся их ранами, промыл ссадины и ушибы и туго перебинтовал. Тут-то пригодился золотой корешок, предусмотрительно захваченный Толпеком. Его целебная сила и заклинания здорово помогли выздоровлению. Другьям полегчало, и они заснули спокойным крепким сном.

Настало время оценить положение и подумать о том, что делать дальше. Белочка рассказала, как они попали в засаду и последующем знакомстве с Берендеем. О страшной темнице, о том, как Веснушка придумал способ вырваться из неё, о бедных пленниках, томящихся в неволе, и о расправе над другьями.

– Этот Берендей такой негодяй! – закончила она. – Жаль, что я ему не выцарапала глаза!

– Слушай,– призадумался Толпек. – А что за вещь он просил отдать там, на кухне? Берендей так беспокоился за неё, что готов был на всё, лишь бы ты вернула её в целости и сохранности. А-а, вспомнил: он говорил о каком-то зеркальце. Помнишь?

Жуля задумчиво потёрла носик:

– Не знаю. Просто во время той заварушки мне деваться было некуда, и я взяла и запрыгнула на цепь. Признаюсь честно, я бы всё равно долго там не просидела. Из котла шёл такой ужасный запах, а пар был такой горячий, что я неминуемо свалилась бы вниз, если бы не вы. А на то, что у меня было в руках, я не обратила внимания.

– Хм,– пробурчал Толпек. – Всё это довольно интересно. Что бы там это ни было, зачем понадобилось подвешивать его над котлом? И ведь я точно помню, что Берендей упоминал зеркальце. А тут как раз у нашей тётушки Хлои недавно пропало её любимое зеркало, которое умело предсказывать погоду.

– Что, что? – переспросил Велизарий. – Зеркальце, предсказывающее погоду?

– Угу,– подтвердил Толпек.

– Так вот где оно находилось всё это время! А как оно попало к тётушке Хлое?

– Понятия не имею. Хотя, погоди. Точно не могу ручаться, но вроде это подарок Старого Крака за то, что она вылечила его подбитое крыло.

– Ну, что ж. Всё сходится. И выходит, что его украли?

Толпек печально кивнул. Велизарий задумался ненадолго, затем потянулся и зевнул:

– Вы уж простите меня, друзья. Что-то я сильно вымотался за последние дни, а отдохнуть всё никак не удавалось. Видимо, поэтому дельные мысли в голову не идут. Вздремну-ка я чуток. – С этими словами он уронил голову на лапы и крепко уснул.

Берендей рвал и метал: «Найти! Схватить! Доставить!»

Но всё было напрасно. Его лучшие ищейки потеряли чутьё от какой-то странной едкой пыли. Теперь они громко чихали, и не было никакой надежды, что они в скором времени смогут вести поиски дальше. А самые глазастые следопыты так до конца и не прозрели. Слёзы постоянно наворачивались на их глаза, и мир они видели как будто сквозь густой туман. Словом, все подручные Берендея оказались совершенно беспомощны и бесполезны.

– У-у, Велизарий! Дорого же тебе обойдутся твои штучки! – скрежетал тот зубами.

Преследователи кое-как добрались до того пяточка, где Велизарий совершил свой обряд. И здесь окончательно потеряли след. Ищейки бестолково топтались на месте, но беглецы как в воду канули. Берендей сам кинулся туда-сюда, но и он не смог обнаружить даже самого малюсенького следа. Он лишь наткнулся на шляпку гриба и тотчас определил, что именно его пыльца доставила им столько хлопот. И больше ничего!

«Быть такого не может, – напряжённо размышлял чёрный кот. – Что-то тут не так! Куда они подевались, не в воздухе же они растворились?». Он задумчиво посмотрел на два молодых деревца, росших неподалеку от тропинки и махнул лапой. К нему тут же подскочили два капрала.

– Расставить патрули на всех тропах. Прочесать близлежащие окрестности. И немедленно сразу обо всём докладывать мне, – приказал он и повернул обратно.

Следом за ним юркнула маленькая бесхвостая ящерица. Раздались рывкающие команды, разбежались во все стороны послушные исполнители. Но никто из них даже и близко не подошёл к старой ели. Словно этого места вообще не существовало.

Глава девятая. Сорока-белобока

Толпек сидел, обняв руками колени, и неотрывно смотрел в одну точку. Память полностью вернулась к нему, но легче от этого не стало. Гипнотический взгляд огромной змеи неотрывно сидел в подсознании и время от времени его охватывало лёгкое оцепенение.

«Надо же, – подумал он, когда ему в очередной раз привиделись жёлтые немигающие глаза, – вот ведь напасть. Это не идет ни в какое сравнение со старым Умниксом. Тот иногда тоже как зыркнет, что сразу чувствуешь себя без вины виноватым. А у Веснушки так и вовсе душа в пятки уходит. Но теперь я думаю, старик нипочем меня не проймет». Толпек усмехнулся, вспомнив вечно недовольного Седоуса, его сварливое семейство. А потом тётушку Хлою, соседей... словом, всех-всех-всех. Он с нежностью оглядел спящих товарищей и вдруг понял, насколько они ему дороги. Ради них он был готов на любой самый отчаянный поступок, он смог бы даже пожертвовать собой во имя друзей. Впрочем, они сделали бы так же при необходимости.

Неожиданно снаружи послышалась лёгкая возня и тоненький писк. Толпек насторожился. Но как он не прислушивался, больше ничего не смог услышать. Откинув кору, Толпек осторожно выглянул наружу. Тишина. Только ветви зловеще скрипят на ветру. «Показалось», – подумал Толпек, и тут из-под ближайшего куста выкатились три клубочка.

– Ой! – вскрикнул от неожиданности Толпек.

Клубочки сразу же рассыпались в разные стороны. Толпек успел лишь заметить длинные уши у одного из них. «Это, наверное, те малыши, которых друзья выпустили на волю», – догадался он и бросился вслед.

– Стойте! – шепотом закричал он. – Стойте, я ваш друг! Куда же вы?

Но те, наоборот, припустили ещё быстрее. Шаг за шагом они всё больше удалялись от старой ели. Через какое-то время один из них устал и начал отставать. Он натужно пытался, но никак не мог угнаться за своими более резвыми товарищами. В конце концов Толпек настиг его. Малыш упал на землю и свернулся калачиком, оцетинившись острыми иголками. Это был совсем крошечный чёрный ёжик. А зайчата присели поодаль и с опаской поглядывали на преследователя.

Толпек перекатил ёжика на спинку. Тот задрыгал коротенькими кривыми лапками, пытаясь перевернуться обратно. Его остренькая мордочка так уморительно сморщилась, что Толпек поневоле засмеялся. Он взял колючий комочек себе на руки и начал тихонько укачивать. Ёжику это понравилось, и он стал фырчать пуще прежнего, теперь уже от удовольствия.

Зайчата осмелели и подошли поближе. Их ушки то и дело настороженно вздрагивали, блестящие глазки-пуговицы внимательно наблюдали за Толпексом. При первом же резком движении они бросились бы наутёк, поэтому Толпек делал вид, что полностью занят убаюкиванием ёжика. Он засунул в рот малышу медовую лепёшку, и тот, ухватив её передними лапками, мигом принялся сосать лакомство. Зайчат это крайне заинтересовало. Не успел Толпек оглянуться, как они оказались рядом и начали умильно поглядывать на него, тоже ожидая угощения. Толпек не заставил себя упрашивать, и вскоре ушастики дружно уплетали медовики.

Малыши отощали за время долгого плена, их худые ребрышки всюду выпирали наружу. Толпек осторожно прикоснулся к одному из них. Тот вздрог-

нул и пригнулся, но остался на месте. Тогда Толпек стал осторожно поглаживать малыша, и зайчик быстро успокоился.

– Эх, детки,– ласково приговаривал Толпек,– до чего же вас довели. Вон вы какие худенькие, аж на ветру качаетесь. Но ничего. Скоро всё будет хорошо. Прогоним Берендея, и снова заживёте, как раньше.

Другой зайчик запрыгнул на колени к Толпеку. Одно ухо у него было длиннее, чем другое, и поэтому казалось, что он немного косит.

– Ну, что, Косоух,– подмигнул ему Толпек,– вот мы и познакомились.

– Тра-та-та,– внезапно раздалось сверху. – А я всё вижу, всё вижу, всё знаю! Тра-та-та. Все сюда, все сюда!

Толпек от неожиданности поперхнулся и медленно поднял голову. На соседней елке сидела растрёпанная сорока и трещала без умолку. Вместо хвоста у нее был жалкий огрызок из трёх перьев, и она размахивала им вверх-вниз, вверх-вниз.

– Ах, ты, негодная! – вскипел Толпек. Он быстро снял деревянный башмак и со всей силы метнул его в тараторку. Башмак со свистом пронёсся по воздуху и начисто срезал сороке остатки хвоста.

Сорока испуганно взмыла в воздух и, отчаянно взмахивая крыльями, попыталась удрать. Но куда там! Лишившись хвоста-руля, она лишь бестолково петляла между деревьями. Наконец, она врезалась в молодую сосну и, отлетев на несколько шагов, гулко шлепнулась на муравейник. Толпек подскочил к ней и придавил её сверху. Большие рыжие лесные муравьи, возмущенные наглým вторжением, торопливо взобрались на непрошеного гостя. Крепкие челюсти, словно стальные клещи, безжалостно впились в тело, причиняя острую боль. Сорока затрепыхалась:

– Ай-ай, больно! Отпусти меня, добрый господин. Пожалей, я больше не буду! Не губи меня! Всё что хочешь для тебя сделаю! Только не губи! Ай-ай! Ну, хочешь, я скажу тебе, где скрываются остальные пострелята. Ай! Они у засохшего ручья, но поторопись... Скоро туда явится Берендей и сцапает их. А ещё я знаю место, где Берендей прячет что-то очень важное...

Толпека последние слова чрезвычайно заинтересовали.

– Да что тебе верить! Небось, плетёшь невесть чего.

– Клянусь! Клянусь своим хвостом!

– Грош цена твоей клятве. Ведь хвоста-то теперь у тебя нет.

– Добрый господин! Давай я проведу тебя туда, а там ты сам решишь, стоящее ли дело я тебе предлагаю.

– Вот это другой разговор. Но попробуй только обмани, я тебе покажу!

Толпек отпустил пленницу. Всклобоченная сорока вскочила на ноги и принялась отряхиваться от муравьёв. Почистившись, сорока первым делом потянулась к выданным перьям и только хотела приладить их обратно, как рядом очутился Толпек:

– Э-э нет, дорогая. Так дело не пойдёт. Отдавай-ка их назад. Пускай они пока полежат у меня. Вот как придём на место, я тебе их и верну.

Сорока ничего не ответила. Тяжело вздохнула и поковыляла вперёд. Толпек подхватил ёжика на руки, и вся компания пустилась в путь. Толпек рассчитывал быстро управиться с делами и сразу вернуться обратно к друзьям, и не беспокоился, что его потеряют. Но, как оказалось, дорога была неблизкой. Сорока упорно тащилась куда-то на юг, избегая хоженных троп. Они уже пару раз слышали в отдалении чьи-то голоса и сразу же сворачивали в сторону, чтобы не оказаться в опасной близости с врагом. Так они шли довольно долго, пока не оказались у пересохшего русла реки. Толпек с зайчатами с наслаждением повалились на мягкий песок, но сорока тут же набросилась на них.

– Вы что, с ума сошли! Ну-ка, живо поднимайтесь! Здесь же нас сразу приметят. И побыстрее заматайте за собой следы.

...Вскоре они оказались в прибрежных зарослях и пошли вдоль русла. Сорока ворчливо пробурчала:

– Вот так и я обнаружила тех пострелят. Натоптали они там, ой-ой-ой. Видно, игрались друг с дружкой, а убрать за собой не убрали. Малы ещё.

Вскоре компания добралась до полусохшей ивы. Сорока скомандовала: «Тсс!», нагнулась и исчезла. Через минуту она вернулась довольная.

– Там они. Сидят, как миленькие, никуда не делись.

Вдруг зайчата наострили ушки, переглянулись и разом перескочили через кусты. Ёжик тоже завозился в руках, просясь на землю. Толпек отпустил его и тот двинул через заросли за своими.

Толпек осмотрелся и раздвинул ветви. Ему сразу бросились в глаза маленькие следы, которыми был утопан весь берег. Поодаль кто-то насыпал большую земляную горку. Её пологий склон был плотно утрамбован, чтобы было удобнее скатываться. Зайчики и ёжик уже стояли там и нюхали воздух. Косоух подпрыгнул и забарабанил лапками по животу. Тотчас из-под выпирающего корневища вывалилась кучка гомонящих малышей. Они радостно запрыгали вокруг своих товарищей. Поднялся такой шум, хоть уши затыкай. Но сорока мигом навела порядок:

– Отставить! – гаркнула она. – Что за сыр-бор? А ну, в две шеренги становись! Да по росту, по росту.

Шалуны притихли и, повинувшись команде, кое-как сгруппировались на бережочке. Они смотрели на строгую командиршу, а та прохаживалась перед ними и время от времени раздавала шлепки какому-нибудь не в меру бойкому озорнику. Толпек вышел из кустов: «Что же мне с ними делать? – думал он. – Не вести же их с собой к Берендеевскому схрону».

И тут его осенило:

– Косоух! – позвал он.

Тот подбежал к нему:

– Слушай, Косоух. Ты помнишь, где мы с тобой встретились?

Зайчик утвердительно кивнул.

– Ну, так вот. В том самом месте растёт старая ель. Припоминаешь? Ага. В той ели есть дупло, незаметное такое. Там сейчас находятся мои друзья. Вы

их не бойтесь, они вам помогут. Здесь оставаться опасно, и ты должен отвести своих товарищей туда. Сможешь?

Зайчонок снова кивнул.

– А дорогу хорошо запомнил? – продолжал допытываться Толпек. – Да? Вот и славно. А нам нужно ещё кое-куда сходить, так что я надеюсь на тебя. Ну, давай, поспешите.

Когда берег опустел, Толпек с сорокой тщательно уничтожили все следы и отправились в путь дальше. Теперь кумушка тарахтела без умолку:

– Ах, зверушки-зверушечки. Думаешь, мне их не жалко? Ещё как жалко! Да Берендей и моих сорочат тоже прихватил, а куды мне деваться без них. Вот и приходится служить ему, проклятому. Знает усатый, что язык мой – враг мой! Никак не могу утерпеть, коли увижу что необычное. Мочи моей прямо нет! Та-кой уж, видно, уродилась, – она немного помолчала и добавила: – А если что Берендею не так, он хватить меня за хвост и давай таскать туда-сюда. Вон почти весь выщипал. И ты туда же, – не удержалась она.

– Сама виновата, – буркнул Толпек. – А перышки свои остальные в лесу поищи. Они там на деревьях. Может, и соберёшь свой веер обратно.

– Что ты, что ты! – замахала крыльями белобока. – Мне за это Берендей сразу голову снимет.

– Не будет больше вашего Берендея. Недолго осталось ему тут хозяйничать. Скоро прогоним его отсюда.

– Ты, что ли, ему в этом поможешь? – прищурилась сорока.

– А хоть бы и я!

– Та-та-та. Не больно-то ты похож на добра молодца, милоч. Слишком уж мал...

– Мал да удал! – перебил её Толпек, давая понять, что не расположен продолжать дальше бесполезный разговор.

В полном молчании, изредка перемежаемом ворчанием сороки, они шагали почти до самого вечера. Толпек устал и уже начал сожалеть, что не предупредил друзей. Как же он сразу не догадался спросить, далеко ли идти? Вскоре они вошли в небольшой ельник. Едва Толпек сделал несколько шагов, как вдруг впереди послышалось гулкое «У-ух!», и почти сразу после этого над ними пронеслась огромная крылатая тень.

– Батюшки святы! – перепугалась сорока и тут же в сердцах выругалась. – Чтоб тебе пусто было, старый хрыч! Не сидится тебе на одном месте, зазря пугаешь честной народ.

– Ну и ну, – пришёл в себя Толпек и сглотнул, – слушай, а кто это нас так напугал?

Сорока отмахнулась:

– Филин это. Один он туточки такой, кому Берендей не указ. Мыши летучие его побаиваются, а остальной шатии-братии его вовек не достать. Это вам не какой-нибудь зяблик. Вообще-то вреда от него никакого, а мороки, если что, много. Даром что немой. Вот Берендей и плюнул на него: «Пусть себе летает». Он и летает по ночам, да вздыхает протяжно. Не бойся его, пошли.

Толпек посмотрел вслед улетевшему филину. «Интересно, – подумал он, – оказывается, и летучие мыши кого-то боятся».

За ельником открылась поляна, а за ней небольшое болотце. Комаров здесь было видимо-невидимо. Они тучей роились над головой, норовя ужалить в незащищенные места. Толпек едва успевал отбиваться от них, перепрыгивая

с кочки на кочку. Странно, но не было слышно обычного для болота лягушачьего хора. Ква-кушки вместе с другими обитателями леса давным-давно убрались отсюда, так что гнусу здесь было раздолье. Всё новые и новые полчища поднимались с поверхности воды, и вскоре пространство наполнилось противным всепоглощающим гулом. Комаров было так много, что ничего нельзя было различить дальше вытянутой руки. Всюду колебалась тугая звенящая пелена. Казалось, ещё немного и вся эта стена сомкнётся над ними. Укусы становились всё больнее. «Неужели это конец?» – ужаснулся Толпек. И тут до него донёсся громкий крик со-роки:

– ...ржись за лапы! – и перед ним на мгновение зависли скрюченные лапы. Толпек тотчас за них ухватился.

Сорока взмыла вверх, продираясь сквозь жалящий ковёр. Это было нелегко, но отчаяние придавало ей сил. Наконец, завеса расступилась, и белобочка, с трудом взмахивая крыльями, кое-как дотащилась до противоположного берега. Едва оказавшись на суше, они без передыха помчались без оглядки, прочь от смертоносного болота. Шагов через двести они обессилено повалились на зеленый мох. У Толпека невыносимо чесалось всё тело, лицо и руки совсем распухли, да и сорока выглядела не лучше.

– Гы-ы, гы-ы, – тихонько всхлипывала она, и всё норовила вжаться в мох.

Немного погодя послышался знакомый шелест крыльев, и что-то большое приземлилось неподалеку. Толпек со стоном развернулся и увидел филина, сидящего на березе. Тот укоризненно смотрел на них своими большущими глазами-блюдцами и качал круглой головой. Затем филин снялся с места и куда-то улетел.

...Толпек с остервенением скрёб пятернёй болезненные укусы. И тут снова появился филин, он сбросил веточку с ярко-красными ягодками и снова исчез. Толпек поднял её и с недоумением повертел в руках.

– Ну, чего уставился! Втирай ягоды в кожу, а то скоро до дыр себя расчешешь. И мне дай, – раздражённо буркнула сорока.

Они быстро натерлись ягодным соком и почти сразу же почувствовали большое облегчение. Кожу приятно пощипывало, опухоль стала постепенно спадать. Зуд практически прекратился, только в голове продолжало немного шуметь. Но это так, пустяки. Когда Толпек убедился, что с ним все более-менее в порядке, он накинудся на спутницу:

– Куда это ты меня завела, балаболка? Прямо в самое комариное пекло! Как мы только оттуда живыми выбрались!?

– А я что, знала? – огрызнулась та. – Сроду я по тому болоту не бродила и ещё сто лет ноги моей там не будет.

– У-у, – погрозил ей кулаком Толпек, – если бы не филин...

– А что филин, что филин? Я ведь не знала, что здесь столько гнуса расплодилось. А филин тут живёт, с него и спрос. И вообще, если хочешь знать, больше я тебе не помощница! Много вас тут таких... умников!

Толпек от возмущения чуть не задохнулся:

– Ах, вот ты как! Бери свои слова обратно, а не то...

– Всё-всё, – заверещала сорока, – больше не буду. Клянусь!

– Ты мне уже клялась, обманщица!

– А-а-а... Это ведь я вытащила тебя из болота, я! Почему ты ругаешься?

Толпек уселся на землю. На душе было так неудобно, хоть землю грызи. Так он просидел довольно долго. Наконец, сорока тихонько тронула его за плечо:

– Чего тебе? – угрюмо спросил Толпек.

– Пойдём дальше, а?

Толпек ничего не ответил. Чуть позже он встал, посмотрел на туманную дымку над головой и коротко бросил:

– Пошли.

Сорока приободрилась и суетливо вскочила:

– Вперёд и с музыкой, шагом марш! Нам вон туда.

Толпек при взгляде на её преувеличенно бодрый вид не смог удержаться от улыбки. Чтобы не показать этого, он первым отправился в указанном направлении. За берёзовой рощей их путь перерезал глубокий овраг. Сорока сиганула прямо в него и поманила за собой Толпека:

– Прыгай, чего стоишь. Нам как раз сюда и нужно.

Толпек скатился по земляной насыпи, и они пошли по извивающемуся дну оврага. Кое-где на откосах встречались длинные продолговатые отпечатки, словно здесь что-то волочили. После очередного поворота дорогу преградила куча опрелых листьев. Место здесь было довольно мрачное. Дневной свет сюда почти не проникал, а потому корни деревьев, выпирающие из земли, казались чудищами, охраняющими здешний покой. Песок под ногами из жёлтого превратился в совершенно чёрный, да еще к тому же жутко скрипящий при каждом шаге.

– Это здесь, – хрипло прошептала сорока, – здесь Берендей устроил свой тайник. Я сама видела своими собственными глазами. – Её пробила дрожь, и белобока испуганно огляделась по сторонам. Толпек тоже прислушался. Пока всё было тихо. Они стали осторожно разгребать прелые листья. Их было так много, что они доверху наполняли большую яму.

Толпек аккуратно вынимал очередной ворох, как вдруг его ладонь упёрлась во что-то круглое и тёплое. Он машинально отдернул руку и посмотрел вниз. Приглядевшись, он хмыкнул и стал быстро разбрасывать листья в разные стороны. Вскоре перед ними открылась кладка из тринадцати серых яиц, заботливо уложенных рядом на дне.

– Так-так, – протянул Толпек, – и что бы это значило?

Сорока разочарованно скривилась:

– А я-то думала, здесь клад. А тут какие-то никчемные яйца. Кстати, даже и не птичьи.

У Толпека внезапно потемнело в глазах. Он отчётливо вспомнил жёлтый неподвижный взгляд.

– Эй-эй, что с тобой? – встревожилась сорока, заметив, как у Толпека подкашиваются ноги.

– Это она! – только и успел прошептать он, теряя сознание.

Белочка проснулась от лёгкого шума. Она мигом вскочила и наткнулась на Велизария, стоящего на ногах. Снаружи кто-то тихонько скрёбся по стволу. Велизарий приложил палец к губам и на цыпочках подкрался к выходу. Жуля растерянно огляделась, ища Толпека, но его нигде не было. Она вопросительно посмотрела на кота, но тот отрицательно

покачал головой: «Это не Толпек». Велизарий напряжился и вылетел наружу, одним ударом выбив кору-дверь. Послышался жалобный вой. Белочка подошла к отверстию и выглянула наружу. И тут же радостно всплеснула руками, признав давешних зверушек. Она выскочила из дупла и стала успокаивать ревущую малышню:

– Ай-яй-яй, – приговаривала она, глядя их по головкам. – Вот вы какие. Сами пришли! Сейчас мы вас обогреем, приласкаем, накормим. Хотя... – Она взглянула на озадаченного Велизария, стоящего неподалёку. Тот нахмурил лоб, что-то прикидывая, потом утвердительно кивнул. Жуля продолжила: – Накормим и спать уложим. И сказку я вам расскажу, мои маленькие.

Те понемногу успокоились и, всё ещё хлюпая носами, полезли в дупло. Внутри послышалось добродушное покряхтывание проснувшегося Барсука. Велизарий постоял, почесал за ухом и стремительно умчался. Только его и видели. Не прошло и получаса, как кот вернулся с козьим молоком и сыром. Спустя ещё час все зверята были сыты и довольны. Они выслушали сказку и теперь посапывали в мягких постельках. Белочка удовлетворенно вздохнула и вышла подышать свежим воздухом вместе с Велизарием.

– А малыши-то рассказывают, будто Толпек их нашёл, – сказала она коту, когда они присели на корягу. – Да ещё какая-то сорока-белобока вместе с ним объявилась. И наш Толпек на пару с ней куда-то отправился. Вроде как искать чего-то. А маленьких домой отправил. К нам, значит. Вот так.

– Чудно-о, – протянул Велизарий. – Куда ж это наш дружок наострился? Знать, важное дело у него образовалось, коли всё бросил и пошёл неведомо куда с подозрительной незнакомкой. Что-то не вызывает доверия эта птичка.

– Может, Толпек получил какое-то важное сообщение? Он ведь не станет размениваться по пустякам. Толпек не такой.

– Верю-верю. Да только к чему строить догадки, всё равно сейчас ничего не изменить, а в скором будущем мы всё узнаем. Иди отдохни, намаялась, поди, с ребятней.

– Да какое там,– махнула рукой белочка,– не так устала, как испереживалась за них. Там, у разбойников, знаешь, сколько таких в клетках сидят?! Ты не представляешь, как им плохо. Как они мучаются, страдают. А Берендею хоть бы что: ходит себе, ухмыляется. Да, кстати,– вдруг вспомнила Жуля,– а где ты достал сыр и молоко?

– А у Берендея.

– Чего?! – взметнула бровки белочка. – Что-то я тебе не больно-то верю.

Кот посмотрел на неё и весело расхохотался:

– Так должен же этот толстопуз сам чего-нибудь кушать. Иначе откуда у него такое брюхо? Вот и пасут его пастухи на лугу коз. Я у них и стянул сыр для малышей... И рыбки бы принёс для нас, да только времени было мало.

– Какой ты ловкий,– уважительно прищурилась Жуля, но тут же добавила: – И всё-таки воровать нехорошо.

– А я и не воровал, а лишь взял то, что по праву принадлежит малышам. Почему это Берендей должен объедаться, а они оставаться голодными? Ведь козы не его и луг тоже не его.

– А чьи?

– А тех, кто здесь всегда жил,– не задумываясь, ответил Велизарий.

Вдали слышались грубые голоса. Белочка уже была готова запрыгнуть в дупло, но кот удержал её.

– Не бойся. Сюда ещё дня два никто носа не сунет.

– Это почему же? – удивилась Жуля.

– А потому! Видела, я поставил отворотный знак? Если кто-нибудь пойдёт в нашу сторону и приблизится к нам, он тотчас же сменит направление и даже сам не будет подозревать об этом.

– А как же малыши умудрились не заплутать?

– Ну... Получается, что на таких маленьких отвороты не действуют.

Белочка помолчала, а потом вдруг схватилась за голову.

– А ведь из-за твоей хитрости не только враги, но и Толпек не сможет найти дорогу обратно.

– Верно,– нахмурился Велизарий. – Придётся мне идти за ним, но сначала мне надо отправить послание Старому Краку. Негоже его оставлять в неведении. – С этими словами кот подошёл к ближайшей берёзе, надрал берёсты и стал чертить на ней непонятные знаки. Иногда он глядел в небо, потом снова продолжал писать. Жуля терпеливо ждала, пытаясь понять, как же он отправит это письмо. Велизарий, закончив сочинять письмо, выдул небольшой пузырь, вложил в него берёсту и что-то тихо прошептал. Пузырь взмыл вверх и уплыл в сторону горы. Вот и всё. Жуля только головой покачала. А между тем Велизарий обратился к ней:

– Я пошёл искать Толпека. А вы сидите здесь и старайтесь без нужды не отлучаться. Помни, что я говорил: крайний срок действия отворота – послезавтра утром. Если меня до этого времени не будет, то уводи всех из леса, иначе пропадёте. А за раненых не переживай, завтра с ними, я надеюсь, всё будет в порядке,– и кот бесшумно растворился среди деревьев.

Белочка встала и тихонько забралась в дупло, плотно притворив за собой вход.

Толпек очнулся от того, что кто-то поливал его водой. Как сквозь туман до него донёлся скрипучий голос:

– Экий ты, право, слабенький. А ещё самого Берендея вздумал воевать! Куды-ы тебе супротив него. Он тебя на одну ладонь положит, а другой прихлопнет. От тебя только мокрое место останется.

Толпек замотал головой.

– Спасибо, хватит. Я и так уже мокрый.

– Смотри-ка, – обрадовалась сорока, – ожил! А я не знала, что и подумать. Знать, вымотала тебя дороженька.

Сознание медленно возвращалось к Толпеку. «Что это было? – подумал он и вспомнил: – Яйца! Змеиные яйца!» Он обернулся к яме. Там стояли тринадцать серых овалов, дожидających своего часа. Скоро из них вылупятся змеёныши, которые в недалеком будущем превратятся в ужасных василисков, взглядом убивающих разум.

– На, родимый, попей водички, – продолжала стрекотать сорока. – А яйца эти, слышь, совсем созрели. Вот только совсем недавно вижу, у одного внутри кто-то проклёвывается. Дай, думаю, помогу...

– Не вздумай! – взвился Толпек. Сорока испуганно отскочила:

– Ты что, белены объелся? Ты чего кричишь? И вообще – я своё обещание выполнила и теперь ничем тебе не обязана. Захочу уйти – уйду, у меня и свои дела есть.

– Ступай куда хочешь, – буркнул Толпек и закрыл глаза, собираясь с силами. Но сорока не ушла.

– Ишь ты, какой шустрый выискался! Я, значит, ведаю тебя, от всяких напастей спасай, а как не нужна стала – ступай, куда хочешь?! А где же благодарность за мои труды?

Одно яйцо едва заметно покачнулось. Толпек тут же вскочил на ноги. Он посмотрел на кладку и начал что-то прикидывать. Потом, не говоря ни слова, принялся собирать сухие ветки и подтаскивать их к яме. Сорока уставилась на него, а затем стала помогать. Хвороста поблизости было совсем мало, и с каждым разом приходилось уходить за ним всё дальше и дальше. Толпек трудился молча и сосредоточенно, не обращая внимания на ворчливую болтовню сороки:

– Что это тебе взбрело в голову, скажи на милость? Уж не вздумал ли ты поджечь яму? Спекутся ведь яйца. Не знаю, кто из них вылупится, но точно не сорочата. Ба-а, – вдруг озарило её, – а не змеиное ли это потомство? И следы, которые нам попадались, это следы огромной змеюки. Теперь я в этом уверена. У-ух. С ней лучше не встречаться! Сколько зла она причинила лесным жителям!

Когда они в последний раз возвращались с полными охапками, сорока нечаянно подвернула лапку и, охнув, осела на землю. Прошло немало времени, пока они доковыляли до ямы и поняли, что дело неладно. Так и есть! Вместо подозрительного яйца, которое первым подало признаки жизни, сейчас на дне ямы валялись лишь две пустые скорлупки. Кто-то успел вылупиться и исчез. Лишь волнистая струйка на песке указывала направление бегства.

– Ого, – причмокнула подошедшая сорока. – Вот это номер! Кто ж это такой шустрый?.. – Она хотела ещё что-то добавить, но Толпек так глянул на неё, что балаболка мигом прикусила язык. Толпек поджёг сучья и, отойдя в сторону, понаблюдал, как разгорается яркое пламя. Убедившись, что оно не погас-

нет, он пошёл по оставленному следу. На песке было трудно что-то различить, но Толпек был уверен, что маленькая тварь не сможет забраться по отвесным склонам вверх. Поэтому он внимательно осматривал каждый бугорок, каждую колдобину, где та могла затаиться. Он совсем позабыл про сороку. Ей надоело тащиться сзади и она, обогнав его, вприпрыжку поскакала вперёд. Но не успела сорока сделать и десяти шагов, как наступила на сжавшееся упругое тельце, которое спружинило и стало бешено извиваться. Балаболка пронзительно завизжала и, отскочив, упала на землю.

– А-а-а, – заголосила она.
– Умираю, пропадаю, спасите, караул!

Внезапно она прекратила орать и с укором посмотрела на Толпека.

– Ну, что стоишь, дурень? Меня, кажись, цапнули, – и она снова отчаянно задргала лапами.

Но Толпеку было не до неё. Он напряженно глядел на змейку, думая, как с ней справиться. В этот миг сверху налетел филин, ухватил цепкими когтями змеёныша, взмыл с ним ввысь и полетел вдоль оврага, мерно взмахивая крыльями. Толпек проводил его взглядом и обернулся к притихшей белобоке. Та неподвижно лежала на дне оврага. Можно было подумать, что она умерла. Толпек испугался и принялся тормозить её:

– Эй, подруга, ты чего?

Никакой реакции. Толпек встал и растерянно огляделся. Он не заметил, как один глаз у симулянтки вдруг приоткрылся и тут же захлопнулся, едва он снова посмотрел на сороку.

– Что же делать? – взволнованно проговорил Толпек. – Нужно противоядие.

Потянуло дымком. Быстрые чёрные тени замелькали над ними. Летучие мыши! Толпек потащил сороку под обрыв, но было поздно. Из дальнего конца оврага вынырнула целая орава разбойников. Размахивая дубинками, они помчались в сторону костра.

– Пожаловали, душегубчики! – закусил губу Толпек.

– Кто?! Где?! – сорока, мигом очутившаяся на лапках, уже выглядывала из-за его плеча. – Ой, мамочки, вот мы и вляпались! Бежим скорее! – она в ужасе бросилась наутёк. Толпек тут же оказался рядом с ней. Они добежали до разгоревшегося костра и перемахнули через него. Яйца уже почернели и растрескались. С ними всё было кончено.

Сорока огромными скачками неслась по прямой, высоко вскидывая голенастые лапы. Крылья были прижаты к запрокинутой голове. Она явно ничего не видела перед собой, но не падала и не спотыкалась. На бегу она, как заведенная, повторяла одно и то же:

– Я погибла! Я погибла!

Впереди показалась новая ватага врагов. Заметив беглецов, они загалдели и кинулись навстречу им. Сорока резко свернула вбок и проворно полезла на осыпающуюся стену. Толпек за ней. Разбойники чуть не схватили беглецов за пятки, но те успели выбраться из оврага и понеслись прочь, не разбирая дороги. Немного погодя шум погони возобновился. Толпек с Сорокой продирались сквозь чащобу и очутились прямо... перед злополучным болотом.

– Вот это да! – только и смог сказать Толпек.

Преследователи были уже совсем близко. Слышно было, как трещат заросли, вот-вот разбойники выскочат на берег. Сорока размышляла всего миг.

– Эх, была не была, хватайся! – она захлопала крыльями и зависла над Толпекком. Тот не заставил просить себя дважды: уцепился за сорочьи лапки и сильно оттолкнулся от земли.

Они медленно полетели над колыхающейся ряской. Вслед им неслись проклятия и камни. Но, к счастью, ни один булыжник не попал в них. Бандиты бросились вдогонку, грозно потрясая оружием. Ловко перепрыгивая с кочки на кочку, они начали догонять медленно летящую пару. Вот они всё ближе и ближе... Толпек тем временем заметил подходящий для посадки островок и, оказавшись над ним, спрыгнул вниз. И тут же с быстротой молнии рванул вперёд. Едва он успел добраться до кромки противоположного берега, как сзади поднялась грозная жужжащая туча, в которой потонула отчаянно вопящая погоня...

– Пш-ш, – пропыхтела усталая, но довольная Сорока, когда они присели передохнуть в знакомом ельнике. – Давненько мне не приходилось так попотеть.

Толпек посмотрел в сторону болота. Ничего. Вдруг что-то привлекло его внимание. С десятков чёрных точек показались над поляной. Они пометались туда-сюда, а потом дружно устремились в сторону ельника.

Сорока перехватила его взгляд, и её глаза побелели от страха.

– Мыши! – еле смогла прошептать она. – От них никуда не скроешься.

Летучие мыши заметили их и закружили над елями. Внезапно две из них спикировали вниз. Толпек быстро пригнулся к самой земле. Острые когти почти впились в его волосы, но спасла кокосовая шляпа. Раздался мерзкий скрежет. Толпека протащило по траве несколько шагов. Мышь противно пискнула и, бросив слишком тяжёлого для неё противника, устремилась вверх. Толпек тут же откатился вбок и стал осматриваться по сторонам, ожидая нового нападения. Сорока куда-то пропала. «Куда это она подевалась?» – подумал Толпек. Но тут же обнаружил кумушку – из-за ближайшей ели выдавался её блестящий выпуклый глаз.

Летучие мыши готовились атаковать снова, но неожиданно рванули прочь. Над ельником величаво проплыл филин. Он сделал несколько кругов и исчез, нырнув в туман.

– Вот спасибо, батюшка-филин, – вылезла из-за ёлки Сорока. – Вовремя ты объявился, вовек этого не забуду. Больше никогда не буду на тебя ругаться.

Толпек снял свою кокосовую шляпу и вертел её в руках. Обнаружив четыре глубокие борозды, прочертившие волокнистую поверхность, он присвистнул и бережно пощупал свою голову:

– Спасла шапка своего хозяина, спасла, – вездесущая Сорока и тут не могла удержаться от комментариев.

Толпек крикнул и задумчиво поцарапал кокос пальцем:

– Филин-то нам уже третий раз помогает. Знать, неспроста это. Видать, и ему Берендей поперёк горла встал...

– Возможно, – согласилась белобока, – а теперь давай-ка, милок, убираться отсюда поскорей.

В лесу стало совсем темно. Вскоре Толпек и Сорока добрались до сорочьего гнезда на раздвоенной сосне. Они пожелали друг другу спокойной ночи и погрузились в глубокий сон. Беглецы настолько вымотались, что не услышали, как где-то неподалеку заухал филин...

Глава десятая. Явление великана

Но не только филин не спал в эту ночь. Белым призраком рыскал по лесу Велизарий. Ничто не могло укрыться от его зоркого взгляда, но прошедшим днем следы Толпека он все же потерял. Последние заметные отпечатки ног упирались прямо в болото, над которым висела плотная пелена гнуса. Велизарий пробежался по берегу и озабоченно присел: «Неужели Толпек пропал в этом гиблом месте? – мелькнула тревожная мысль. – Нет, не может быть». Тут на него напали комары, и кот, яростно отмахиваясь, помчался прочь от трясины. Неподалёку от него из тумана вынырнули чёрные тени, которые устремились к ельнику, где прятались Сорока и Толпек.

Ночь прошла в бесплодных поисках. Иногда Велизарий натывался на полусонных часовых, не замечающих ничего вокруг. Кот тихо отступал и бесшумно исчезал в чаще. Казалось, вся округа была усеяна охранниками, и Велизарий отлично понимал, что это не просто так. Кого-то они тут караулят, но кого? Ответ напрашивался сам собой – конечно же, Толпека.

Задумавшись, Велизарий поднял голову и от неожиданности вздрогнул: на него смотрели большие немигающие жёлтые глаза с огромными зрачками. Кот судорожно сглотнул и поневоле даже оцепенел. Но затем взял себя в лапы, стряхнул наваждение и сделал шаг вперёд. Глаза не пошевелились. Они всё так же неподвижно горели в темноте. Велизарий облизнулся и приготовился к прыжку. Внезапно глаза моргнули и исчезли. Теперь впереди была полная темень. «Почудилось, что ли?» – только успел подумать кот, как на прежнем месте снова появились два горящих круга.

– Да что ж это такое! – возмутился Велизарий и решительно направился в сторону горящих блюдец.

Раздалось хлопанье, захлопали крылья, и кто-то шумно взлетел на дерево. Велизарий поднял голову:

– Эй там, наверху, ау! Ты кто такой будешь?

Сверху послышалось:

– У-ух...

Велизарий почесал нос:

– У-ух? Мгм. Ну, и имечко.

– У-ух...

– Ладно, пусть будет У-ух! А что ты тут делаешь?

– У-ух...

– Да что ты заладил одно и то же!

– У-ух...

– Видимо, от тебя ничего, кроме твоего уханья, не добиться. Ухай себе на здоровье, а мне пора, – Велизарий махнул лапой и уже собрался уходить, как вдруг что-то упало к его ногам. Он нагнулся и увидел небольшую свирель. Кот внимательно рассмотрел её со всех сторон.

– Так это же дудочка Толпека, – обрадовался он. – Слушай, а ты, часом, не знаешь, где он?

Но филин (а это был он) снялся с жалобно скрипнувшей ветки и, призывно ухая, полетел куда-то в темноту. Велизарий понёсся за ним. Начало светать. Сквозь полумрак стали проступать неясные очертания причудливо изогнутых деревьев. Некоторые стволы изгибались в стороны под разными углами, другие были зигзагообразными, а третьи вообще переплелись между собой. Одно

дерево поначалу росло ввысь, но потом, видно, это ему надоело, и оно решило расти вниз. Теперь его верхушка почти касалась земли, а само оно представляло огромную дугу. И ничего. Стояло себе помаленьку, словно гордясь перед окружающими, смотрите, мол, вон как я! Словом, чудное это было место. Велизарий про себя подивился этому необычному явлению природы и вдруг обратил внимание на кончики собственных усов: они стали плавно загигаться вверх. Он остановился и ошеломленно потрогал их. Да, сомнений быть не могло, усы свернулись в колечки! И хвост согнулся в колесо, да так, что сколько Велизарий ни пытался, не смог распрямить его.

Филин где-то впереди разухался пуще прежнего, и кот побежал на его голос. Он пулей вылетел из зачарованной рощи и вскоре увидел огромную птицу, сидящую на большущем пне. Велизарий перевел дух и вдруг понял, что хвост стал прежним. Для верности кот маленько повертел им – порядок! Он скосил глаза на кончики усов, те топорщились, как обычно.

– Однако же, – выдохнул он, – случаются же на свете такие чудеса...

Филин внимательно посмотрел на него, ухнул что-то неразборчивое и полетел дальше.

Вскоре они добрались до раздвоенной сосны, где в гнезде спали Толпек с Сорокой. Филин взлетел и уселся на ветке рядом с гнездом.

– У-ух!

– А? Что?! – заверещала сорока. Спросонья она не удержалась и вывалилась наружу, прямо к ногам Велизария.

– А-а, Берендей! Спасайся, кто может! – Сорока стремительно развернулась и на четвереньках пустилась наутёк, влипавшись со всего маху в стоящую на её пути сосну.

Велизарий подошёл поближе к бедной Белобоке и попытался тихонько покашлять. Но это была неудачная идея: вместо деликатного «кхе-кхе» послышалось какое-то гроыхание. Бедная Сорока, услышав этот рык, ещё крепче зажмурилась и припала к стволу:

– Делай со мной что хочешь, Берендей! Только не губи моих птенчиков! Умоляю тебя!

Велизарий рассердился:

– Да ты что! Какой я тебе Берендей!

Сорока открыла один глаз, потом другой...

– А ведь верно, – она немного подумала. – А тогда кто ты?

Белобокa принялась с любопытством рассматривать Велизария. Сверху раздался радостный возглас Толпека:

– Это же Велизарий! – и он мигом спустился на землю. – Ах, Велизарий, как это здорово, что мы тебя встретили! Не представляешь, что с нами приключилось! Вы, наверное, беспокоились, что я пропал?

– Ну, это ещё вопрос, кто кого встретил, – проворчал кот. – А вообще-то, дорогой мой, конечно же, волновались. Нельзя вот так взять и исчезнуть неведомо куда.

– Всё-всё, больше не буду. Слушай, я тут по дороге малышей нашёл. Помнишь, о которых Жуля говорила...

– Притопали твои малыши, – перебил его Велизарий. – Все живы-здоровы, ничего с ними не случилось. На вот, держи свою свистульку и больше не теряй.

– Ой, – обрадовался Толпек, похлопав себя по карманам, – я даже и не заметил, как обронил её. Спасибо тебе, Велизарий!

– Ты не меня благодари, а вот его, – кот кивнул на филина, бесстрастно наблюдавшего за ними.

Толпек только сейчас заметил его.

– Здравствуй, Филин, вот мы снова и свиделись. Это ты привёл сюда моего друга? Ты уже столько сделал для нас, что уж и не знаю, как отблагодарить тебя.

– А я? – возмутилась Сорока. – А как же я?! Меня кто-нибудь поблагодарит? Я ведь тоже помогала тебе, можно сказать, жизнью рисковала!

Велизарий легонько ткнул её в спину. Сорока замолчала и поспешно отошла в сторонку.

– Ходят тут всякие, – бурчала она себе под нос, – даже слова не дадут вымолвить. Ишь, какой ещё котяра выискался. Как будто одного Берендея мало!

Толпек посмотрел на неё и вдруг, хлопнув себя по лбу, полез за пазуху.

– Вот. Можешь взять их обратно, – и протянул ей три пера.

Белобока мигом выхватила длинный пучок из его рук. С опаской поглядывая на соседей, она долго вставляла перья в хвост, не переставая ворчать при этом:

– Совсем поистрепались мои бедные пёрышки. Вот негодник! Представляете, запустил башмаком в старую тётушку Сороку! Как только додумался до такого!

Но Толпек уже не обращал на птицу никакого внимания. Он с жаром повествовал о вчерашних похождениях. Велизарий с интересом слушал и время от времени хмыкал. Ближе к концу рассказа филин заёрзал, и в этот момент почва содрогнулась от чьей-то тяжёлой поступи. Все замерли на месте, пытаясь

понять, что же происходит? Сорока прислушалась:

– Никак, великан проснулся? – она приложила крыло к уху. – Ага, он самый! И идёт, похоже, прямо сюда... Ах, я несчастная! – заорала она. – Наверняка Берендей послал его на меня, раз я его молодцам оказалась не по зубам. А с этим страшилищем как справишься?! – Белобока в ужасе забегала вокруг сосны: – Батюшки святы! Батюшки святы! Пропала моя головушка! Как пить-дать пропала!

Шаги тем временем приближались. Было слышно, как валятся деревья под чьим-то могучим напором. Вековые дубы вместе с корнями как щепки разлетались в разные стороны. Над лесом клубились горячий пар

и туман. Наконец, великан показался из-за сосен. Хракк!!! Одним пинком он перебил неохватный ствол. Хракк!!! Второй улетел в другую сторону. Все замерли, не в силах оторвать взгляды от необычной картины. На плече у великана покоилась огромная каменная палица, одного взмаха которой было достаточно, чтобы снести половину рощи. Брюхо было таким необъятным, что его можно было принять за средних размеров гору. Вместо шляпы на голове великана болталась огромная корзина, сплетённая из ивовых прутьев и зачем-то обмазанная глиной. Толстые губы казались вывернутыми наружу, а на переносице красовались большие чёрные очки.

– Очки-то ему зачем? – пробормотал Толпек. Что-то в облике великана показалось ему смутно знакомым, но вспоминать было некогда.

– Бежим! - схватил его за руку Велизарий.

Но от великана убежать оказалось не так просто. Он заметил компанию, в несколько шагов догнал их и торжествующе зарычал, подняв свою здоровенную дубину:

– Хар-р-р...

Беглецы бросились врассыпную, а дубина с треском опустилась в пустую ложбинку, где за мгновение до этого находились друзья, да так, что от удара образовалась яма, в которой запросто уместился бы небольшой пруд. Однако, беглецам повезло: великан не рассчитал свою силу! Увлекаемый тяжестью своей палицы, он покачнулся и упал, потеряв очки. Великан недвижно пролежал несколько секунд, а потом зажмурился и стал шарить рукой вокруг себя. Пропажу удалось обнаружить не сразу, но в конце концов он нашёл очки. И тут выяснилось, что они испорчены: одно стекло разбилось, и его отсутствие причиняло великану большое неудобство. Левый глаз приходилось держать зажмуренным, а так не больно-то набегаешься!

Но великан и не думал останавливаться. Он засунул два пальца в рот и оглушительно свистнул. Листья да иголки так и посыпались вниз! На свист из тумана примчалась стайка летучих мышей. Они покружились над великаном и полетели над лесом, высматривая неприятелей. Ищейки быстро обнаружили беглецов и зависли над ними. Великан без труда разглядел чёрный хоровод в небе и отправился в его сторону.

Тем временем Толпек совсем выдохся. Он прислонился к дереву и тяжело дышал.

– Что же ты! – фыркнул Велизарий. Но, приглядевшись к измученному товарищу, подставил спину. – Давай, залезай.

Толпек с трудом вскарабкался на него, и они помчались словно ветер. Но великан и летучие мыши всё равно были проворнее. Великан уже наступал на пятки. Его грозное рычание слышалось за самой спиной. Нужно было что-то срочно придумать, иначе каменная палица неминуемо раздавила бы их в лепешку. Толпек ещё ниже пригнул голову, пытаясь избежать столкновения с деревьями, но тут колючая еловая лапа пребольно ударила по спине. Было такое ощущение, словно одновременно впились сотня кровососов. Таких, как комары... «Комары! – осенило Толпека. – Вот он, шанс!»

Умникс прокричал в ухо Велизарию:

– Давай к болоту!

Кот без лишних вопросов резко сменил направление, чуть не уронив на землю Толпека. Хоровод мышей в небе рассыпался, и великану пришлось остановиться, а беглецы выгадали несколько десятков шагов. Великан же решил прибегнуть к другой тактике. Велизарий мчался, как птица. И тут над ним пронеслось что-то громадное и со страшным грохотом упало впереди. ТРАХ!!! Вслед за первым снарядом полетел второй, потом третий... Вскоре это стало напоминать артобстрел. Великан метал в беглецов вырванные с корнем стволы, которые, падая, крушили всё на своем пути. Толпек чуть не оглох от ужасающего тарарама. Казалось, спасение невозможно. Вдруг Велизарий развернулся и бросился назад. Летучие мыши все равно не могли его заметить. Все они в панике разлетелись, едва первое дерево просвистело в воздухе. Кот остановился на полпути до великана и смог, наконец-то, отдышаться. Ему тоже нелегко давалась эта гонка, да ещё и с грузом на спине.

– Ух, у-ух... Как-как это мы... – едва смог проговорить он и мешком повалился на траву.

Через несколько минут великан прекратил обстрел, и летучие мыши появились вновь. Особенно много их было там, откуда они недавно в панике умчались. Там словно прошёлся гигантский смерч. Не осталось ни одного целого деревца. Всё вокруг было поломано, порушено и перебито. Земля была взрыта и перевернута наружу целыми пластами. В таком месте трудно было отыскать два маленьких тела, а именно это пытались сделать быстрокрылые ищейки. Через некоторое время мышей стало меньше, лишь некоторые самые упорные продолжали на всякий случай прочёсывать лес. Но их уже было слишком мало, чтобы можно было воспринимать подобную угрозу всерьёз. Товарищи забились под густой кустарник и затаились, набираясь сил. Они понимали, что затишье не может продлиться долго, и в любой момент были готовы продолжить бегство.

– Фу-у, – выдохнул Толпек, – я уж думал, от нас только щепки останутся. Я даже поверить сперва не мог, вижу – летит сосна! Прямо над головой! До чего же силен этот великан...

– Однако, он довольно неповоротлив,– заметил Велизарий, зализывая длинную царапину на боку. Ему всё-таки досталось. – Заметь, он не смог удержаться на ногах, когда замахнулся своей дубиной. А ещё когда я резко свернул налево, великан смутился, словно что-то не так. Я вот думаю: не оттого ли это, что одно стекло у него в очках разбилось... Может быть, теперь его левый глаз плохо видит? Если это так, то этим надо обязательно воспользоваться. Кстати, мы уже почти у болота, так что будь готов.

– Ох, Велизарий. Распроклятое это место. Как бы нам самим уйти оттуда подобру-поздорову.

– Не беспокойся, это я беру на себя.

К тому времени летучие мыши уже поняли, что беглецам каким-то образом удалось ускользнуть. Крылатые разведчики разлетелись во все стороны, чтобы начать прочёсывать лес заново. Беглецы сидели, почти полностью скрытые листвой, и мимо них вихрем проносились чёрные тени, пока не замечая друзей.

– Эх,– в сердцах выругался Велизарий,– скоро они сюда все заявятся.

– Но,– попробовал возразить Толпек,– они вряд ли нас заметят. Мы же так замаскировались, что нас и с двух шагов не различить.

– Эти заметят,– мрачно отвечал кот. – У этих мышей есть такой орган, с помощью которого они видят даже в кромешной тьме. А уж слух у них...

И как бы в доказательство его слов над их головами закружился мышиный хоровод. Почти сразу за этим земля задрожала от тяжёлых шагов.

– Держись крепче,– сказал Велизарий,– сейчас поиграем в кошки-мышки. Только мышкой в это раз буду я. Ха-ха! – и он понёсся в сторону болота.

Но у великана скорость была повыше.

– Ха-арр, – раздался чуть ли не под самым ухом кота низкий бас. – Хар-р...

Велизарий заложил крутой вираж. В его сторону, срезая верхушки берёз, устремилась палица. Мимо! Великану было трудно сохранить равновесие, но он устоял, широко расставив ноги. Кот промчался между них, как под воротами, и с прежней прытью помчался вперёд.

– Харр!..

На полном скаку Велизарий с Толпекем на спине влетели в ельник. Великан за ними. Молодые ёлки трещали и ломались под огромными ступнями.

– Жми, Велизарий, жми! Мы почти у цели!

Осталось только пересечь поляну.

На ровном месте от великана убежать было практически невозможно, но тот на их счастье почему-то замешкался. Толпек обернулся и увидел две быстрые точки, которые метались, как угорелые, над макушкой великана. Они сновали туда-сюда перед самым лицом и мешали ему идти. Великан раздражённо пыхтел и отмахивался, но толку от этого не было никакого.

– Да ведь это Сорока и Филин,– догадался Толпек и закричал: – Так его, так!

На берегу он соскочил со спины Велизария и они гуськом поскакали по кочкам. Заслышалось комариное жужжание, которое стало плавно нарастать. Велизарий притормозил и торопливо выдул два мыльных пузыря. Они заколыхались на поверхности трясины и с гулким шлепком втянули внутрь себя и кота, и Толпека. Теперь комары были бессильны против них.

Тем временем Великан добрался-таки до болота, коротко рыкнул и замахнулся палицей. Харр! Поднялся фонтан брызг, но пузыри словно мячики просто

подскочили на воде. Зато дубинка прочно засела в вязкой жиже, а великан не устоял и со всего маха плюхнулся прямо в мутную воду. Рассерженные комары тучей набросились на беднягу и почти целиком облепили его. Острые длинные жальца впились в дубленую кожу, которая оказалась не настолько прочна, чтобы невозможно было ее проткнуть.

– Р-р-ра! – закричал великан от боли. Он никак не мог вытащить завязшие руки и беспомощно бултыхался в зловонной луже. – Р-р-ра!.. Р-р-ра!..

Не было никакой возможности избавиться от бесчисленных насекомых, которые так беспощадно терзали его. Это было что-то ужасное. Великан никогда раньше не испытывал таких мучений. Он сделал последнее титаническое усилие. ЧМОК!!! Руки, наконец-то, освободились. Великан привстал, собирая остатки сил, а затем со всех ног бросился прочь из этого кошмарного места. В несколько прыжков он пересёк поляну и скрылся в лесу, пробив в нём широкую просеку.

Шары выкатились на берег и, легонько вздрагивая, покатались к ельнику. Добравшись до опушки, они фыркнули и исчезли. Седоки, находившиеся внутри, свалились на траву.

– Бр-ы-ы, – начал приходить в себя Толпек, – ну, и страху же я натерпелся. А вдруг, думаю, пузырь не выдержит и лопнет прямо посреди болота! Кошмар!

Велизарий усмехнулся и перевернулся на живот. Подпёр подбородок лапой и стал задумчиво покусывать жухлый листок:

– Интересно, каково сейчас великану?

Толпек отмахнулся:

– Уверяю тебя, он еще не скоро придет в себя! Уж я-то по себе знаю, каковы они, эти комарики.

Где-то рядом раздались громкие крики. Разбойники уже опомнились и возобновили погоню.

– Ни минуты покоя, – проворчал Велизарий, вскакивая на ноги. – И что это за жизнь такая? Всюду тебя норовят ухватить за хвост!

Между деревьями замелькали приземистые силуэты. Кот пригляделся и присвистнул. Преследователи шли такой плотной цепью, что между ними никак нельзя было проскочить незамеченными. Ища спасения, товарищи осмотрелись вокруг. Напрасно. Повсюду вокруг виднелись зловещие фигуры. Их круг медленно смыкался и прижимал беглецов к трясине. Капкан вот-вот должен был захлопнуться. Взгляд Велизария скользнул вверх. Туман... Через мгновение кот принял решение:

– Толпек, а ну, держись! – и, взвалив Толпека на закорки, он запрыгнул на самую высокую ель и полез наверх. И только-только они преодолели середину ствола, как под ними прошли загонщики. Но теперь товарищи были скрыты сырым липким туманом, и обнаружить их было невозможно. Дышать было трудно, и Велизарий попытался забраться повыше. Сделать это оказалось не так-то легко. Ель качалась и трещала, но кот не отступал. Наконец, они оказались на макушке. Мгла рассеялась. Толпек от неожиданности даже зажмурил глаза. За то время, что он находился под сенью леса, он уже успел отвыкнуть от солнца. Оно же ярко светило, и мир играл яркими красками, а по небу неспешно путешествовали белые облачка. Вдали высилась зелёная гора, бликующая в некоторых местах металлом. Тут и там над туманом возносились остроконечные макушки елей и плыли по его клубящейся поверхности как корабли.

– Какая красотища! – восхитился Толпек, оглядывая открывшийся простор. Он даже снял в восторге свою шляпу и помахал ею солнышку.

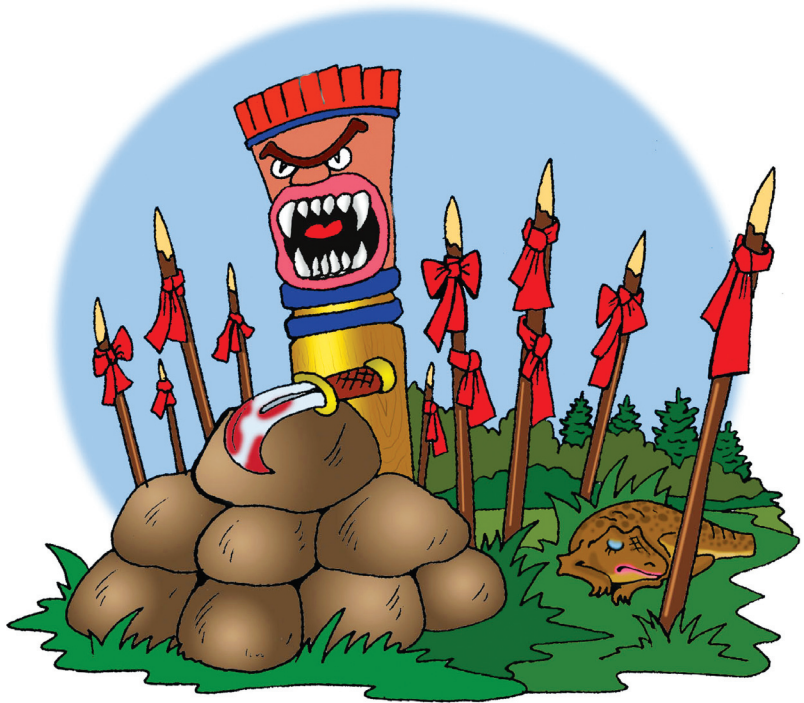
– А вот и мы! – вынырнула откуда-то Сорока, а следом за ней возник Филин. Толпек вздрогнул и чуть не упал.

– Я знала, я знала, что вы обведёте вокруг носа этого великана! – трещала без умолку Сорока. – Я сразу поняла, что такие храбрецы ни за что не пропадут. Ну, надо же! Это ж надо додуматься – заманить великана в болото. Прямо в комариное пекло! Ай, да молодцы! – Балаболка уселась на ветку и уставилась на кота и Толпека. Велизарий покачивался на тонюсенькой макушке ели, а на его загривке, вцепившись в уши кота, скрючился Толпек. Они так нелепо выглядели, что Сорока не выдержала и прыснула. Филин строго посмотрел на неё, шевельнул кустистыми бровями и подлетел к друзьям. Он бережно подхватил Толпека под мышки и легко взмыл ним ввысь.

Умникс был потрясён! Земля сверху казалась такой маленькой и в то же время такой огромной... И далекой. Теперь Толпек смог как следует разглядеть этот непонятный туман. А он действительно был странным: его клубы охватывали весь лес и ближайшие окрестности. Он почти вплотную подступал к горе, но потом становился всё прозрачнее и прозрачнее, а потом и вовсе растворялся. Зато в лесу туман был настолько густым и плотным, что казался почти живым – из его середины во все стороны расходились волны белесой мглы. От центра они набирали силу, становились всё более и более активными, но затем ближе к краям затухали и рассеивались.

Филин тем временем продолжал куда-то нести Толпека. И только полёт начал нравиться Умниксу, как они устремились вниз. Пронзив туман, Филин завис над небольшой полянкой. Посреди неё был вкопан короткий столб с вырезанной на нём свирепой пастью.

Оскаленные клыки были выточены с большим искусством и выкрашены белой краской. Перед столбом пирамидкой лежали чёрные бесформенные булыжники. На верху кучи покоился узкий кривой нож, заляпанный бурыми засохшими пятнами. Вокруг столба были врыты

острые колья, а на них болтались красные тряпочки. Чуть поодаль в траве спала маленькая бесхвостая ящерица... Филин бесшумно приземлился рядом с ней.

Толпек отряхнулся и осторожно подошёл к старой знакомой. Ящерица сразу учуяла его, тоненько вскрикнула и, просыпаясь уже на бегу, бросилась наутёк. Но тут она на полном скаку врезалась в широкую грудь филина, который сидел у неё на пути. От удара ящерица упала. Филин подцепил её когтем за шиворот и развернул к Толпеку.

– Ай! – взвизгнула та, но могучее крыло сразу же закрыло ей рот. Теперь оттуда доносилось только «бу-бу-бу»...

Наконец, пленница утихомирилась. Филин медленно убрал крыло, и испуганная ящерица уставилась в серьёзные глаза Толпека. Тот для начала значительно кашлянул в кулак: «Что же с ней делать?» – прикидывал он. Но ящерица, словно угадав его мысли, замолотила языком:

– Я ни при чём! Это всё Берендей! А я не виновата, не виноватая я!

Толпек ошарашенно посмотрел на неё и на всякий случай сказал:

– Не верю!

– Голову даю на отсечение! Мне и самой не нравится эта затея. Но ещё никто не посмел ослушаться Берендея. Вот я здесь всё и приготовила.

Толпек взглянул на столб и колья: «Зачем же всё это? Что происходит?»

– Неужто Берендей именно тебе доверил такое дело? – прищурился Толпек.

– А кому же ещё! – горделиво приосанилась ящерица. – Другие-то ничего не смыслят в подобных вещах.

– А что, у тебя такой большой опыт?

– Ну, – засмушалась ящерица, – какой-никакой, а имеется.

«Кажется, горячее», – подумал Толпек и продолжил:

– Врёшь ты всё, кума. Берендей потому и послал тебя, потому что ты ни на что больше не годна!

– Ну, знаешь ли! – возмутилась «кума». – Я у Берендея, можно сказать, правая рука! И, может быть, я сама намекнула ему на это... Ах, как долго я ждала этого часа, – закатила она глаза.

– Не дождёшься. Ему сейчас не до этого.

– До этого, до этого. Он как раз и спешит, потому что опасается, как бы вы его карты не спутали... Сегодня ночью всё и произойдет! Приведём мы сюда всех пленников и устроим кровавый шабаш! А потом сошьём из их шкурок капюшон великану, чтобы солнца не боялся. И тогда нам никто не будет страшен. Берендей нам так и обещал, завоюем весь мир и всех поработим!

Толпек так и сел после этих слов. Какой кошмар! Этот Берендей в тысячу раз хуже любого людоеда! Надо было срочно что-то делать. Необходимо было помешать ужасным планам Берендея. Времени оставалось совсем мало, в любой момент могли появиться враги. Пора было убираться из этого жуткого места. Взгляд Толпека упал на пленницу.

– Гм, – пожевал он губами, – надо бы куда-нибудь её пока деть. Иначе Берендей всё узнает и совершит своё злодейство.

Но легко сказать. А куда? Где спрятать в лесу ящерицу, чтобы её не нашли? Толпек в задумчивости поднял голову и тут к нему пришла простая идея. Спустя десять минут он накрепко прикручивал брыкающуюся ящерицу к верхушке дерева. Выпучив глаза, она яростно мотала головой и пыталась кричать. Но это было невозможно, мешал кляп из красных лоскутов, сорванных с кольев. Закончив, Толпек сказал:

– Не обессудь. Придется тебе немного поболтаться между небом и землей. Потом тебя обязательно кто-нибудь отыщет. Но пока повиси, – и он спустился в туман.

Велизарий сидел и угрюмо смотрел на сороку. Та прохаживалась перед ним взад-вперёд и трещала непонятно что уже довольно долгое время, сводя его с ума. Наконец, он зевнул:

– Куда это филин Толпека утащил? Может, пойти их поискать?

Но этого делать не пришлось. Вскоре друзья появились сами. Толпек с ходу выложил ужасные новости. Сорока была просто убита этим сообщением.

– Ах, вы, мои бедные сорочата! – запричитала она. – Ах, вы мои хорошие! Что ж этот негодяй удумал?! Что творит?! Управы на него нет!

У Велизария сверкнули зрачки. Он яростно подпрыгнул и сбил лапой крепкий сук. Приземлившись, кот прорычал:

– Это моя вина! Не распознал Берендея, когда он был никем. О, как я раскаивался в этом позже, когда узнал, что он стал злодеем. Горе мне, горе! – и Велизарий затих. Толпек присел на корточки и задумался. Сперва ничего не придумывалось. Наверное, от духоты. Толпек расслабил ворот и вздохнул свободнее. «Вот так-то лучше!» – и тут он заметил, что на шее что-то висит. Это оказалось небольшой фарфоровой табакеркой. «Так»... – Толпек машинально крутил её в руках, но в голове был только один вопрос: «Что делать?».

Так прошло довольно много времени. Никто больше не произнес ни слова. Стояла тишина. Все были погружены в собственные мысли. Наконец, Сорока опомнилась и увидела затейливо расписанную табакерку в руках Толпека.

– Что это? – полюбопытствовала она.

– Что? А, это, – Толпек покосился на вещицу в ладони. – Да так. Табакерка.

– Табакерка? Никогда не слыхала такого смешного словечка. А для чего она?

– Э-э... В таких штуках держат табак.

– А, поняла. Табак в табакерке. А какой он из себя, покажи?

– Смотри, – Толпек открыл крышку.

Воздух наполнился душистым ароматом. Велизарий принялся, повёл ушами и подошёл поближе.

– Ну-ка, ну-ка, – потянулся он к табакерке, понюхал её ещё раз. Потом подцепил когтем малюсенькую щепоть и бросил на язык. – Хм... А где ты раздобыл сон-траву? Отроду она в этих краях не водилась. Да и простому шулаку, навряд ли тебя, она ни за что не далась бы. Уж не Старый ли Крак снабдил тебя запасом?

Толпек подскочил:

– Вот я дуралей! Как же я мог позабыть? Как же так? Что за память такая дырявая стала!

Велизарий стал совсем серьёзным:

– Это всё змеиные чары. Из-за них твоя память местами и хромает. Но ты ещё легко отделался, могло быть намного хуже. Так что ты не сокрушаться, а судьбу благодарить должен. Так это Ворон дал тебе сон-траву?

Толпек задумчиво потёр подбородок:

– Да. Дал мне, значит, Крак эту табакерку и говорит: «Увидишь Великана, поджигай её и сразу бросай в него. Уснет он тогда крепким сном, и поднять его сможет только мой приятель». То есть получается, что этот приятель – ты, Велизарий? – тот кивнул головой. – И ещё Крак сказал, что сонного зелья здесь мало, но на один раз должно хватить... Слушай, – оживился Толпек, – а что, если мы этой травой усыпим охранников в доме и вызволим малышей! Великан-то всё равно валяется где-нибудь, да чешется без конца после комаров. Ему сейчас точно не позавидуешь.

– Что ж, – согласился Велизарий, – задумка хорошая. Но как мы подберёмся к дому?

Глава одиннадцатая. Нападение на логово Берендея

...Толпек осторожно выглянул из кустов и внимательно осмотрелся. Вроде тихо. Во всяком случае привычного шума-гама, производимого берендеевской сворой, слышно не было. Около входной двери стояли двое часовых. Ещё пара охранников прохаживалась по лужайке перед домом. Один из них лениво сплевывал сквозь зубы и время от времени поглядывал на окошко слева от крыльца. Вскоре из него высунулся одноглазый тип и призывно замахал им рукой:

– Обедать!

Охранники побросали свои дубинки и поспешили в дом. Толпек обернулся:

– Давай!

Из кустарника вылетела Сорока. В когтях она держала верёвку, на конце которой болтался дымящийся предмет. Она уже почти долетела до дома, но тут часовой у двери заметил её. Он что-то крикнул своему напарнику и бросил в птицу палку, но Белобока сумела увернуться. Второй стражник стоял на крыльце и тщательно прицеливался из рогатки. Когда Сорока оказалась над его головой, он выстрелил. Птице точно бы не сдобровать, но, на её счастье, снаряд попал в табакерку.

Раздался хлопок, и тотчас всё окуталось сизоватым облаком. Оно опустилось на дом и полностью скрыло его. Раздались встревоженные возгласы, кто-то отчаянно зачихал, хлопнули дверь и ставни. И всё. Звуки почти мгновенно стихли, и наступила тишина.

Когда дым рассеялся, друзья кинулись внутрь. Везде валялись спящие сторожа. По полу были разбросаны тарелки и еда. Товарищи пробрались в комнату пленников, которые тоже крепко спали. В центре зала Велизарий высыпал сухие еловые иголки вперемешку с можжевельником и поджёг их. Когда кучка разгорелась, кот бросил в огонь пригоршню серого порошка. Яркое вспыхнуло пламя, и помещение наполнилось пряным сладковатым запахом. Спящие малыши тут же начали просыпаться. Толпек тем временем открывал замки клеток.

Вдруг где-то в глубине дома послышался еле слышный скрип дверных петель. Велизарий мгновенно подскочил и помчался на шум. Влетев в коридор, он увидел выглядывающего из кухни настороженного Берендея.

– Ага, вот ты где! – взревел Велизарий и кинулся на врага. Тот едва успел захлопнуть дверь перед самым его носом. Гроыхнул тяжёлый засов, и внутри всё стихло.

– Открывай, Берендей, – забарабанил в дверь Велизарий, – если ты считаешь себя настоящим шувалаком! Выходи, посмотрим, чего ты стоишь!

Но всё было напрасно. Берендей трусливо затаился и не собирался откликаться. Велизарий стал осматривать дверь. Та была сбита из тяжелых дубовых плах и выбить её не было возможности. Кот обежал дом снаружи и подошёл к окну. Ставни были плотно притворены и для прочности сверху были оббиты стальными полосами. Велизарий разочарованно фыркнул.

Раздалось тревожное уханье Филина. Кот оглянулся и заметил одинокую летучую мышь, появившуюся над лесом. Он быстро спрятался за бочку под водостоком, но было уже поздно: мышь заметила его и, сделав резкий разворот, унеслась прочь.

– Вот незадача... – расстроился Велизарий. – И какая нелегкая тебя принесла? – Он поспешил к Толпеку и принялся ему помогать. – Быстрее! Быстрее! С минуты на минуту сюда прибудет вся шайка! Надо поскорее сматывать удочки! – Велизарий вздохнул и пояснил: – Меня только что засекла летучая мышь. И откуда она только взялась?

Наконец, все малыши были вынуты из клеток. Освободители кое-как разбудили их и они все вместе отправились к выходу. Вдохнув свежего воздуха, бывшие пленники быстро ожили и бодро задвигали ножками. Но когда компания вышла за ограду, Толпек вспомнил о Сороке: «Где же она? Что-то её не видно».

Он притормозил и обернулся в сторону дома. Ничего. Он пожал плечами и опять пошёл вслед за всеми. Но вдруг что-то заставило его остановиться. Он напряжённо замер и медленно обернулся. Так и есть! На крыше, распластав крылья, неподвижно лежала Сорока!

– Да она же спит, – догадался Толпек. – Ведь табакерка разбилась прямо у неё в лапах, и она наглоталась сонного дыма! Но как же её снять с крыши? – Он подозвал Велизария и показал ему на бедную птицу. Кот почесал затылок.

– Залезть-то я залезу, – сказал он, – но вот стащить её вряд ли смогу. Разве что столкнуть, но тогда она переломает себе все кости. И при этом, заметь, останется в таком же спящем состоянии.

– Так разбуди её!

– Чем? У меня ничего не осталось. Да и времени у нас в обрез.

И тут в который раз выручил Филин. Он взлетел, примерился и ухватил Белобоку. А затем слетел вниз и бережно опустил Сороку на землю. С крыши ссыпалось немного черепицы. Спящая Сорока лишь причмокнула во сне, ког-

да Велизарий взвалил её на себя и пошёл за друзьями к опушке. По пути Толпек спросил:

– А почему на Берендея не подействовало сонное зелье?

– Наверное, он сразу всё понял и успел наглухо запереться. А кроме того, я думаю, пар из котла как-то ослабил действие дыма. Вот поэтому Берендей и вышел сухим из воды. Эх, а ведь всё могло бы быть иначе... – с неподдельным сожалением добавил Велизарий.

Вскоре показалась старая ель. Барсук, уже совсем выздоровевший, кинулся к своим барсучатам:

– Ах вы, мои милые, ах вы, мои хорошие! Как же я снова рад вас увидеть! Настрадались, мои бедные, но не бойтесь теперь, больше никогда вас от себя не отпущу! – он целовал и обнимал своих малышей, и не мог на них насмотреться. Он то плакал, то смеялся, то смеялся, то плакал, и слезы ручьем капались из его покрасневших и опухших глаз.

У сосны образовался настоящий табор. За хлопотами незаметно подкрались сумерки, и все улеглись спать. Утром Велизарий встал раньше всех. Он подошёл к безмятежно сопящей Сороке, аккуратно приподнял её и отнёс к горке собранных иголок и веток. Костёр понемногу разгорелся, и снова потянуло знакомым дымком.

– Ап-чхи! – сорока продрала глаза. – Ап-чхи!.. – Она сладко зевнула и с наслаждением потянулась. Посмотрела на кота и подмигнула кому-то за его спиной.

– Здорово, кум!

Велизарий оглянулся. Позади него стоял сияющий Барсук. После вчерашнего воссоединения со своим семейством он был просто на седьмом небе от счастья.

– Привет, кума! Давненько мы с тобой не виделись, – Барсук кивнул на остатки истрепанного хвоста. – Вижу, здорово тебя потрепало.

– И не говори... – вздохнула Сорока. Вдруг она что-то вспомнила и перевела свой взгляд на Велизария. – Слушай, а что случилось? Почему я здесь лежу? Помнится мне, что я летела и тащила эту... как её...

– Табакерку, – подсказал кот.

– Да, да. Табакерку. А потом БАЦ! И ничего не помню.

– Ты, Сорока – молодец! Это благодаря тебе мы освободили малышей! А ты нечаянно надышалась сонным дымом и уснула.

– Это сколько же я спала?! – всполошилась Белобока.

– Да не бойся ты. Всего-то со вчерашнего вечера.

– Что ж ты сразу меня не разбудил, негодник эдакий?!

– Значит, были причины, – отрубил Велизарий.

– А где мои сорочата! Где они? Подайте мне их сюда! – всполошилась вдруг о своих детках Сорока.

Она нетерпеливо подскакивала на месте и требовательно смотрела на кота. Но тот лишь развел лапами:

– Да не было там никаких сорочат. Вообще никаких птенцов не было. За это я ручаюсь!

– Как «не было»? – растерялась Сорока. – Они должны были быть там. Куда ж им деваться?

– Не знаю.

Сорока потерянно опустилась на землю.

– Как же так? Что ещё проклятый Берендей выдумал?.. А-а-а, – закричала вдруг она. – Погубил он их, погубил! Живьём, поди, слопал! – и она забилась в истерику.

Барсук подбежал к Белобоке и стал её утешать.

– Ну, что ты, кума, в самом деле. Ничего с твоими детками не случилось. Может, они в каком другом месте сидят? Так мы их оттуда вытащим.

Но было видно, что Барсук и сам мало верил в такой оборот, как ни хотел на это надеяться...

Глава двенадцатая. Битва

За скудным завтраком Толпек спросил мрачного Велизария:

– Малышей-то надо подальше увести отсюда, как думаешь? Как бы они опять не попали к Берендею.

– Да, оставлять их тут никак нельзя, – согласился кот после недолгого раздумья.

После трапезы отправились в путь. Зверята парами потянулись за Барсуком. Тот повел их самой безопасной и запутанной тропой, и им пришлось порядком попетлять, прежде чем они приблизились к окраине леса. Велизарий охранял отряд, осторожно появляясь то справа, то слева, то позади. Но пока всё было спокойно. Туман постепенно редел, и, наконец, показалось небо. К сожалению, солнца не было, а вместо этого над головами висела серая бахрома пасмурных туч. Стало лишь немного светлее, и верхушку огромной горы, высившейся впереди, было почти не видно.

Путники пошли вдоль опушки. Где-то впереди должна была быть тропинка до бурелома, ведущая в обход горы. Барсук уверял, что оттуда рукой подать до безопасного места, в котором можно будет спрятать на время малышей. Но не успела компания сделать и сотню шагов, как среди деревьев раздался многоголосый гвалт, и почти сразу за ним из тумана вынырнули летучие мыши.

– Бегите! – закричал Толпек. – Бегите!

Все кинулись по направлению к горе. Летучие мыши выстроились в остроносый клин и приготовились к атаке. Они уже были готовы пронзить воздух стремительной молнией, как вдруг на них спикировал неведом откуда взявшийся Филин. Но странно... мыши не испугались его, а храбро вступили в бой с огромной птицей. Они, словно рой рассерженных пчёл, закружились в бешеном хороводе. В воздухе стоял несмолкаемый гул. Филин сбивал нападающих ударами сильных крыльев, рвал мощными когтями их перепончатые конечности.

Покалеченные мыши друг за другом падали вниз. Но их было слишком много, и Филин начал уставать в неравной борьбе. Кроме того, он тоже здорово пострадал: спина и грудь его были усеяны порезами и царапинами от острых, как бритва, зубов и когтей...

Тем временем компания друзей добралась почти до подошвы горы. Толпек оглянулся и увидел, что разбойники во главе с самим Берендеем выбрались из леса и, потрясая оружием, бегут в их сторону. Толпек в отчаянии закусил губу. Спасть было невозможно! Он остановился, глядя, как малыши взбираются по склону, а затем решительно повернулся навстречу преследователям.

– Ну, что ж, Берендей, – пробормотал он. – Сейчас мы с тобой за всё и посчитаемся!

Кто-то встал рядом с ним. Толпек слегка покосился – это были Барсук и Смехач. С другой стороны стали Жуля, Веснушка и Велизарий.

Сорока устремила к чёрному колышущемуся облаку, из которого изредка показывались крылья Филина, и с размаху вонзилась в него. Но почти сразу же, кувыряясь в воздухе, полетела вниз.

Враги приближались. Уже можно было различить довольные морды, предвкушавшие скорую победу. Берендей бежал впереди всех и криками подбадривал остальных.

Вдруг он почему-то замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Его подручные словно наткнулись на невидимую стену и растерянно сгрудились во-

круг Берендея, тыча пальцами на вершину горы. Оттуда нарастал какой-то неясный шум. Он быстро усиливался, и вдруг задрожала земля под ногами. Беглецы обернулись – по крутому склону неслись сани за санями, а в них сидели Смехачи, которые вращали огромными кулаками и вопили во всё горло. Малышня успела вовремя рассыпаться в разные стороны перед этой лавиной, и Смехачи пронеслись мимо, никого не задев.

– Ура!!! – закричал Толпек, и друзья бросились на врагов.

Смехачи с ходу ринулись в драку, и закипела ожесточенная битва. Замелькали шишковатые дубинки. ТРАМБ! ТРУМБ! ТРИМБ! – с глухим стуком ударялись они друг о друга. Кто-то из нападающих получил по лбу и теперь сидел на земле, мотая головой и вывалив наружу длинный раздвоенный язык. Умникс поднырнул под одного верзилу и, очутившись у него за спиной, с силой дёрнул его за ноги. Тот растянулся во весь рост и только хотел встать, как по нему пробежались сразу трое. Но и Веснушке не повезло: кто-то врезал ему по спине, и он кубарем покатился по траве.

Толпек размахивал палкой и что-то кричал. Вдруг его крепко ухватили сзади за шею, и прямо над ухом раздалось мерзкое шипение. Толпек извернулся

и перебросил противника через плечо. Оказавшись сверху, он узнал нападавшего. Это была старая бесхвостая знакомая.

– Освободилась, негодница... Ну, погоди у меня, вот я с тобой разделаюсь! – воскликнул Толпек, стараясь удержать узкие лапы с острыми когтями. Но ящерица вывернулась, и они, вцепившись друг в друга, закрутились по земле.

Рядом с ними грохнулся Барсук, подмяв под себя коренастого крепыша. Тот барахтался, пытаясь вырваться, но Барсук навалился на него всем своим весом, и тот не мог даже пикнуть. Жуля, увертываясь от ударов, запрыгнула на пушистого товарища и тут же вцепилась в макушку кривоногому зазевавшемуся бандиту.

– Мамошки! – завопил тот вне себя от ужаса. – Сдаюсь! Сдаюсь! – И поднял лапы вверх.

Пришедший в себя Умникс подбежал к нему и туго-натуго спеленал.

– Вот так-то, – удовлетворенно похлопал он того по щеке. – Лежи смирно!

Но остальные разбойники и не думали сдаваться. Они яростно отбивались от нападающих Смехачей. Длинные хвосты хлестали во все стороны, оскаленные пасти издавали глухое рычание. Это были закаленные в боях ветераны, которые в погоне за наживой шли за Берендеем в огонь и воду. Но и Смехачи тоже были не лыком шиты. Они высоко подпрыгивали и сверху обрушивали на врагов свои пудовые кулаки-маховики. Один Смехач уцепился за подвернувшийся хвост. Ящерица застыла на месте, затем дёрнулась и хвост отвалился. Пока Смехач удивлённо рассматривал обрубок, ящерица уже удрала прочь. И тут Веснушку озарило:

– Хвосты! – громко закричал он. – Хватайте хвосты!

Смехачи тут же взяли этот совет на вооружение. Теперь они стремились зайти с тыла и ухватить врагов за хвост. Такая тактика принесла свои плоды. Всё больше оторванных хвостов валялось на земле, а их бывшие обладатели позорно бежали с места сражения. Казалось, ещё чуть-чуть, и враг будет побеждён. Но не тут то было. Пришла подмога. Летучие мыши одолели-таки израненного Филина и, оставив его, набросились на Смехачей. Они терзали своих противников, оставляя на телах глубокие раны и закрывая им крыльями глаза. Разбойники воодушевились и напали с удвоенной силой. Положение стало угрожающим. Велизарий уложил очередного бандита, но при этом едва успел уклониться от когтей пронесшейся крылатой тени.

– Ах ты, проклятая! – скрежетнул он зубами и обвёл взглядом поле боя. Поневоле присвистнул, похлопал себя по бокам и достал мыльный раствор. А его оставалось совсем немного...

...Радужной стайкой поднялись в воздух маленькие мыльные пузыри. Разлетевшись в разные стороны, они, словно живые, стали гоняться за мышами. То одна, то другая из них то и дело врезались в какой-нибудь прозрачный шарик. Он звучно лопался, мыльные брызги попадали в глаза мышам, и летучие твари моментально слепли. И хотя они вполне могли бы обойтись и без зрения, но от едкого мыла в глазах возникала такая острая боль, словно их разъедало кислотой. С жалобным писком мыши разлетались кто куда и, судорожно вздрагивая, валились на землю. Враги замешкались, но лишь чуть-чуть. Эх, если бы пузырей было побольше!

Смехачи вымотались от непрерывных атак сверху и начали медленно отступать.

– Карр! – раздался надтреснутый голос. – Карр! Я спешу к вам, друзья! – Это Старый Крак планировал с горы! За ним следом мчались ещё одни сани.

Летучие мыши, заметив Ворона, злобно запищали и ринулись ему навстречу. Крак сунул раскуренную трубку в клюв и выпустил перед собой десяток разноцветных колечек. Едва передние мыши оказались среди них, цветные бублики, словно по команде, разом напрыгнули на их шеи.

Мыши расчихались и закашлялись. Они расцарапывали горло, пытаясь содрать ошейники, но все было напрасно – ничего не снималось и спазмы не прекращались. В воздухе началась паника. Крак успел еще пару раз воспользоваться своей волшебной трубкой, но затем силы

оставили его и он свалился... прямо к ногам Берендея.

– У-у, старая развалина! – ощерился бандит. Он полоснул Ворона когтистой лапой и резко отскочил в сторону, уворачиваясь от летящих саней.

Из вновь прибывших саней выскочили новые Смехачи, приехавшие на помощь. Они вытащили пращи и стали быстро раскручивать их над головой. Раз!!! В мышей полетели первые камни. Два!!! Новый залп не заставил себя ждать. Никто не мог бы сопротивляться такому отпору, и вскоре изрядно поредевшая стая с пронзительными воплями обратилась в бегство.

Оставшиеся разбойники, видя такое дело, приготовились драпать, но звериный рык Берендея остановил их. Велизарий искал своего главного противника в течение всего боя. И вот, наконец, обнаружил его. Берендей стоял за спинами своих бойцов, грубой руганью удерживая их от бегства.

– Вот мы и встретились! – хищно выдохнул Велизарий и прыгнул. Перемахнув через строй телохранителей, он впился в Берендея. Неистово рыча, два кота вступили в схватку друг с другом.

Толпеку между тем с огромным трудом удалось справиться с бесхвостой разбойницей. Он, наконец, смог связать её платком. Утерев пот со лба, он встал и огляделся. Смехачи теснили врагов на всех направлениях. Казалось, ещё немного, и бой должен был бы закончиться победой. Толпек нервно облизал пересохшие губы и только потянулся за брошенным дрынком, как... почувствовал знакомое сотрясение почвы под ногами. Толпек замер, тревожно всматриваясь в опушку леса. Так и есть! Оттуда появился великан собственной персоной! Он пошатывался, но медленно шёл прямо к ним.

Смехачи застыли, уставившись на неведомое страшилище. Зато разбойники победно заревели:

– У-а-а-у-а-а!

У великана был потрёпанный вид. Шёл он, еле передвигая ноги. Он уже не казался непобедимым и сильным, но по-прежнему выглядел внушительно. Сломанные очки с одним целым стеклом болтались у него на носу, левый глаз был зажмурен.

При виде их Толпека осенило:

– Цельтесь в правый глаз! Бейте прямо туда! – закричал он Смехачам и жестами подкрепил свои слова. Те переглянулись и, прицелившись, раскрутили свои пращи.

– Блям! Блям! – застучали камни по опухшей гигантской физиономии. Но великан продолжал идти.

– БАМ!!! – один булыжник попал в очки, растрескав правое стекло. Но великан всё ещё шёл.

– Блям! Блям! БАМ!!!

Осколки стекла рассыпались в разные стороны. Великан беспомощно остановился. Он осторожно пощупал лицо руками и как слепой выставил их перед собой.

– Блям! Блям! – не унимались Смехачи.

Великан не выдержал и, развернувшись, пошёл обратно. Через несколько шагов он оступился и растянулся на земле. С трудом привстал на четвереньки, икнул и быстро пополз к лесу. Вскоре он скрылся между деревьями.

– Ура!!! – громыхнул Толпек. Его клич подхватили друзья, и с ним вновь обрушились на врагов. Те огрызнулись для виду разок-другой, а затем дружно пустились наутёк.

– УРА!!! УРА!!!

Победа была полная!

Враг был разбит и постыдно бежал, и быстрее всех улепётывал Берендей. Он ухитрился воспользоваться замешательством Велизария при появлении великана и ускользнуть от него. И теперь главный бандит нёсся первым к спасительному лесу, бросив на произвол судьбы свою разгромленную армию.

Белый кот вылизывал окровавленный бок, когда к нему подскочил возбуждённый Толпек. Он показал рукой на удирающего Берендея:

– Ну, что же ты! Уйдёт ведь, уйдёт!

Кот взглянул на Умникса, подхватил его на спину и помчался вслед за Берендеем. Вражеский атаман стал понемногу сдавать. Он всё сильнее припадал на левую лапу, но изо всех сил поддерживал стремительный темп. Они заскочили в чащобу и понеслись, не разбирая дороги. Спина Берендея мелькала всё ближе и ближе, но и Велизарий был уже на пределе. Впереди показалась каменная хижина. Друзья почти догнали Берендея, как вдруг Велизарий зацепил раненым боком дерево. Мозг захлестнула резкая боль, и кот со стоном повалился в мох. Через некоторое время, когда боль утихла, друзья продолжили погоню. Они добрались до ограды в тот момент, когда Берендей выпрыгивал из окошка. Он обернулся, погрозил им кулаком и помчался дальше. В зубах он сжимал какой-то предмет. Друзья погнались за ним. Гонка продолжилась ещё некоторое время, но потом пришлось остановиться: Велизарий сильно ослабел от потери крови и пережитого болевого шока.

– О-ох. Ускользнул-таки, вражина, – выдохнул он, опускаясь на землю. Его грудь ходила ходуном, он никак не мог отдышаться.

– Полежи немного, я отлучусь ненадолго, – сказал Толпек. Он осмотрел раны кота и исчез в лесу.

Через час Велизарию стало лучше. Найденный Толпек подорожник сделал свое дело, раны на боку перестали кровоточить. Толпек помог Велизарию встать на лапы, и они потихоньку побрели обратно. Кот еле шёл, и его приходилось поддерживать, чтобы он не упал. Так они ковыляли довольно долго.

Внезапно Толпек что-то услышал. Он повернулся к спутнику и прижал палец к губам. Теперь они прислушались вместе, недалеко от них кто-то шипел. Определив направление, они на цыпочках двинули на шум. С каждым шагом шипение становилось всё отчетливее. Толпеку явственно почудились угрожающие, безжалостные нотки. Он подполз к зарослям шиповника, залез под куст и поднял голову... От увиденного захотелось закричать, но сильная лапа Велизария плотно заткнула рот Толпека. Оказывается, он тоже заполз под куст и рассматривал выжженную огнём полянку, которая была заполнена змеями. Гибкие тела извивались на чёрной земле, маленькие злые головки высоко вздымались над остатками сгоревшей травы. Именно отсюда и доносилось «Ш-ш-ш», которое слышали друзья в лесу. Раздвоенные языки то и дело плотоядно высовывались наружу. Остекленевшими взглядами змеи уставились на середину пепелища, где плотной кучкой сбились перепуганные птенцы. Поодаль валялась большая пустая клетка с настежь распахнутой дверцей. Кто-то совсем недавно притащил её сюда, чтобы твари устроили долгожданный пир.

Птенцы от страха не могли произнести ни звука. Змеи стягивали вокруг них смертельное кольцо. Лишь с той стороны, где укрылись в шиповнике друзья, оно было разорвано. Толпек присмотрелся и понял, почему: там валялось бездыханное скрюченное тельце. Это была та самая змейка, которая вылупилась в овраге, и которую утащил Филин. Вот почему остальные змеи держались на почтительном расстоянии от этого места! Даже мертвая, наследница Манкурты внушала им страх.

Птенцам надо было бежать в сторону спасительного коридора, но они были словно парализованы и ничего не замечали. Надо было что-то срочно придумать. Толпек сжал кулаки и обернулся к Велизария. В бедро что-то упёрлось и больно кольнуло под ребра. Толпек сунул руку в карман и достал... свирель. С досадой откинул её в сторону и горячо зашептал:

– Слушай, Велизарий! Я сейчас проберусь с другого края, а ты...

Но он не успел закончить. Кот вдруг предостерегающе поднял лапу. Он, не мигая, смотрел на дудочку и что-то вспоминал. Наконец, он вспомнил:

– Толпек, ты можешь на этой дудке подражать птицам?

Тот кивнул.

– Ну, так чего ты ждёшь? Поддай птенцам знак по-птичьи!

Толпек охнул. Как же он сам не догадался об этом? Он схватил тростинку и прижал к губам, и из-под куста, где сидели в засаде Толпек и Велизарий, раздалось тревожное щебетание мамы-иволги:

– Фьють!.. Фьють!.. Все сюда, скорей сюда! Фьють!.. Фьють!..

Малыши встrepенулись. Они завертели шейками и бросились к шиповнику со всех ног. Галчата, скворчата, сорочата... Вот только утята не могли быстро бежать. Они неуклюже переваливались на своих коротких лапках с широкими перепонками и не поспевали вслед за всеми. Но тоже спешили! Змеи, услышав сигнал, сперва замерли, глядя на убегающий обед, но затем кинулись наперерез птенцам. Вдруг раздались спокойные размеренные трели. Змеи остановились и закачались в такт звукам. Утята прошлёпали мимо них и скрылись в густой поросли.

Толпек перестал играть и подхватил утёнка. Но тут отовсюду появились злобные разинутые пасти.

– Ш-ш-ш-ш...

– Играй! – услышал он голос Велизария. – Играй же!

Толпек снова заиграл гипнотическую мелодию.

– Слушай, ты пока отвлеки их, а я уведу птенцов в безопасное место и сразу вернусь. Держись, друг! – Велизарий собрал малышей и, прихрамывая, поспешил с ними прочь.

Толпек играл и играл. Его двенадцать пальцев так и бегали по тростинке. Он ещё никогда не импровизировал с таким вдохновением. Мелодия становилась всё прекраснее и прекраснее: «Вот летят пушистые кучерявые облака. Сквозь них просвечивает яркое ласковое солнышко. Мир полон чудесных звуков. Журчание ручья сливается с шелестом листвы. Стрекотание цикад вторит перестуку дятла. А вот тихая спокойная река, несущая свои воды к далёкому морю. Волны мерно набегают на берег, и шуршит мелкая галька. Свежий ветер овеивает разгоряченное лицо, и жизнь кажется такой необъятной...». Толпек играл. Он точно знал, что жизнь его полностью зависела сейчас от его умения. Змеи со всех сторон окружили его и покачивались в гипнотическом трансе, вытянувшись к притягивающей их точке на конце тростинки. Но стоило Толпеку хоть на секунду остановиться, чтобы перестить дыхание, как они сбрасывали оцепенение и, отвратительно шипя, приближались к храбрецу.

Из-за черёмухи показался Велизарий. Толпек приметил кота краем глаза и двинулся к нему, не переставая играть и осторожно перешагивая через паутину змей. Те только на секунду-другую оставались в неподвижности и затем начинали ползти вслед за ним.

– Малыши в порядке, – зашептал Велизарий. – Я их укрыл в таком месте, где враги до них ни за что не доберутся. Айда за мной!

Толпек, все так же наигрывая убаюкивающий мотив, не торопясь, побрёл за котом. Змеи, охватив их полукругом, бесшумно заскользили следом. Толпеку было неудобно идти, один раз он даже споткнулся и чуть не выронил дудочку. Тут же на него бросилась рогатая змейка. Толпек быстро подхватил свирель и едва-едва успел сыграть следующую ноту. И как только раздался чарующий звук, змея замерла и расслабленно опустилась на землю. «А если бы я замешкался?» – подумал музыкант, и его прошиб холодный пот.

Впереди показались скрюченные деревья. Велизарий оживился и прибавил шагу. Приблизившись к этому странному месту, Толпек чуть не поперхнулся: на одной из гнутых веток рядом сидели птенцы, которые должны были уже быть далеко отсюда! Умникс вопросительно покосился на кота, но тот успокаивающе кивнул: «Всё нормально». Толпек нахмурил брови и ступил в необычную рощу. Змеи неожиданно разволновались. Казалось, они споткнулись о запретную черту. Но завораживающие напевы настойчиво звали их за собой, и змеи нехотя вползли под переплетающиеся кроны. Они почти добрались до птенцов, когда какая-то неведомая сила начала корёжить их тела. Твари нутужно задержались и стали кататься по земле. Их длинные тела сворачивались в петли, которые стягивались все сильнее и сильнее. Вскоре все они беспомощно валялись в траве, свёрнутые в тугие кольца – только зрачки их злобно посвёркивали.

Толпек обессиленно рухнул неподалеку. В голове был полный сумбур. Не хотелось думать ни о чем, а лишь, закрыв глаза, лежать, лежать, лежать... Но Велизарий растолкал его:

– Надо уходить, дружище, здесь лучше долго не оставаться.

Толпек немного помедлил и с трудом поднялся на ноги. Змеи лежали, свёрнутые в клубки, и их можно было больше не опасаться. Птенцы с любопытством прыгали среди свитков колец и деловито копошились в траве.

– Хрум-хрум-хрум! – исчезали в маленьких клювиках маленькие букашки. Один галчонок подошел к светлому пятну на земле и как ни в чем не бывало уселся на него.

Толпек в изумлении протёр глаза и, словно боясь ошибиться, медленно посмотрел наверх. И что же! Оказывается, туман почти рассеялся, и сквозь его остатки всё увереннее и увереннее пробивались лучи солнца! Ветер гнал последние ошметки куда-то к востоку, и вскоре небо полностью очистилось.

– Ура! Солнышко, как я рад тебя снова видеть! – Толпек пустился в пляс, размахивая руками от радости.

Как это здорово! Наконец-то лес избавился от этого проклятого тумана. Теперь все его бывшие обитатели смогут вернуться домой и жить как прежде! Толпек с Велизарием собрали малышей и, очень довольные, поспешили к месту недавнего побоища.

Глава тринадцатая. После сражения

Уцелевшие Смехачи бережно перевязывали раненых товарищей. Неподалеку, спеленатые спиной к спине, угрюмо сидели пленённые разбойники. Но Толпек лишь мельком взглянул на них, торопясь скорее увидеть своих друзей. Как они? Он не мог думать ни о чём другом и тревожно оглядывал становище. Наконец, он их заметил: все были около распростёртого на земле тела, над которым колдовал старейшина Смехачей. Неподалёку сидел забинтованный Филин. Велизарий и Толпек подошли к друзьям и увидели лежащего без сознания Ста-

рого Крака. На груди его была огромная рана, из которой шла кровь. Лекарь старался остановить кровотечение, но пока ничего не получалось. Велизарий сразу взял дело в свои руки.

– Оставьте нас, – приказал он. – Мне нужно сосредоточиться.

Кот несколько раз глубоко вдохнул и стал делать лапами пассы над неподвижным телом. Это продолжалось довольно долго. Но вот, наконец, Велизарий расслабился и вытер выступивший пот. Дыхание Ворона стало спокойным, кровь перестала течь из раны. Старейшина Смехачей смазал рану пахучим снадобьем и туго перебинтовал. Сделав это, он удовлетворенно крикнул и прицокнул языком, но Велизарий в ответ лишь тяжело вздохнул:

– Боюсь, слишком поздно. Он потерял слишком много крови. Но... Будем надеяться на лучшее...

Он позвал друзей и вместе они осторожно поднимали Ворона и перенесли в более удобное место. Теперь, наконец, Толпек смог как следует осмотреться. Как ни странно, его товарищи почти не пострадали в битве. Веснушка рвал материю на бинты и раздавал ее санитарам, Белочка своим пушистым хвостом утирала слёзы радости у Сороки. Та нашла своих сорочат и не могла оторваться от них, несмотря на боль в прокушенном крыле.

Смехач-воздухоплаватель восторженно возился с найденной после боя рогаткой и уже пробовал выпустить из неё камень. Словом, вроде, всё было нормально, если бы не... Толпек нахмурил брови. Берендею всё-таки удалось скрыться. Это означало, что борьба ещё не закончена. Кто знает, какие фокусы может выкинуть этот негодяй! Такие, как он, загнанные в угол, становятся опаснее вдвойне.

Но сейчас следовало заняться неотложными делами. Прежде всего, надо было перенести раненых в какое-нибудь укрытие. Но какое? Сколько Толпек не ломал себе голову, так ничего и не смог придумать. Смехачи на ско-

руку соорудили навес из саней. Получилось пускай ненадежное, но хоть какое-то убежище.

– По крайней мере, от дождя оно точно сможет защитить,– заключил Толпек.

Далее следовало накормить малышей. С этим тоже проблем не возникло. У Смехачей с собой было много запасов, и спустя полчаса вся компания дружно уплетала их необычную, но вкусную пищу из кактусов.

Когда все наелись, Толпек с друзьями устроили военный совет. Самым важным был вопрос: куда подевался Великан?

– Мы ведь только подбили его! – горячился Веснушка. – Немного погодя он оклемается, и тогда всё... Нам крышка! В жизни не видал такого чудища! И как он только нас всех не передал?!

– Нездоровилось ему, потому что комары его давеча поели. А потом ещё Смехачи ему очки разбили, а он без них почти ничего не видит,– пояснил Толпек и рассказал обо всех своих приключениях.

Все внимательно выслушали его рассказ, а потом, не сговариваясь, повернулись к Филину, сидящему под навесом:

– Спасибо тебе, дядюшка Филин!

Но тот никак не отреагировал. Только левая бровь едва заметно дрогнула.

– И Сороке тоже наше большое спасибо,– добавила Жуля. – Ты очень помогла нашему делу.

– Да ладно, чего уж там,– смущенно потупилась Белобока и с преувеличенным усердием принялась расправлять непослушный хохолок у рядом сидящего птенца.

– А Великана надо всё-таки найти побыстрее,– серьёзно настаивал Умникс. – Пока он слаб, у нас есть какой-то шанс. А иначе... – он не договорил и значительно посмотрел на присутствующих.

– Отгм, от-гм,– стали восклицать Смехачи, хоть и не всё поняли в рассказе Толпека. Но про Великана они сообразили и стали широко разводить руки, показывая, насколько большое было чудовище.

– Ам, ам шутт! – громко стучали они зубами.

– Ты прав,– поднялся Велизарий. – Нельзя терять ни минуты. Да и Берендей неизвестно где шляется. Как бы они не нашли друг друга. – И он направился к лесу. Все, кто мог передвигаться, отправились за ним. Лишь несколько сторожей остались в лагере.

Найти Великана оказалось не так-то просто. Все порядком натрудили ноги, прежде чем услышали глухие стоны, доносившиеся из непролазной чащобы. Осторожно подобравшись поближе, следопыты перелезли через огромные корни старого дерева и обнаружили лежащего на животе Великана. Он стонал, обхватив голову руками. Вся компания, осмелев, подошла к нему почти вплотную.

– У-уш, о-ош,– басила сорокаведерная глотка. Великан даже не почувствовал, как Толпек ткнул его в бок дубинкой. – Хр-р, ы-ы-ых,– гудел он.

Кожа на открытых местах опухла и покраснела от укусов болотных комаров. Некоторые участки кожи были более или менее здоровыми и пахли теми же ягодами, которые помогли и Толпеку с Сорокой. Но всех ягод, видимо, не хватило на такую громадину. Бедняга так до конца и не оправился. Толпек снова осмотрел стонущего Великана и уверенно объявил:

– Неделю пролежит точно! За это я ручаюсь, так что никуда он от нас пока не денется. А за это время мы придумаем, как с ним быть,– и все отправились

в обратную дорогу. Дело близилось к вечеру, и надо было спешить, ведь ночью в лесу могли приключиться любые напасти.

Благополучно добравшись до лагеря, друзья разожгли большие костры и улеглись спать, вконец обессиленные сражением и долгими поисками. На небе мерцали звёзды, до которых, казалось, было рукой подать. Вокруг стояла тишина. Лишь раненые иногда вскрикивали во сне, да Филин, так и не сомкнувший глаз, изредка шумно вздыхал.

С первыми лучами солнца все были на ногах. Предстояла большая работа: очистить лес от мусора, отыскать и обезвредить берендеевские отвороты, ловушки и западни, уничтожить следы пребывания врагов в каменной хижине. Велизарий уже успел пригнать коз для утренней дойки. Смехачи тут же набежали со всех сторон и с удивлением разглядывали диковинных для них животных. А те, не обращая на них никакого внимания, позвякивали колокольчиками и мирно пощипывали травку. Эти самые колокольчики привели Смехачей в дикий восторг. Они неотступно следовали за странными рогатыми существами и всякий раз восторженно галдели, заслышав мелодичный перезвон. Не успели друзья оглянуться, как с коз были сняты все колокольчики. Смехачи повесили их на себя и радостно прыгали друг за другом, издавая при этом невообразимую какофонию.

– Дзинь-дзинь! Дин-дон!! Дзинннь!!!

– Хватит! – не выдержал Веснушка и зажал уши руками. – Да прекратите же вы, наконец. Тоже мне нашли забаву!

Смехачи потихоньку уgomонились. Но тут же учуяли вкусный запах и побежали к Велизарию, который разрезал большую головку сыра на холщовом мешке. Кот улыбнулся и протянул кусок одному из Смехачей. Тот, не долго думая, запихал его себе в рот. Соплеменники с любопытством наблюдали за ним, ожидая, что же будет дальше. А счастливчик блаженно жмурился и жевал, жевал... И вот он, наконец, проглотил сыр и похлопал себя по животу. Его физиономия так и сияла от удовольствия. Он посмотрел на кота и протянул широкую, как сковорода, ладонь:

– Г-ы-ы... (Дай еще, дружок!)

– Нет уж, братец. С тебя довольно, – покачал головой Велизарий. – А то на всех не хватит, – и он быстро раздал оставшийся сыр.

Зато козьего молока было в избытке.

Смехачи также по достоинству оценили этот напиток. Теперь они поняли, зачем нужны

kozy, и смотрели на них с обожанием. Эх, иметь бы таких дома. Вот было бы подспорье в хозяйстве!

После завтрака все принялись за дела. Разбойников тоже заставили трудиться. Под неусыпным надзором они таскали и скидывали в овраг весь найденный хлам: обугленные поленья, битую посуду, тряпки, обрывки веревок, цепей и многое-многое другое. Велизарий рыскал по лесу, обезвреживая самострелы, а также разыскивал западни и уничтожал их. По пути он разметал несколько злых магических знаков, лишив их силы особыми заклинаниями. И только потом побежал к бывшему разбойничьему логову помогать друзьям.

Пыхтя от натуги, Барсук и Веснушка вытаскивали наружу стальную клетку. Смехач-воздухоплаватель уперся в неё огромными ручищами и толкал что есть силы. Из бывшей темницы вышел Толпек с полным ведром и вылил воду прямо с крыльца во двор. Заметив Велизария, он замахал рукой:

– Иди сюда быстрее! Сейчас кое-что увидишь! – он обернулся назад и кого-то позвал. Из-за дверей показалась Сорока. Она что-то бережно держала перед собой и взволнованно общалась с кем-то, идущим сзади. Наконец, из-за сорочьей спины выпорхнула счастливая Жуля. Велизарий не мог поверить своим глазам! Большой пушистый хвост белочки стал снова огненно-рыжим!

– Во, дела! – только и смог сказать кот. – Как же вам это удалось?

Толпек молча потащил его в дом. В кухне он торжествующе показал на очаг.

– Смотри! Вот где собака зарыта!

Велизарий ничего не мог понять. Ну, очаг, и что? Сверху на треножнике подвешен сверкающий, как начищенный пятак, котёл. И больше ничего. Правда, раньше в нём бурлило колдовское варево Берендея, но сейчас там почти ничего не осталось. Толпек не торопился раскрывать секрет. Он специально растягивал каждое слово, когда начал объяснять:

– Я тоже сначала ничего не заметил. Но потом меня словно что-то ударило. Словом, гляжу я на котёл и медленно начинаю соображать...

– Что котёл должен быть закопчёным, а он вон как сияет, – догадался кот.

– Да, да! Ну, думаю, а куда же подевалась сажа? Ведь она несмываемая! Я с этим к сороке, вон она, кстати, стоит. Спрашиваю: «А чем драили этот чан?» Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего, и отвечает: «Золой, конечно, чем же ещё?» На это я ей отвечаю: «А что, если Жулю попробовать отмыть?»

– Взяла я белку и как следует отёрла ей хвост. Вот этой самой мочалкой, – гордо продолжила Сорока и помахала ею, как знаменем. – Зола из этого очага – наипервейшее средство от всяких там пятен. Скоро сюда приведут малышей, и мы здесь устроим генеральное купание. После него все будут, как новенькие, а главное – своего цвета!

– Грандиозно! – расцвёл Толпек.

Кот весело подмигнул ему, подошёл к котлу и заглянул внутрь. Принюхался к остаткам варева, покрошил его когтистыми подушечками лап и дёрнул за конец свисающей с потолка цепочки. Потом поскрёб подбородок и отошёл к окну, о чём-то раздумывая. Толпек с Сорокой не стали ему мешать и тихонько вышли из кухни. Хлопотунья сразу убежала искать любую подходящую посудину, которую можно приспособить под ванну. Зола для купания уже набрали в горшки и поставили в большой комнате. Оттуда вынесли все клетки, и теперь там было почти пусто. Кроме горшков с золой, в комнате оставалась толь-

ко самая большая клетка. Вся компания возилась вокруг неё, примериваясь к неудобным краям. Толпек присоединился к друзьям.

– А ну, взяли! – гаркнул Барсук, и они дружно вытянули клетку во двор.

Часом позже в этой комнате была устроена настоящая баня. В ряд стояли кадушки, тазы и ушаты, полные нагретой воды. Ребяшня с шумом и визгом забралась в них и началось! Толпек, засучив рукава, яростно оттирал маленького короткоухого зайчонка. Малыш пищал и норовил вырваться из рук, но Толпек цепко держал его.

– Стой смирно! Глаза-то, глаза закрой, а то щипать будет! – совсем как строгая нянька, покрикивал он на непослушника и, посыпая золой, тёр и тёр его. А потом мылил. И снова тёр.

Толпек отвернулся на секунду за новым куском и снова принялся за стирку. Но едва лишь прикоснулся к малышу, как тут же подскочил, словно ужаленный: «Ай!» – вместо нежной шёрстки рука наткнулась на острые иголки, незаметные под мыльной пеной. Улыбаясь, в тазике сидел кудрявый ёжик, и что-то лопотал на своём детском языке. А зайчонок весело хохотал в соседней шайке.

Всюду в клубах пара мелькали огромные лапищи Смехачей, сжимающие травяные мочалки. То и дело из них показывались хныкающие мордашки и снова исчезали в глубине ладоней. Стоял невообразимый гвалт, весь пол был залит мыльной водой, и босые пятки друзей постоянно разъезжались. В дверной проём заглянул Велизарий. Покрутив головой, он чихнул и скрылся во дворе. Казалось, он что-то искал, но что... Непонятно. Однако, никто не докучал ему ненужными расспросами. Сегодня забот хватало у всех!

– Жуля! – крикнул Толпек в полумрак самодельной бани. – Жуля, у тебя зола осталась?

– Да, – донеслось в ответ. – Можешь взять.

Толпек поспешил за золой, а когда вернулся, то обнаружил, что его очередной подопечный, детеныш речной выдры, бесследно исчез. «Куда он делся?» – растерялся Умникс. Вот только что он отстирывал в ушате маленького выдрёнка, а теперь тот как в воду канул. И никаких следов вокруг! Минут десять Толпек потратил на бесполезные поиски, пока не догадался засунуть руку в глубину ушата. Пальцы нащупали острые уши, и Умникс вытянул наверх довольного сорванца, который, оказывается, всё это время преспокойно сидел на дне! От изумления Толпек чуть не потерял дар речи:

– Квак... Квак... Как... То есть, как же ты не захлебнулся? – прерывающимся голосом спросил он.

– Ха-ха-ха, – залился радостным смехом выдрёнок-бесёнок. – Всё просто. Ведь мы, выдры, полжизни проводим под водой! – и опять нырнул в тазик.

– Ну и ну, – только и смог выдохнуть Толпек и снова принялся намыливать мочалку.

Наконец, мытьё закончилось. Зверята были начисто отмыты от сажи, и теперь их шубки приобрели первоначальную окраску. Мокрые взъерошенные малыши гурьбой повалили во двор обсыхать и кувыркаться на траве. А усталые «банщики», довольные результатами своей работы, сели немного передохнуть.

– Чтобы я ещё когда-нибудь прикоснулся к золе! Да ни за что на свете! – Веснушка разглядывал стёртые в кровь ладони.

– Больше ни за что не соглашусь погладить ежонка, – промолвил Толпек и сморщился при воспоминании о болезненном уколе.

– Не зарекайся, – рассмеялась Жуля, – знаем мы тебя. Надо будет, ты его и на колени посадишь, и рубашкой укроешь, и колыбельную споёшь.

– А всё-таки хорошо, – мечтательно проговорил Барсук и сладко потянулся.

– Что хорошо? – не поняла Белочка.

– Хорошо, что теперь мои детки похожи на меня. А то как взгляну на их чёрную шёрстку, то сразу вспоминается проклятый Берендей. Так и стоит перед глазами.

– А ты думай о нём почаще, – посоветовал Веснушка и пояснил: – Этот Берендей, как заноза, пока не поймем его – успокаиваться рано. А раз так, то и забывать о нём ни в коем случае нельзя!

Смехачи согласно загукали в ответ.

Ближе к вечеру раненых перетащили в дом на самодельных носилках. Здесь уже всё было приготовлено для правильного лечения и заботливого ухода. Чистые простыни, удобные лежаки и, конечно же, четырехразовое питание. Состояние большинства пациентов не вызывало опасений, но вот Старый Крак так и не пришёл в себя. Его осторожно подняли наверх и поместили в отдельную комнату, подальше от суеты и гама.

– Ему сейчас необходим крепкий сон и длительный покой, – объяснил Велizarий. Он почти неотлучно находился около друга. Кризис ещё не миновал, и помощь могла понадобиться в любой момент.

А со зверушками не было никакого сладу. Если бы не Сорока, то друзья ни-почем не управились бы с ними. То и дело то в одном, то в другом конце дома был слышен дребезжащий голосок Белобоки:

– Вот я вас, озорники! Опять устроили кучу малу. Эдак вы разбудите домовика-боровика, он вас ка-ак схватит и ка-ак унесёт в подпол! Ну-ка, на улицу, шагом марш!

Или.

– Отбой! Отбой, кому я сказала! Разойтись! Что ж вы, негодники, творите? Кто это подушку по полу растряс, я вас спрашиваю? А кто это там висит на занавеске? Ах, это ты, бурундучок. Вот я твоей маме-бурундучихе пожалуюсь! Уж она-то тебя проучит, как следует!

После грозных окриков Сороки в доме ненадолго устанавливалась тишина. До тех пор, пока кто-нибудь из малышни не придумывал новую забаву. Сорока была прирожденная воспитательница, хотя и строгая. Частенько у неё проскальзывали командирские словечки, которых она нахваталась у беренде-евских вояк. Такая уж у Белобоки была натура – подражать. Да, кстати. Ве-

лизарий притащил ей перья, содранные со злых отворотов, и теперь она щеголяла с длинным чёрным хвостом, в котором недоставало теперь всего-то одного-двух пёрышек!

А уж какую заботу она проявляла о Филине!

– Ну, скушай, милоч, ещё немножечко, – ласково уговаривала его Сорока и совала под нос очередную ложку. Тот в ответ только страшно пучил глаза, а в его груди что-то гулко kloкотало. Филин был настолько туго перебинтован, что не в силах был даже повернуть голову. Он был бы рад избавиться от такой навязчивой опеки, но не мог этого сделать. А Сорока ничего не замечала и с увлечением продолжала потчевать беднягу:

– Смотри, какая кашка знатная! Давай ещё ложечку...

Веснушка то и дело прыскал в уголке от смеха, наблюдая за ними.

– Ты ещё скажи – за бабушку, за дедушку, – подзадоривал он Белобоку.

– А ты не скалься, не скалься, безобразник, над старшими, – огрызнулась та, – видно, мало тебя в детстве учили уму-разуму! Ступай лучше, посуду помой. А то толку тут от тебя никакого нет. Одни шуточки-прибауточки на уме!

– И правильно! – поддержала её Белочка. – Иди-ка ты, Веснушка, на кухню и займись чем-нибудь полезным.

– Ну, что вы в самом деле, – надулся тот, – уже и пошутить нельзя.

– Шутить будешь, когда на лбу рога вырастут, – отрезала Сорока. – Вот уж тогда я вдоволь посмеюсь над тобой.

– Рога? Какие рога? – растерянно переспросил Веснушка и невольно ухватился за голову.

Все так и попадали со смеху! Умникс смущённо огляделся и, в отчаянии махнув рукой, выскочил вон. Сорока из озорства заулюлюкала ему вслед, и от нового приступа хохота, казалось, обрушатся стены...

Глава четырнадцатая. Берендей появляется вновь

Прошёл день, второй, третий... Все были заняты повседневными делами. Окрестности понемногу освобождались от следов вражеского нашествия. Был уничтожен жертвенный столб, а чёрные камни зарыты глубоко в песок. Выжженную поляну перекопали и засеяли одуванчиками. Толпек с друзьями трудились, не покладая рук, чтобы прежняя жизнь полностью вступила в свои права: расчищали заваленные проходы, засыпали землей ямы-ловушки. В некоторых из них на дне торчали заостренные колья. Просто ужас! Лесные жилища понемногу приходили в порядок, но вот бобровые хатки пока так и стояли полуразрушенными. Все рассудили, что бобры вернутся и сами прекрасно справятся с ремонтом. Да и плотину заодно приведут в порядок. Через несколько дней почти ничто не напоминало, что совсем недавно здесь бесчинствовали завоеватели.

Однажды утром Велизарий придумал, как избавиться от болотного гнуса. Он смастерил меха, набрал помощников и отправился на болото. На берегу они разожгли большой костёр, и мехами стали выдувать дым в сторону трясины.

– Давай-давай, поднажми! – подбадривал кот.

Вскоре болото окуталось густой едкой завесой. Комары терпели-терпели, но не выдержали и взмыли с насиженных мест. Ах, как же им было несладко! Дым разъедал глаза, забивался в хоботки, мутил рассудок. Многие комары сразу попадали вниз, так и не успев вдохнуть свежего воздуха. Другие успели разлететься кто куда искать себе новое пристанище.

Лес стал оживать. Зазеленела трава, захиревшая было без солнца, распустилась листва, расцвели яркие цветы. Откуда-то появились певчие птицы, и всё вокруг наполнилось звонкими трелями. Почти сразу в родной лес начали возвращаться прежние обитатели. То-то было радости и веселья, когда родители и малыши, потерявшие когда-то друг друга, встречались вновь! Сколько счастливых слёз пролилось, сколько родных сердец воссоединилось! Наступило благодатное время!

Долгими вечерами все усаживались в тесный круг, и Велизарий рассказывал какую-нибудь занимательную (и познавательную) историю. Оказалось, что он знает их великое множество. А Барсук (вот уж никто бы не подумал!) был мастак рассказывать сказки. Малыши часто просили его об этом, и он никогда не отказывал им. Даже взрослые с удовольствием слушали его. Да и как можно было не послушать такого умелого рассказчика? Вот, например, одна из таких сказок. Выглядело это примерно так:

«Давным-давно это было, скажу я вам. Когда и меня на свете ещё не было. Да что там говорить – даже бабушка Старого Крака ещё не родилась»...

– О-о-о! – изумлялись самые маленькие. Они и представить себе не могли такой древности.

А Барсук с хитринкой оглядывал присутствующих и после паузы продолжал:

«...Жили тогда все звери в мире и согласии. Никто ни с кем не ссорился, не ругался. Даже и по пустякам. А уж до серьёзных обид дело и давно не доходило. Всего было в изобилии. Тут тебе и сочная трава, и душистый мёд, и спелые плоды и ягоды. Я уж не говорю о грибах и орехах!

А уж какие все вежливые и обходительные были! Идет, к примеру, Зайчиха, а навстречу ей Крот.

– Доброе утро, господин Крот! Как сегодня поживает ваш ревматизм?
– Ах, госпожа Зайчиха, даже и не вспоминайте. Совсем замучил проклятый!
– А я вот вам снадобья медового несу. Вы поясницу-то натрите им, вам и полегчает.

– Большое спасибо! Право, не знаю, как и благодарить вас.
– Да что вы, что вы, господин Крот! Выздоровливайте поскорей.

Словом, всё было хорошо. Но вот однажды в далеком море-океане появилась большущая-пребольшущая рыба-кит. И вот, значит, это чудище от вредности своей вздумало выпить всю воду на земле. Чтоб значит, все погибли от жажды, и только оно одно бы и осталось. Сказано – сделано. Разинуло оно свой огромный рот и втянуло в себя весь океан, а в придачу все озера, реки и ручьи с ручейками.

Пропала вода, пересохли колодцы, даже с неба ни капельки не падает. Ой, как взвыли тут звери по всей земле от тоски и горя. Как же им теперь без водицы-матушки! Даже старая Черепаха сморщилась, словно печёное яблоко. Нигде и никому не было спасения от великой жажды!

Собрались тогда все под могучим дубом и стали думать, как от напасти избавиться, да как рыбу-кита заставить воду обратно отдать? Много поначалу было пустых разговоров, каждый старался друг дружку перекричать, и не было толку от такого собрания. Но постепенно все успокоились и решили по совету Осла послать к рыбине Слона.

– Слон самый большой из нас, а значит и самый питательный, – толковал Осёл. – Увидит его чудо-юдо и подумает, что мы хотим сделать подарок. Может, сжалится тогда оно над нами и вернёт нам воду? Хоть немного. Глядишь, и не пропадём!

Конечно, не все были согласны с Ослом, да что делать? Или всем погибать или Слону одному.

Вот и пошёл бедный Слон к чудовищной рыбе на поклон. Долго ли, коротко ли он брёл, но дошёл, наконец. Видит – лежит огромная рыба-кит и чешет необъятное брюхо. Делать-то ей было больше нечего. Это она раньше плавала туда-сюда, а теперь вот застряла на песке без воды. Скучно ей. Заметила она Слона и выпучила глазищи:

– Эге,– обрадовалась она,– никак завтрак явился! Давненько я ничего не ела, вот сейчас подкреплюсь. Ты давай-ка, подойди поближе. Вот с этого бока. Мне так сподручнее будет.

Только примерилась рыба-кит к нему, ан нет! И Слон большой, и она слишком неповоротливая стала. И так, и сяк пыталась она схватить его, а всё никак. Вода в брюхе бултыхается, развернуться не дает. Делать нечего. Раскрыла рыба пасть, и хлынула оттуда вода гигантским водопадом. Сразу наполнились все моря, озёра и реки. Да только и сама рыба сдулась, как резиновый шарик. А Слон – вот он, рядом. Стоит, ногами в дно упёрся. Но близок локоток, да не укусишь! Выставил Слон бивни и кружит на месте, рыбину к себе не подпускает. А та позеленела от злости, плавает вокруг него, а достать не может! Мала стала. А Слон знай набирает в хобот воду и брызжет в ту сторону, откуда она особенно насеждает. Далеко летят брызги, а там, куда они падают, мои дорогие, проливается с неба дождик. Так что, если ливень вас застанет, то знайте – далеко-далеко идёт в этот миг жестокая схватка между Слоном и Китом. Но вы не бойтесь – ни за что Киту не победить Слона. Сил у того ещё много...»,– заканчивал Барсук.

Долго ещё шебуршились после Барсучьих сказок малыши. Но затем костёр догорал, и все шли укладываться спать. Толпек, как всегда, перед сном зашёл проведать Крака. Тот уже начал выздоравливать, но пока был слаб и разговаривал с трудом.

– Спокойной ночи тебе, Крак. Надеюсь, завтра ты будешь чувствовать себя ещё лучше.

– Не знаю Толпек, не знаю. Но надеюсь! Велизарий так заботится обо мне, что я наверняка выкарабкаюсь,– улыбнулся в ответ Ворон и прикрыл глаза.

Толпек вышел, тихонько закрыл за собой дверь, немного постоял на пороге и пошёл к себе. На следующий день он собирался навестить Великана. Как он там? Веснушка говорил, что сегодня издали слышал, как тот всё ещё охает. Но сколько это может продолжаться? Тем более, что туман больше не укрывал Великана от солнца. «Завтра утром всё выясню»,– решил Толпек и, скинув башмаки, упал спать. Через минуту он уже видел первые сны.

Веснушку беспокоили несколько иные заботы. С некоторых пор он заметил, что Смехачи стали необыкновенно задумчивы и молчаливы. «Что бы это значило?» – терялся он в догадках. Вроде бы никаких причин для этого не было. Раненые сородичи быстро шли на поправку, еды было вдоволь, в том числе и полюбившегося им козьего сыра. Здешние жители, благодарные за помощь, готовы были таскать их на руках и выполнить любую прихоть. Но Смехачи ходят, как в воду опущенные. Что-то не то...

На следующий день всё прояснилось. Выйдя спозаранку из лагеря, друзья отправились к Великану. Когда они, наконец, продрались сквозь последнее заросли, то оторопели! Хотя все так же оставалось по-прежнему, так же вокруг шумел самый обычный лес, но только Великан изменился неузнаваемо.

Его и Великаном-то уже можно было назвать с большой натяжкой. Хотите верьте, хотите нет, но только он уменьшился в размерах раза в два!

«Совсем как в сказке у Барсука», – подумал Толпек и подошёл поближе. Великан и сейчас был громадным, но куда там до прежнего. Пузатый живот неожиданным образом исчез, руки и ноги стали тоньше и короче, но ладони и ступни как-будто изменились не так сильно. Нижняя челюсть стала заметно выдаваться вперед, а лоб, наоборот, скосился назад и сузился.

– Вот это да! – присвистнул Веснушка и в изумлении уставился на лицо Великана. – Режьте меня на кусочки, – вскрикнул он, – но это же вылитый Смехач! Только чуток побольше и поглубже. А так – один к одному!

Все кинулись рассматривать Великана и вскоре оживленно загалдели, обсуждая невероятное открытие.

– Видимо, – надрылся Умникс, – без колдовства тут дело не обошлось!

– Мать моя, Барсучиха! – голосил Барсук. – Кто бы мог подумать, елки-палки, что такое может быть!

И лишь один Смехач-воздухоплаватель сохранял спокойствие. Кое-какие мысли по этому поводу у него имелись. Но он предпочёл держать их при себе. Остальные Смехачи стояли поодаль и никак не выражали своих чувств. Они давно заметили странное превращение Великана, но пока выжидали и ничего не говорили. Толпек обернулся к Велизарию.

– А ведь похож, правда. Что происходит? Ты-то сам что думаешь про всё это?

Тот лишь пожал плечами.

– Честно говоря, даже и не знаю. Мне эта загадка пока не по зубам. Нам остаётся только ждать. Чуть позже увидим, что будет.

Все разбрелись по лагерю и занялись своими делами. А Толпек с Велизарием тем временем направились на другой конец леса – разведать, что там и как. Обсуждая утреннюю новость, они потихоньку брели, пока не вышли на дальнюю опушку. Деревья здесь росли значительно реже, в основном, осинки да боярышник. Дубы и вязы тут уже не попадались. Дышалось здесь свободно. Может быть, потому, что туман сюда почти не доставал, а разбойники в этот перелесок почти не совались? Друзья вышли на опушку. Овраги, холмы, пустоши, кущи ивняка... В голубоватой дымке вдаль виднелись покатые горы. Отрадная картина! Толпек глубоко вдохнул:

– Как же всё-таки хотелось бы повидать мир, – признался он.

Кот понимающе усмехнулся:

– Да. Земля полна чудес. Немало мест, где я побывал, но вот что скажу, мой юный друг. Милее своего дома ничего на свете не найдёшь. И как бы далеко не забрался, всё равно твоё сердце будет всегда стремиться домой.

– Что верно, то верно, – согласился Толпек, припомнив свою родимую сторонку. Он на миг взгрустнул, но тут же взял себя в руки.

– Но ничего, – продолжал кот. – Вот управимся с делами, и на следующий год, я думаю, обязательно отправимся в путешествие. Ох, и многое же ты увидишь и узнаешь! – пообещал он.

Толпек восторгнулся:

– А почему только я? Мы ведь с собой и Веснушку возьмем, и Жулю, и тётушку Хлою...

– Всех, всех, – улыбаясь, подтвердил Велизарий. – Ты не беспокойся, никого не забудем!

– А меня вы не забыли?! – вдруг совсем рядом раздался скрипучий голос. – А я вот про вас каждую минуточку помню. Прямо так припоминаю, что даже во сне зубами скрежещу.

Толпек обернулся и от неожиданности чуть не упал.

– Берендей?!!

– А кто ж ещё! – ухмыльнулся тот, вылезая из зарослей боярышника. А вслед за ним с десятков поджарых острозубых лисов!

«Как же глупо мы попались!» – пронеслось в голове у Толпека. Он беспомощно огляделся вокруг.

– Что же вы, мои дорогие, не радуетесь встрече с давним приятелем? – пропел Берендей, вразвалку приближаясь к ним. – Что, не ожидали меня тут встретить? А вот пришлось. Мы вас давно заметили, а вы, ротозеи, и не подозревали. Сперва я опасался, что вы не одни, – тут он мерзко рассмеялся. – А оказывается, так оно и есть. Совсем сбросили вы со счетов Берендея, совсем. Да рановато. Думали, что я больше ни на что не способен? Ошибаетесь! И за свою ошибку дорого поплатитесь!

Лисы между тем окружили Толпека с Велизарием и теперь ждали отмашки атамана, чтобы накинуться на них и растерзать. Но Берендей не спешил:

– Ты, Велизарий, вижу, растерял былую хватку. Постарел же ты, однако, постарел... И пузырей волшебных у тебя больше нет – были, да все и вышли. Думаешь, я не знаю? Ха-ха-ха! Да и эти, – он кивнул на свою ватагу, – не чета тем горе-воjakам, которых вам удалось победить. Это прирождённые охотники. Настоящие головорезы! И последнее слово, я уверен, будет за нами!

– Ку-ку, – раздалось неподалеку. Берендей осклабился и приложил лапу к уху:

– Кукушка, кукушка, погадай, сколько осталось жить вот этим двум бедолагам?

Тишина.

Берендей удовлетворенно хмыкнул и почесал себя по щеке.

– Вот видите.

– Ку-ку, ку-ку, ку-ку, – разнеслось среди осин. – Ку-ку, ку-ку...

Чёрный кот недовольно скривился.

– Ку-ку, ку-ку... грх... – «кукушка» неожиданно поперхнулась и закашлялась. А потом заговорила вполне нормальным человеческим голосом:

– Сдавайся, Берендей! И вы, рыжие, тоже!

Котяра поначалу онемел, но, узнав тенорок Веснушки, от души расхохотался:

– Эй ты, мелюзга, подгребай сюда, мы и тебя заодно прихлопнем. И шляпу твою изорвём и пустим по ветру.

Лучше бы он этого не говорил.

Сразу с трёх сторон в его банду полетели увесистые булыжники.

– Ой! – вскрикнул одноухий молодой лис. Камень попал ему точно в лоб, и он свалился в траву. Нескольким его сородичам тоже перепало. Кое-кто ки-

нулся навстречу камнепаду, а кто-то затаился между молодых стволов. Но нигде не было спасения от обстрела. Это здорово бесило. Ладно бы, встретиться с врагом лицом к лицу в чистом поле. А тут попробуй, пойми – где он?!

– ШМЯК! ШМЯК!

Бомбёжка не прекращалась ни на мгновение. Лисам при этом досталось не на шутку. То один, то другой из них получал увесистую оплеуху. ШМЯК! ШМЯК! Тут и толстокожий бегемот не выдержал бы. Ну, уж нет! С них довольно! Поджав хвосты, визжащие лисы бросились наутёк под залиvistый свист Веснушки. И с этих пор рыжих разбойников здесь больше никто никогда не видел.

Велизарий тоже времени даром не терял. Едва началась заваруха, он подобрался и, словно коршун, налетел на Берендея.

– Теперь-то ты от меня не уйдешь! – прорычал он и сжал противника стальной хваткой. Берендей истошно завопил. Он пытался сопротивляться. Но куда там! Всего-то и успел, что залепить пощёчину своему противнику, и тут же захит.

Когда последний лис скатился в овраг и удрал, из кустов появились Смехачи-пращники с Умниксом во главе. Тот продолжал держать рогатку и на всякий случай настороженно оглядывался по сторонам. Так, не торопясь, они вплотную подошли к Берендею. Тот был в панике. Униженно виляя хвостом, поверженный атаман со страхом смотрел на победителей. Друзья сурово молчали, и сердце Берендея наполнялось ужасом. Наконец, он не выдержал:

– Пощадите! Сжальтесь над бедным больным котом! Клянусь, я больше никогда не буду...

– Хватит! – перебил его Веснушка. – Хоть бы постеснялся... Бедный больной кот... Никто тебя сейчас не тронет. А вот что будет с тобой потом – это мы решим позже. Посоветуемся и решим. Не так ли?

Все, кто стоял рядом, согласно кивнули.

– А где зеркальце? – вмешался Толпек. – Куда ты его дел?

– Вот оно, вот оно, – суетливо завозился Берендей и откуда-то из-за пазухи вытащил зеркальце тётушки Хлои.

Толпек взял вещицу и покрутил в руках.

– Вроде, оно, – заключил он и засунул зеркало в карман.

Смехачи проворно связали Берендея и напряжение спало. Теперь можно было не опасаться сюрпризов чёрного кота. И Толпек смог, наконец, обратиться к Веснушке:

– Откуда ты взялся? Как ты догадался, что мы нарвёмся на засаду?

Умникс пожевал травинку, посмотрел на чистое небо и сплюнул сквозь зубы:

– Старые уроки не проходят даром. Я уже ошибался и решил не допустить, чтобы и вы сделали то же. Вот я и прикинул: «Зря они махнули в ту сторону одни. Мало ли что там может приключиться, ведь Берендей пока ещё на свободе». А тут и ребята мне шепнули, – он кивнул на Смехачей, – что заметили на той окраине странные рыжие пятна. Правда, они не придали этому никакого значения, откуда им знать про лис, и чего от них ожидать. Но мне-то известно, кто они есть на самом деле. Вот я и подумал...

– Что здесь нас наверняка ожидает «приятная» встреча, – закончил Толпек. Веснушка опять сплюнул. Утвердительно так сплюнул.

Теперь всё стало понятно. Да-а, если бы не прозорливость друга! Толпек невольно поежился.

– Молодец, Веснушка, – подал голос Велизарий. – Сегодня ты поступил, как настоящий разведчик. Это я говорю не потому, что ты нас спас, а потому, что ты вёл себя как бывалый воин.

Умникс от неожиданной похвалы, да ещё от кого – от самого Велизария! – покраснел как помидор.

– Да какой из меня разведчик? – запинаясь, пробормотал он. – Я и читаю-то только по слогам.

– Ну, это не беда, научишься. Для воина же главное – смекалка, отвага и честь!

Смехачи одобрительно загалдели и начали легонько похлопывать Веснушку по плечам. Тот засмутился и не знал, куда деться от такого внимания. На помощь ему поспешил Толпек:

– Давайте-ка, друзья, домой. А то я жду не дожусь, когда же увижу Берендея за крепким запором.

– Угу, гу-гу, – взревели Смехачи, и вся компания отправилась в обратный путь.

Невдалеке от хижины была заметна оживлённая возня. Весть о пленении главного врага благодаря Смехачам уже обогнала их, и жители леса начали праздновать победу. Гомонящая толпа сгрудилась во дворе и с нетерпением ожидала возвращения победителей. Смехачи всю дорогу издавали торжествующие вопли, раздающиеся на весь лес. Для кого-то их крики лишь бессмысленная тарабарщина. Но на самом деле это целый язык, в котором каждый вопль – слово или даже предложение. Вот все и услышали последние новости и разнесли их по округе.

Едва друзья с пленником вошли в ворота, как сразу всё стихло. Сотни глаз впились в поникшую фигуру бывшего тирана. Они словно иглы пронзали его насквозь, и от этого идти Берендею становилось всё тяжелее и тяжелее. Он сгорбился и уткнул взгляд в землю. Первой не выдержала кумушка Сорока. Растолкав передние ряды здоровым плечом, она выскочила вперёд и, подболевшись, встала перед котом:

– Ага! Попался, злодей! Конец пришел твоей власти! Посмотри на себя – пустое место от тебя осталось! Сколько горя ты принёс, вот теперь за всё и ответишь!

Толпа угрожающе зарокотала и придвинулась ближе. Веснушка поднял руку:

– Стойте! Нельзя устраивать самосуд. Всё должно быть по закону. А пока отведём его в подвал.

– Верно! – заволновалась толпа. – Точно! В темницу его, самое ему там место! Гей-гей, долой Берендея!

Берендея отправили в подвал. Накрепко закрыли дверь, и по обеим её сторонам поставили бдительных охранников. Теперь разбойничьего предводителя уже ничто не могло спасти.

Глава пятнадцатая. Рассказ Старого Крака

Вечером у Старого Крака собралась большая дружная компания. Толпек, Велизарий, Умникс, Белочка Жуля, Барсук, Смехач-воздухоплаватель и вездесущая Сорока. Сегодня Ворон чувствовал себя немного лучше. Время от времени он откидывался на взбитую подушку и, закрыв глаза, о чём-то размышлял.

Друзья сбились в тесный кружок и заворожённо глядели на разгорающийся огонь в камине. По стенам заструились причудливые тени, дохнуло теплом, и комната наполнилась почти домашним уютом. Прихлёбывая из кружки горячий чай, Толпек блаженно отдыхал, привалившись к Веснушке. А тот старательно разучивал новый мотивчик, выбивая его на собственных зубах. Но это у него плохо получалось: поленья в камине часто стреляли и сбивали с ритма.

– А-а-ау-ув, – громко зевнула Сорока и поднялась с ковра. – Пойду-ка проведу Филина. Может, ему надо чего? – она бесцеремонно перешагнула через Велизария и ушла. Веснушка, наконец, умолк. Стало совсем тихо. Крак от-

крыл глаза и обвёл отрешённым взором присутствующих. Прокашлялся и прокрипел:

– Давненько же я не находился в таком многочисленном обществе, давненько. Вот смотрю я на вас и удивляюсь: как же у вас хватило мужества и сноровки справиться с таким опасным врагом? Я говорю не о Великане, нет. О Берендее! Это ведь совсем не простой противник. Но, впрочем, об этом лучше расскажет Велизарий. А?

Белый кот приподнялся:

– Что верно, то верно. Таких, как Берендей, голыми руками не возьмёшь. А ведь когда-то он был моим учеником!

Все ошарашенно уставились на Велизария. Не может быть! Чтобы у Велизария было что-то общее с таким ужасным негодяем, как Берендей!

– Да, да, – подтвердил кот. – Так оно и есть. Ведь я являюсь настоятелем школы Белой Цапли. Главная цель нашего учения – поиск истинного смысла и борьба с мраком невежества и глупости. Это очень трудное дело, а поэтому без помощи магии здесь никак не обойтись. Тот, кто прошёл все ступени обучения и овладел всеми секретами, посвящается в звание настоящего мастера-«шувалака». Как, например, я или мой дружище Крак. Нелегко носить это бремя, ведь если ты посвятил себя добру, то всегда должен стоять на пути зла. Не каждому под силу такая ноша. Берендей был отличным учеником и должен был в скором будущем стать нашим верным соратником. Никто старательнее его не вникал в азы мастерства, никто с таким усердием не корпел над древними манускриптами. Учителя не могли нахвалиться на способного молодого «шулака»-ученика. Но, видно, была в нём какая-то скрытая древоточина, которая разрасталась всё больше и больше. К последней ступени обучения у него совсем не осталось друзей среди наших учеников. Товарищи сторонились Берендея из-за его высокомерного нрава и вызывающего поведения. Это не могло укрыться от меня, ведь будущий шувалак обязан быть скромным и доброжелательно относиться к окружающим. Я вызвал его к себе, но Берендей просто выслушал меня, а внутри остался таким же, как и раньше. Но такое не могло длиться вечно. Однажды он оскорбил нашего привратника и наслал на него заклятие, вызывающее бешеный зуд. После этого вопиющего случая Совет постановил изгнать Берендея из школы.

Он покинул наши стены, так и не успев стать шувалаком, хотя стремился к этому много лет. На наше счастье, он не успел до конца овладеть самыми главными секретами. Не знаю, где он потом скитался, полный злобы и ненависти, но за это время успел поднабраться разных хитростей, которые и помогли ему встать во главе всякого сброда. А самое удивительное, он умудрился очаровать Великана и заставил его служить себе! Где он его разыскал и как опутал чарами – история, покрытая мраком...

– А с этим Великаном и в самом деле удивительная история, – подхватил Крак. – Долго я размышлял об этом, и вот что думаю. – Ворон прокашлялся и продолжил:

«Давным-давно водились в этих краях Великаны. Да-да. Жили они в пещере на той горе, где сейчас живут Смехачи. Привольно им там было, да только пропитания не хватало. А наружу выйти боязно. Солнечные лучи больно обжигали кожу, несмотря на то, что она была толстая и жёсткая. А глаза Великанов совсем не выносили солнца. Конечно, у них в пещере был свет, но совсем другой. Мерцающее сияние исходило от семи огромных изумрудов, вкраплённых в

скалу на самом верху подземелья. И прекраснее этих камней не было ничего на свете. Любовались на них Великаны, и налюбоваться не могли. Скрашивали им жизнь эти изумруды. В безлунные ночи Великаны вылезали на склон горы и бродили в поисках пищи по окрестностям. Да уж больно неуклюжи были. Бывало, идет Великан по лесу и ненароком то берлогу разворотит, то гнездовье порушит. Словом, не рады были здешние обитатели такому соседству. А что поделаешь? Всё бы так и продолжалось, но однажды возле пещеры появился отряд гномов. И, разумеется, тут же забрался внутрь, а там узрел чудесные изумруды... Обнаружив такое сокровище, захотели гномы заполучить их больше всего на свете. Что там было дальше: украли гномы те изумруды или обма-

ном захватили их – про то мне неизвестно. Но только с тех пор пещера погрузилась во мрак. Шарили Великаны в кромешной тьме по стенам, набивали себе синяки и шишки о низкие своды, в кровь раздирали локти об острые выступы. В конце концов, выбирались они под открытое небо. Ночь тут переждут, а днём опять под землю, в темноту! Кому такое понравится? Вот и решили несколько молодых да смелых Великанов идти вдогонку за вероломными гномами и вернуть изумруды обратно. Отправились они в путь, да и... сгнули по дороге. Только один из них сумел-таки добраться до ближайшей горы, где обнаружил пещеру, воздух которой был весь пропитан испарениями горячего подземного источника. Рухнул он и заснул крепким сном на века. Ведь вода в том источнике была не простая, а усыпительная. Так и спал бы Великан, да только пересох источник. Пробудился Великан, и как раз в это время в пещеру заявился Берендей: окрутил, охмурил, заставил плясать под свою дудку. Но это было уже позже. А пока шли года, оставшиеся Великаны стали потихоньку приспосабливаться к новой жизни. Хирели они от солнечного света, хотя и прятались от него за камнями. Съежались в клубок и сидят. Но все-таки им доставалось – сначала спина обгорала, потом всё остальное. Вот почему ладони и ступни у Смехачей такие большие, в последнюю очередь обжигали их безжалостные лучи. Да, да. Вы, наверное, и сами догадались, что Смехачи – это дальние потомки тех самых Великанов. Чего только не бывает на свете... И эта история тому подтверждение», – закончил Крак и стал раскуривать свою трубочку.

– Значит, и наш Великан рано или поздно станет Смехачом? – спросил Веснушка и сам себе ответил: – Ну, конечно! И как это я сразу не сообразил?

Толпек задумчиво крутил в руках зеркальце. От чего-то слезились глаза, но он не придавал этому никакого значения, так как был полностью увлечён своим занятием. Зеркало мерцало таинственным светом, отражая блики пламени. Старый Ворон заметил это и усмехнулся:

– А-а, знакомая вещичка, – и протянул руку. – Ну-ка, подай его мне. Да. Не предполагал я, что это зеркальце окажется такой занятной штучкой, когда нашёл его на дне высохшего озера. Конечно, погоду оно умеет предсказывать, но эка невидаль. Мои старые кости это умеют делать ничуть не хуже. Всегда к непогоде ноют. А вот чтобы с его помощью Берендей вызвал туман, этого я никак не ожидал.

– Разве туман возник из-за этого зеркальца? – изумилась Жуля.

– А как ты думала, – вмешался Велизарий. – Видно, Берендей прознал об этом его свойстве и ре-

шил использовать в своих целях. Сварганил колдовское зелье, заварил в котле, а зеркало повесил прямо над ним. Оно и запотело! А стало быть, и появился туман! И так день за днём. А так как влага скапливалась только на поверхности зеркала, то и туман был только наверху, а вниз не проникал. Вот и вся разгадка этого необычного ат-мо-сфер-но-го явления, – по слогам объяснил он.

– А зачем этот туман был нужен? – встряла вернувшаяся Сорока.

– Ну, это и ежу понятно, – хмыкнул кот. – Великан-то, он ведь солнца не любит, а под туманной завесой он вольготно себя чувствовал. Да и ящерицы со змеями тоже яркий свет не жалуют. Берендей, убегая от нас, захватил зеркальце с собой, оно понемногу и высохло. Вот поэтому туман и рассеялся.

– Кстати, – оживился Толпек и повернулся к Барсуку. – А что это за место такое в лесу, где всё так и норовит согнуться, скрутиться, переплестись? Все деревья там такие стоят.

– Да так испокон веков было, – пожал тот плечами. – Мы уже и внимание перестали обращать на это. Только стараемся туда не заходить. Мало ли что...

– А-а, – протянул Толпек. – Понятно.

Больше никто не проронил ни слова. Дрова в камине мирно потрескивали и всем было хорошо.

Глава шестнадцатая. Чудесное исцеление

Наутро Толпек проснулся бодрым и свежим. Он сладко потянулся и легко вскочил с постели. «Однако, неплохое начало дня», – подумал он. Ночью его не беспокоили кошмары, и он счёл это добрым знаком. Ноющая боль в затылке, которая беспокоила по утрам после встречи с огромной змеей, исчезла. Для верности он даже покрутил шеей, подвигал плечами. Нет, все нормально.

– Что ж это, я совсем выздоровел? – сам себя спросил Толпек и задумался.

Нет, тут что-то не так. Не мог он самостоятельно так быстро вылечиться. Барсук говорил, что пройдёт ещё немало времени, прежде чем он окончательно избавится от последствий ужасного гипнотического взгляда. Так в чём же дело? «Проверю-ка все до конца», – решил он и усилием воли заставил себя вспомнить ту роковую встречу. Ничего. Он даже не побледнел. А раньше бы обязательно грохнулся в обморок. Толпек постоял-постоял, а потом пошёл к Веснушке поделиться своими новыми ощущениями и спросить совета. Тот обрадовался:

– Да это же замечательно! – хлопнул он друга по спине. – Оклемался, значит, порядок. А как – да какая разница? Не забивай ты себе голову пустяками, других дел по горло.

– Нет, Веснушка. Что-то подсказывает мне, что разгадка исцеления где-то рядом. И я должен отыскать её! Ведь вспомни – у нас же есть кум Енот и десятки других горемык. Вот было бы здорово, если бы они тоже вылечились, и к ним вернулась бы память.

Веснушка посерьёзnel:

– А ведь верно. Ты, как всегда, попал в самую точку. Те бедняги словно в воду опущенные лежат и целыми сутками в потолок пялятся. Даже ложку сами ко рту поднести не могут. Уж Сорока с ними намучилась!

– Вот-вот. А вдруг мы сможем им помочь? Понимаешь?

– Я-то понимаю. Но только какая от меня польза? Как же я могу догадаться, почему ты вдруг «БАЦ!» и как огурчик!

– Ну, одна голова – хорошо, а две – лучше.

– Толпек, тогда я весь в твоём распоряжении.

– Значит, так. Начнём с начала. Вчера днём я не был здоров, это точно. То есть, этот самый «БАЦ!» приключился не тогда. А что мы вчера делали?

– Погоди, дай вспомню... Ага... С самого утра мы ходили в лес к Великану.

– Ты там ничего такого подозрительного не заметил?

– Да вроде нет. Конечно, кроме того, что тот...

– Знаю, знаю. А дальше?

– Потом вы с Велизарием пошли на другой край леса и там...

– Помню, Веснушка, помню. Там мы взяли в плен Берендея.

– Ну, да. И ещё ты забрал у него зеркальце.

– Стоп. Зеркальце? Зеркальце... – Толпек надолго замолчал, а потом медленно повернулся к Веснушке. – А не в зеркальце ли всё дело? Я смотрелся в него, а потом всю хворобу как рукой и сняло.

Умникс даже подпрыгнул от возбуждения:

– Точно! Толпек, как пить дать, это оно тебе помогло. Оно ведь не простое, это ещё Велизарий говорил. Ну, ты и голова! А ты говорил «две – лучше». Моей здесь даже и не потребовалось, – и Веснушка потрогал себя за макушку.

Толпек усмехнулся и достал зеркальце:

– Айда, проверим! Только, чур, пока никому ни слова.

– Да ты что! Я буду нем, как рыба.

Друзья вприпрыжку побежали на другой конец дома. У нужной комнаты Толпек зажмурился и до боли сжал кулаки: «Хоть бы получилось, хоть бы получилось!». Потом он резко выдохнул и, настежь распахнув дверь, шагнул внутрь. Веснушка за ним. Больничная палата представляла собой печальное зрелище. На кроватях словно мумии застыли обречённые пациенты. Эти больные считались безнадёжными, они просто лежали неподвижно, и никто из них никак не от-

реагировал на вошедших.

Сердце Толпека испуганно ёкнуло, но он собрался с духом и храбро подошёл к первой койке с больным Дикобразом. Когда-то тот был здоров и полон сил. Мог день-деньской без усталости ворочать тяжести, расчищая тропинки для других зверей. А сейчас его стеклянный взгляд был устремлён в никуда... Толпек осторожно поднёс зеркальце к глазам Дикобраза и замер в мучительном ожидании. Прошла минута, вторая... седьмая... Всё осталось по-прежнему, ничего не изменилось. Но вдруг где-то в самой глубине зрачков вспыхнула живая искорка и глаза начали оживать. Мощное тело Дикобраза вздрогнуло, испарина покрыла лоб, из уголка правого глаза выступила огромная чёрная слеза. Она повисела-повисела и, словно нехотя, выкатилась наружу. Тут же из левого глаза появилась такая же капля, и тоже скатилась прочь. Дикобраз забился в судорогах, на губах выступила желтая пена.

– Держи его, Веснушка! – закричал напуганный Толпек, не отводя зеркальце от Дикобраза.

Тот запрыгнул сверху и попытался держать больного. Но ему это не удалось: Дикобраз дёрнулся, и Веснушка кубарем слетел на пол.

– Ах так! – и он снова вскочил на него.

Началась нешуточная борьба, и в самый её разгар из глаз больного хлынул целый поток мутной чернильной жидкости. Дикобраз вздрогнул ещё разок и затих. А потом... причмокнул губами, повернулся на правый бок и сладко засопел.

Изумлённый Умникс слез с кровати. Он был мокрый как мышь.

– Что это было?

– Не знаю, – ответил Толпек, рассматривая огромную кляксу на подушке.

– Но думаю, что это из него вышли злые чары. Вроде как мы с тобой его расколдовали...

– У-уф, – выдохнул Веснушка. – Ты как хочешь, но следующего я свяжу заранее. А то этот парень меня чуть не зашиб.

К обеду Толпек и Веснушка закончили своё важное дело и вышли из больницы.

Все недавно неизлечимые пациенты теперь спали спокойным здоровым сном. Друзьям пришлось повозиться только с кумом Енотом. Он сохранил спо-

способность двигаться и долго не давался Веснушке. Но, в общем, всё прошло благополучно, и сейчас оставалось только ждать, что получится. У приятелей разыгрался зверский аппетит, и они срочно отправились на кухню.

– Эй, повара, – с ходу закричал Веснушка, – чем нас сегодня травить будете? – он издали учуял вкусный аромат и уже представлял себе знатную трапезу. Но вместо этого получил поварёшкой по лбу!

– Ты, Умникс, не сильно-то умничай! – сердилась Белочка, примериваясь для второй затрешины. – Это кто здесь кого травить собирается! Мы тут, понимаешь, стараемся, готовим для вас, а он?! Во-первых, невесть где пропадает, Барсук его уже обыскался. А во-вторых, кто мне обещался с утра натаскать воды и нарубить хвороста? Не ты ли?

– Э-э, – пятился Веснушка, потирая шишку. – Ты полегче, полегче. Что ты так разбушевалась? Если хочешь знать, я сложа руки не сидел. Между прочим, мы с Толпеком...

– Гхм, – предостерегающе кашлянул тот и наступил ему на ногу.

– Ой, – взвыл Умникс. – Ты чего! – но, глянув на товарища, сразу осёкся.

– Жуля, ты прости меня, – взмолился он. – Совсем из головы вылетело. Не сердись! После завтрака я тебе всё обещанное вдвойне сделаю. Честное-пречестное слово. Клянусь!

– Ха, – пренебрежительно отмахнулась Белочка. – Нужен ты мне больно. Барсук уже со всем управился. А вот ты к нему сходи. Какое-то у него есть дело до тебя.

– Замётано,– обрадовался Веснушка и как ни в чём ни бывало плюхнулся на табуретку. – Ну! Что там у вас есть съедобного? Давайте всё! Да побольше, побольше. Я сейчас готов быка проглотить.

Жуля укоризненно покачала головой и поставила перед друзьями тарелки с жареными грибами. Едоки схватили ложки и мгновенно очистили их до дна. На сладкое был компот. Когда они, наконец, наелись, Толпек блаженно похлопал себя по животу и сказал:

– Кому как, а мне Жулина стряпня очень даже по душе. Недаром её учила сама тётушка Хлоя!

Белочка так и расцвела от похвалы.

– Не хотите добавки? – и она снова схватилась за поварешку.

Товарищи переглянулись и, не слова не говоря, опрометью выскочили на улицу. Но далеко бегать не стали, а просто уселись на крылечке. Солнышко припекало, и стало жарко.

– Пойдём в тенёк,– предложил Веснушка.

Они перешли на тенистую сторону. Лёжа на траве, приятели лениво ковырялись в зубах и смотрели на проплывающие облака. Изредка они перебрасывались короткими фразами.

– Хорошо!

– Ага.

– Вот всегда бы так.

– Ага.

Веснушка достал рогатку и пальнул в небо.

– Эх, до чего здоровская стрелялка,– цокнул он языком. – Вот братишки обзавидуются, когда увидят её... Придумал,– вдруг оживился непоседа,– я буду из неё шишки сбивать. А то приходится за каждой лазить по деревьям, коленки сдирать. А тут – раз и готово!

– Хорошая идея,– одобрил Толпек и передвинулся вслед за тенью.

Тут их и обнаружил Барсук. Он вышел из-за угла и обрадованно всплеснул руками:

– Веснушка, вот ты где! А я тебя уже битый час ищу. Думаю, куда он запропастился? А ты, оказывается, в тенёчке прохлаждаешься!

– Да вы что, сговорились все, что ли,– проворчал Веснушка, поднимаясь. – Только и слышу сегодня: «Куда ты пропал? Чего лентяйничаешь?». Ну, рассказывай, что там у тебя?

– Как «что у меня»?! – оторопел Барсук. – Мы же вчера договорились чинить воздушного змея! Ребятишки-то его нашли, только он сломанный. Вот они и просят починить, страсть им как поиграться с ним охота.

– Ах, да, точно,– хлопнул себя Веснушка по лбу и поморщился, попав в то же самое место, куда до этого заехала Жуля. – Да ты не сердись, Барсучище, починим мы змея. Будет детишкам потеха! – и, уже уходя, он озабоченно пробормотал: – Что-то память дырявая стала, будь она неладна!

Толпек повернулся на спину и только задремал, как к нему неслышно подкралась Сорока и ущипнула за шею:

– Вставай, лежебока. Пойдём, чего покажу.

– Ой, Сорока, прошу тебя, отстань. Поди, опять какая-нибудь чепуха взбрела тебе в голову, и носишься теперь с ней, покоя никому не даёшь.

– Ну, знаешь! – возмутилась кумушка. – Уж от кого, от кого, а от тебя я такого никак не ожидала. Ну-ка, скажи, когда я тебе какую-нибудь ерунду предлагала? Ну-ка? Чепуха! – фыркнула она и повернулась спиной: – Не хочешь, как хочешь!

– Подожди,– вскочил Толпек. – Это я так, не обращай внимания. Наверное, на солнце перегрелся, вот и мелю невесть что.

– Оно и видно,– смягчилась Белобока. – Ладно, чего уж там, с кем не бывает. Ну, пошли. – Она повела его к чёрному входу и остановилась у приставной лестницы, ведущей на чердак. – Залезай, не бойся, ступеньки крепкие.

Толпек послушно полез наверх. На чердаке было пыльно и сумрачно. Сверху, сквозь редкие щели пробивались солнечные лучи. В их свете плясали мириады мельчайших пылинок.

– Ап-чхи! – не сдержался Толпек и шагнул вперёд.

– Поаккуратнее там,– показалась в проёме Сорока. – Смотри, не наступи на что-нибудь.

Толпек замер и настороженно поглядел под ноги. Что тут такое могло быть? А Сорока обогнула его и уверенно зашагала к дальнему углу. Было очень пыльно, и почти ничего не было видно.

– Иди сюда,– шёпотом позвала она Толпека,– чего ты там застрял?

Толпек вытянул руки перед собой и, осторожно ступая, пошёл на голос. По пути он нащупал поперечную балку и подлез под неё. И тут же его башмак опустился на что-то мягкое и податливое, которое сразу же заурчало и шевельнулось. Вслед за этим словно жёсткой проволокой чиркнуло по колену.

– Ай,– испуганно вскрикнул Толпек. – А-а-ай! – Ноги сами запрыгнули на спасительную балку.

– Что такое?! – всполошилась Сорока. Она метнулась к чердачному оконцу и настежь распахнула его. Стало светлее.

Теперь Толпек, сидящий на балке, смог осмотреться, как следует. Зрелище было ужасающим. Вокруг, среди ошмётков козьей шерсти, бесформенными мохнатыми грудками валялись огромные пауки. Их длинные конечности были растопырены во все стороны. Над ухом прожужжала муха и уселась на паучье брюхо, усеянное жёсткими волосками. Уселась и спокойно принялась чистить лапки. Толпек слегка приободрился:

– Они что, дохлые? – спросил он.

– Ага, держи карман шире. Спят они. Дрыхнут. И кстати, давненько уже.

– Слушай... А ведь это твоя работа, Сорока! – немного погодя отозвался Толпек. – Это же ты их заодно со всеми отрубила сонным зельем.

– Да знаю,– отмахнулась та. – Теперь они до скончания веков почивать будут, ежели Велизарий не захочет с ними побеседовать и не разбудит каким-нибудь зельем. Да ну их, ты лучше вот сюда погляди.

Толпек перевёл взгляд в сторону Сороки и ахнул. В самом углу на перекладине был подвешен невообразимой красоты пуховый платок! Прекрасные симметричные узоры по краям гармонично вписывались в общий рисунок, создавая чудо. Но главное было не это.

Толпек соскочил вниз, вплотную подошёл к платку, ткнулся в него носом и замер. Он блаженно млел, перебирая пальцами мягчайшие завиточки. Козий пух согревал и приятно щекотал кожу. Это было настоящее рукотворное чудо! Пусть даже и сотканное пауками.

Нехотя оторвавшись от платка, Толпек отодвинулся и вдруг заметил, что работа, к сожалению, не была закончена. От недовязанного уголка прямо под ноги опускалась тоненькая пуховая нить. Он поднял оборванный конец нитки и огорчённо вздохнул. Кумушка перехватила его взгляд и понимающе хмыкнула:

– Я, конечно, не такой великий мастер, как эти, – она небрежно пнула ближайшую тушку паука. – Но думаю, что уж накинуть пару-тройку петель я сумела бы не хуже их.

– Да, – обрадовался Толпек и показал большой палец, – да, да! Хорошая у тебя будет накидка. Поздравляю.

– А почему ты решил, что я хочу взять её себе? – удивилась Белобока. – Я думала, что платок именно тебе придётся по душе.

– Мне?! – в свою очередь удивился Толпек. – На что он мне? Я сроду таких вещичек не носил, – он даже ухмыльнулся, – и не буду.

– А кто там постоянно поминает какую-то тётушку Хлою? – хитро прищурилась Белобока. – Уж она-то наверняка будет рада такой «вещичке»!

Тут до Толпека дошло! Уж как он кинулся обнимать Сороку!

– Ах ты, Сорока! Ах ты, хитрюга! Ведь знала же, знала, зачем меня сюда тащишь. Спасибо тебе огромное, век твоей щедрости не забуду.

– Да будет тебе, – отбивалась та. – Мы тоже благодарными быть умеем. Вы нас из беды не выручили, что ли? Вон из какого далёка сюда пожаловали. Мне кум Барсук всё рассказал!

Когда Толпек немного уgomонился, Сорока сняла с перекладки пуховую паутину и подобрала с полу клубок.

– К завтраму будет готово, – заверила она. – А теперь пошли отсюда. Что-то у меня от пыли нос зачесался.

Уже внизу Толпек спросил:

– Интересно, а для кого пауки вязали платок?

– Знамо для кого. Для Берендея, конечно. Знаешь, какие у него барские замашки! Ха, ты бы видел его перину!

Глава семнадцатая. Суд над разбойниками

Ближе к вечеру начался суд. Во дворе яблоку негде было упасть. Некоторые зрители даже взобрались на крышу, чтобы оттуда лучше наблюдать за происходящим. Кого тут только не было! Зайцы, бурндуки, ежи, куницы, хорьки, парочка кротов, выдриное семейство... Настоящее столпотворение!

Хохлатый удод важно восседал на секретарском месте и степенно очинял гусиное пёрышко. В здешних краях он был наипервейший грамотей. Чуть поодаль на пеньке стоял глупый тетерев и, вытянув шею, громко спрашивал:

- Тетёрку мою никто не видел? Не видел никто мою тетёрку?
- Да вон она, – показали ему из толпы куда-то вверх.

Тетерев обернулся и, к своему большому облегчению, обнаружил свою дражайшую половину, сидящую на печной трубе.

Обрадованный тетерев взлетел к ней и с трудом примостился рядом. Тетёрка скривилась и недовольно двинула крупным телом. Тетерев потерял равновесие и свалился прямо в дымоход. Когда он, весь перемазанный в саже, выбрался наружу, грянул смех.

– Ха-ха-ха, – неслось отовсюду. – Вот так тетерев! Вот так удружила тебе женушка!

Дородная тетёрка не выдержала насмешек. Она тяжело взмахнула крыльями и полетела прочь. Тетерев невозмутимо отряхнулся от сажи и устремился вслед за ней.

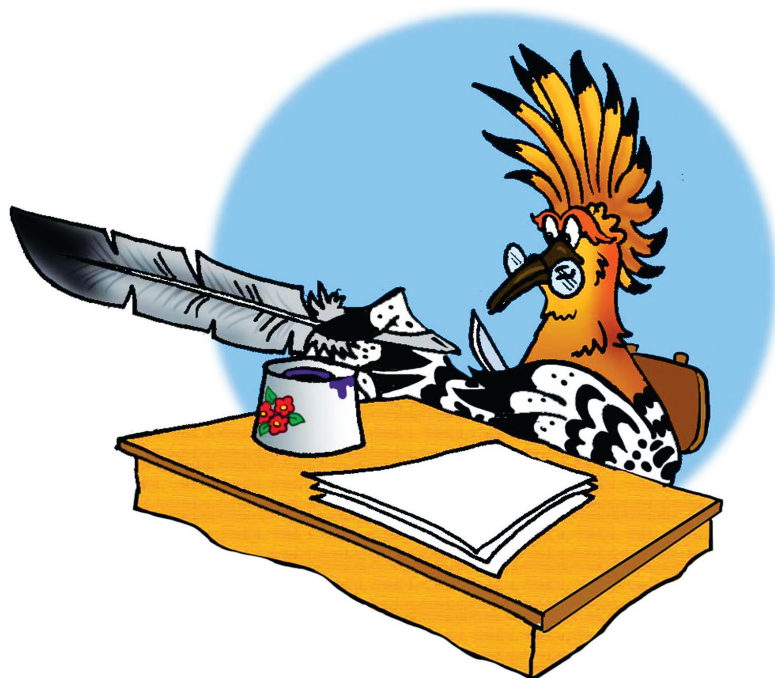
Но внезапно хохот смолк. На крыльцо вывели Берендея и его подручных. Разбойники уныло переминались с ноги на ногу и не смели поднять глаза. Лишь Берендей с вызовом глядел на толпу. За его спиной пряталась бесхвостая ящерица. Она нервно дёргалась туда-сюда и норовила забиться в самую гущу бывших соратников. Но они не пускали её и упрямо выталкивали наружу. Слово взял Велизарий. Он прокашлялся и выступил вперёд.

– Друзья! – начал он. – Сегодня мы все собрались здесь, чтобы решить дальнейшую участь этих... – он обернулся к обвиняемым и запнулся, подбирая подходящее выражение, – незваных гостей, – наконец нашёлся он, – и раз и навсегда поставить точку в печальной истории этого леса! Нет нужды перечислять все преступления этой шайки – вы их и так знаете. Они таковы, что даже одно из них достойно самого серьёзного наказания!

– Это какое же? – выкрикнул Берендей.

Но Велизарий не обратил на него никакого внимания:

– То, что они сотворили с кумом Енотом и другими достойными жителями леса, не даёт нам право проявить снисхождение. Такое зло должно быть нака-

зано предельно сурово! К сожалению, никакое самое справедливое возмездие не вернёт нам наших товарищей. Они навсегда потеряны для нас. Нам остаётся только сожалеть об этом и по возможности облегчить их безрадостное существование...

– Боюсь, что это не так! – раздался голос Толпека. – Боюсь, что это не так, – повторил он и вывернул из-за угла, держа кого-то за руку.

Следом за ним появился Веснушка, а потом... А потом смущённо улыбающиеся кум Енот, пан Дикобраз, а за ними и все остальные «товарищи»! Толпа изумленно замерла. Но тут кум Енот весело подмигнул всем и высоко выставил поднятый большой палец. Раздались восторженные крики:

– Ура!!! – ревела толпа. – Ай да Толпек, ай да молодец! Гип-гип-ура!

Все бросились обнимать выздоровевших друзей и на время забыли о бандитах. Бесхвостая ящерица воспользовалась возникшей сумятицей и незаметно проскользнула сквозь перила. Украдкой пробралась вдоль стены до водосточного желоба и опрометью кинулась наутек. Когда её хватились, она уже перелезала через ограду. Быстроногие куницы помчались за ней вдогонку. Они немного замешкались, перелезая забор, и беглянка успела добежать до лужайки, где ребятня, весело хохоча, запускала в небо воздушного змея. Там ящерица обернулась и заметила погоню. Поняв, что ей не уйти, она подскочила к ближайшему малышу, водящему змея, и схватила его в охапку. Заложником оказался маленький ёжик. Разбойница повернулась к преследователям и злобно ощерилась.

– Не подходите! – визгливо закричала она. – Не подходите, иначе я ни за что не ручаюсь! – и она подняла малыша.

Куницы остановились. Ёжик захныкал и стал вырываться из рук. Ящерица сжала его крепче, но тут же почувствовала, как иголки колют ей в живот. Она выругалась и, кружа на месте, принялась утихомиривать барахтающегося бузотёра.

Бечевка змея все больше и больше опутывала ящерицу, но она этого не замечала. Ежонок захныкал ещё громче и дёрнулся всем телом. Острые колючки так и впились в лапы бандитки!

– Ай! – вскрикнула ящерица и отбросила колючего малыша от себя.

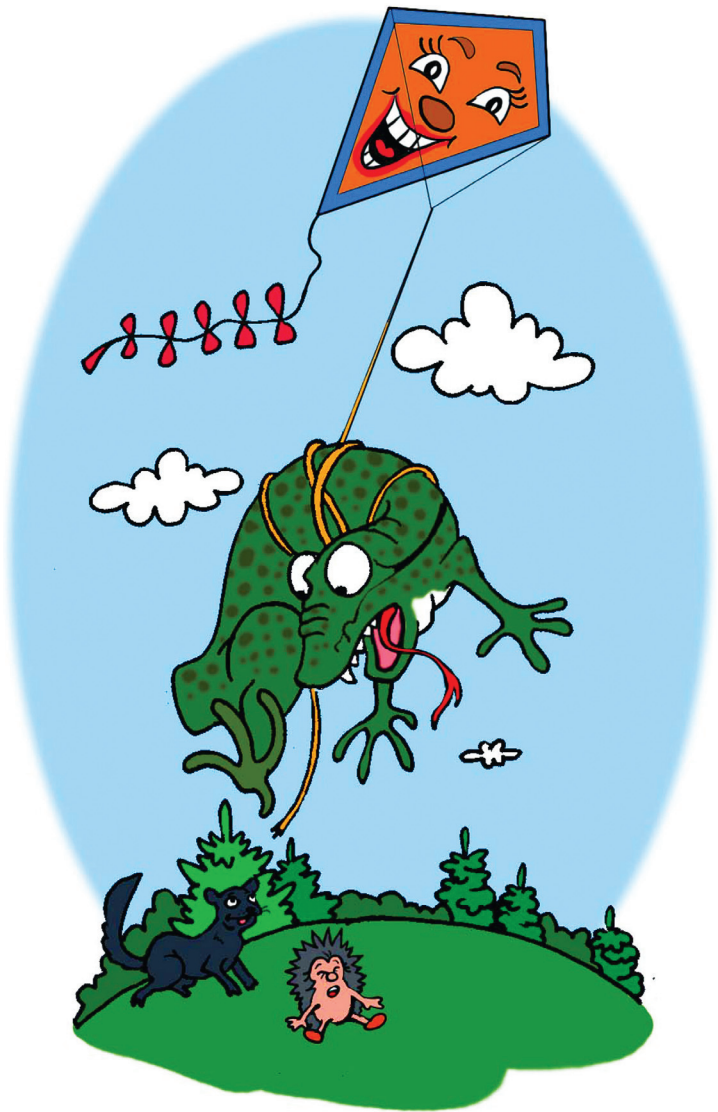
В это мгновение налетел порыв сильного ветра, и змей начал подниматься ввысь. Бечёвка туго натянулась, и разбойница, не ожидавшая этого, полетела в траву. Несколько шагов её волокло по земле. Она силилась выпутаться из ниток, но веревочные кольца крепко затянулись вокруг её тела.

– Леший тебя побери! – громко чертыхалась ящерица. – Чтоб тебе пусто было!

Неизвестно, к кому это относилось. Наверное, к ветру. А он как будто и правда осерчал и накинулся на разбойницу с неистовой силой. Змей стал подниматься в небо. Ящерица завизжала от страха, когда её лапы оторвались от земли. Она яростно билась, но всё было напрасно. Её уносило всё выше. А потом еще выше. Обезумев от ужаса, ящерица не оставляла попыток освободиться. И вот ей это удалось! Чёрная точка вдруг сорвалась с верёвки и камнем понеслась вниз. Сдавленный крик пронёсся над рядами зрителей, и некоторые скорбно опустили головы. Ветер внезапно утих. Народ потихоньку пришёл в себя, и все снова обратили взгляды к крыльцу, где Смехачи уже навели порядок. Больше никто не предпринимал попыток сбежать. Велизарий поднял лапу, призывая к тишине.

– Что ж, – произнес он, – каждый сам выбирает свою судьбу, но вернемся к нашему делу. Нас, конечно, чрезвычайно обрадовало исцеление наших друзей, но вина остается виной. Ведь обвиняемые не знали, что недуг можно одолеть, а значит, предполагали, что их жертвы навсегда останутся безумными. Не так ли?

– Так! Точно так! – раздались многочисленные голоса.

– Теперь... – развивал дальше свою мысль Велизарий.

– Я ни в чём не виноват! – завопил вдруг Берендей. – Никаких преступлений я не совершал, и мне не в чем сознаваться... Мяу!

Толпек развернулся и стал выбираться из толчеи. Ему хотелось уйти в какое-нибудь уединённое место, где нет ни криков, ни шума, и где никто не помешал бы ему побыть в одиночестве. Ноги несли его вперёд, и когда Толпек очнулся, то с удивлением обнаружил себя на тихой лесной полянке. Он скинул с себя башмаки и с удовольствием прошёлся по мягкой шелковистой травке. Божья коровка приземлилась ему на руку и поползла наверх. Вот она остановилась и, распахнув крылышки, упорхнула прочь. Толпек с сожалением проводил её взглядом. «Наверное, полетела домой, к своим деткам», – подумал он, прилёг на траву и сам не заметил, как задремал.

Ему приснились родные просторы, залитые весёлым солнечным светом. Над окошком дома жужжат осы, и от их мерного гула как-то теплее становится на душе. Тётушка Хлоя идёт к нему через лужайку и несёт в руке корзинку. «Надо бы поставить кофейник», – забеспокоился Толпек и... проснулся. Он протёр глаза и огляделся. На небе уже зажигались первые звёзды. В воздухе явственно пахло сыростью. Он поёжился и, вскочив на ноги, побежал к хижине.

– А, Толпек, – встретил его в прихожей Барсук. – Ну, как тебе вынесенное решение?

– Честно говоря, я ничего не знаю, – признался тот. – Я не стал дожидаться конца и ушёл.

– Понимаю, – кивнул Барсук. – Я тоже не могу понять, как это я смог удержаться и не вцепиться этому Берендею в уши, прежде чем его увели.

– А чем же кончилось-то? – полюбопытствовал Толпек.

– Решили всех их отослать в пещеры Смехачей. Там им самое место! Эти негодяи будут расчищать завалы, пробивать штольни, добывать руду, самоцветы. Работёнки там надолго хватит!

– И до каких пор?

– Кому как. Вообще, Крак говорит, что тот, кто хорошо будет трудиться, тот получит свободу раньше. Кстати, знаешь, он решил остаться в горах у Смехачей. Без него, говорит, будет трудно уследить за такой публикой.

– Ого!

– Да, такие вот дела.

– А Берендей, Берендей что?

– Вот с тем разговор особый. Велизарий берёт его к себе на перевоспитание. Точнее на пе-ре-про-гра-мми-ро-ва-ни-е. Фу ты, насилие выговорил. Таких, как Берендей, оказывается, не исправишь. А после этого он будет как невинный младенец.

– Ну, уж скажешь – «невинный младенец»!

– Не совсем, конечно, так. Но примерно так высказался Велизарий.

– А ещё что решили?

– Несколько Смехачей остаются здесь. Они будут ждать, пока Великан не превратится в малютку. А змей решили так и оставить там, куда ты их заманил. Ух, опасные твари! Ну их. Вот вроде и всё...

– Спасибо тебе, Барсучище. А теперь пойду-ка я укладываться на боковую.

– Приятных тебе снов.

– И тебе тоже.

Глава восемнадцатая. Домой!

На следующий день Смехачи, Толпек и все остальные отправились в обратный путь. Провожать их собралась огромная толпа. Впереди всех стояла Сорока и, утирая концы глаз платочком, прощально махала им вслед чёрным крылом. Толпек, бережно прижимая к груди её подарок, крикнул ей на прощание:

– Ждём тебя в гости следующим летом, Сорока!

– ...ательно! – донёс ветер её ответ.

Рядом с Сорокой стоял Барсук. Он обнимал барсучат и, не отрываясь, смотрел вслед уходящим друзьям. Позади него кум Енот говорил пану Дикобразу:

– Эх, до чего же рано они ушли. Мы с ними так и не успели толком познакомиться. Да и отблагодарить тоже!

– Не переживай, кум, – хмуро обронил Барсук. – А лучше сплети-ка ты лыковые лапоточки. Отправим их Толпеку от твоего имени. То-то он обрадуется!

– А я, – вмешался пан Дикобраз, – смастерю тому рыжему мальцу, как бишь его кличут? Веснушка... Я смастерю этому вихрастому лук с настоящими, – он потрогал себя сзади за длинные острые иглы, – стрелами. Идёт?

– Идёт, – одобрил Барсук и тяжело вздохнул. – Эти ребята – настоящие друзья!

– И смекалки у них не отнимешь, – добавила Белобока. – Даром, что не вышли росточком, а и Великан от них бегал по кочкам! – неожиданно в рифму закончила она, и все дружно рассмеялись.

У подножия горы отряд разделился. Велизарию надо было налево, а остальным – наверх.

– Ну, что ж, друзья, – сказал белый кот, – как ни жаль, но пришла пора расставаться. Славные дела мы с вами совершили, и, надеюсь, немало свершим и в будущем. Я искренне полюбил вас за вашу отвагу, стойкость и крепкое братство. Впредь всегда будьте верны друг другу. Тебе, Крак, желаю выздороветь и прожить долгие-долгие годы. Мы ещё повоюем, старина! Вам же, мои дорогие Смехачи, я скажу только одно... – Велизарий пронзительно свистнул. Тотчас на его зов из-за холма появились козы. Смехачи так и пораскрывали рты от изумления. – Я вижу, вам понравились эти замечательные создания, – продолжил кот. – И мне кажется, что вы им тоже нравитесь. Только, чур, не обижайте их и ухаживайте за ними, как следует!

Смехачи запрыгали от радости, заверещали и, подбежав к коту, начали качать его на руках.

Успокоившись, они бережно опустили Велизария, и подошли к козам. Смехачи гладили их,

ворковали на своём языке, и неопишемое счастье светилось на их довольных физиономиях.

Велизарий достал свою трубочку. Вчера он поскрёб по сусекам и набрал-таки мыльного раствора на небольшой пузырь размером с два смехаческих кулака.

– А ну, – грозно нахмурил брови Велизарий в сторону Берендея.

Тот услышал голос ненавистного соперника и испуганно вздрогнул. Пузырёк подлетел к нему и... ХЛОП! Никто и моргнуть не успел, как Берендей оказался в нём. Но как же ему было там тесно! Он весь скрючился: голова оказалась между задних ног, хвост обмотался вокруг шеи, и лишь глаза его злобно горели.

– До скорого! – махнул лапой Велизарий и повернул налево. Пузырёк подскочил на месте и покатился вслед за ним.

Оставшиеся собрали коз и начали подъём. Смехачи попеременно тащили носилки с Краком, и даже Толпек с Веснушкой пару раз подставили своё плечо.

Но они только задерживали остальных. Куда им было тягаться с сильными попутчиками! Отряд быстро добрался до стойбища Смехачей. Здесь им устроили поистине царский приём. В центре внимания сородичей очутился и Смехач-воздухоплаватель. Ему были возданы особые почести: на него торжественно водрузили роскошный головной убор, украшенный разноцветными перьями, в знак того, что он вознёсся в небо подобно птице.

Во время праздника все снова соревновались в ловкости и проворстве. Здесь отличилась Жуля. На состязании по лазанию на столб она сперва стояла в сторонке и без особого интереса наблюдала за участниками. Когда оче-

редной неудачник, пытаясь от натуги, скатился вниз, она улыбнулась и решила уже уйти. Но тут её взгляд скользнул по награде, ради которой все лезли из кожи вон и... она уже не могла оторвать от неё глаз. Каждый камешек в ожерелье переливался своим собственным неповторимым светом. Сумерки зажгли в нём какое-то таинственное пламя, и ожерелье сияло на фоне темнеющего неба словно созвездие. Ах, как Жуля была очарована им! В конце концов, она не выдержала и протиснулась к столбу.

– Давай, Жуля, это по твоей части, – подмигнул ей весь перемазанный жиром Веснушка, совершивший уже три неудачных попытки залезть наверх.

Белочка подошла к столбу и подняла голову. Там, вверху, переливалось ожерелье. Белочка вспрыгнула на скользкую поверхность и начала подниматься. «Как долго я тебя искала и вот, наконец, нашла!» – молоточками стучало в висках. Вершина была уже рядом и она протянула лапу...

– Есть!!! – завопил Веснушка, который, затаив дыхание, следил за подругой. – Есть! Жуля сделала это!

Он пустился в бешеный пляс и первым подскочил к спустившейся счастливой раскрасневшейся Белочке.

– Молодчага! – крикнул он и подсадил её на плечи.

Вокруг бушевало море восторженных Смехачей. Вскидывающиеся в приветственном жесте огромные ладони, возбуждённые лица, изумлённые взоры и над всем этим – сияющее изумрудное ожерелье! Да, этот вечер Жуля не забудет никогда в жизни!

Рано поутру Смехачи снабдили каждого пленника инструментами и повели в пещеру. Около входа они запалили смоляные факелы и после короткого обряда, совершенного старейшиной, ступили вовнутрь. Тьма нехотя расползлась перед пришельцами, но все упорно продвигались вперёд. Наконец, группа достигла подземного грота внушительных размеров. Его дальняя сторона еле угадывалась в колеблющемся пламени, а потолка и вовсе было не различить.

– Толпек, дружок. Не подашь ли ты мне зеркальце? – ласково попросил Крак.

Толпек достал зеркало из кармана и с готовностью подал его Ворону. Тот поднёс к нему горящий факел и... о чудо! Зеркальце не просто отразило пламя, но и засияло собственным светом! Пространство вокруг сразу обрело зримые очертания.

– Видишь, какое это необычное зеркало, – проговорил Крак.

– И что теперь с ним будет? – шёпотом спросил Толпек.

Ворон на мгновение задумался и ответил вопросом на вопрос:

– А сам ты как думаешь? Важнее ли оно здесь – среди вечной тьмы, на которую обрекло местных жителей вероломство гномов, или в нашем лесу, где оно служит только одной надобности?

– З-здесь, – запинаясь, ответил Толпек. – Да, да. Конечно, здесь оно важнее. Я всё понял, Крак.

– Спасибо тебе, Толпек. Я знал, что ты поймёшь.

Вскоре пещера напоминала большой муравейник. Смехачи деловито сновали по крутым стенам, постукивая молоточками. Бывших бандитов направили в боковое ответвление – разбирать осыпавшийся проход. Тут и там раздавались удары железа о камень. Словом, дело пошло!

К Толпеку подбежал маленький Смехач, сунул ему сталактит и показал на его макушку, с которого стекала чистейшая вода. Малыш ухнул: «Оу, оу! Ам, ам!» – и убежал обратно. Друзья даже не успели поблагодарить его. Прозрачайшая вода таяла на губах. С каждым новым глотком мускулы становились всё крепче и крепче.

– Эх, если бы тогда мне такую воду, когда мы сидели в темнице, – мечтательно протянул Веснушка. – Я бы в одно мгновение вышиб железный запор вот этими самыми руками! – и он показал свои ободранные мозолистые ладошки.

Толпек усмехнулся и обернулся к Ворону:

– Нам пора. Не будем долго прощаться, а то одно расстройство. Каждый раз такое чувство, будто теряешь что-то очень важное. Дай, я тебя просто обниму.

За ним все по очереди обнялись со старым другом и направились к выходу в полном одиночестве. Смехачи, занятые работой, даже не заметили этого. Только один Ворон печально смотрел им вслед, зная, что вряд ли встретится с ними вновь...

Выбравшись из подземелья, друзья направились к условленному месту, где поджидал Смехач-воздухоплаватель. Приметив их, он закинул за спину плетёные сани, и вся компания углубилась в каменные лабиринты. Целый день они шли тайными тропами, по узеньким тропинкам, выходящим над пропастью, где любой неверный шаг грозил неминуемой гибелью. Переправлялись через глубокие ущелья, на дне которых шумели неистовые потоки. Один раз даже пришлось взбираться на утёс, но товарищам, взбодренным чудесной водой, это оказалось вполне по плечу. Наступил вечер. Проводник уводил их всё дальше и дальше, и вся компания начала уставать. Смехач часто останавливался и жёсткими просил их идти быстрее.

– Пора бы уже подумать о ночлеге, – простонал вымотанный Веснушка.

– Или дайте мне снова испить той водицы. Тогда я буду готов топтать хоть до утра.

– Да, это бы не помешало, – поддакнул Толпек, чувствуя, что ещё немного и он просто растянется посреди дороги.

Внезапно позади послышался гул, шедший словно из-под земли. Тропа задрожала. Смехач обернулся и заголосил, отчаянно размахивая руками.

– Что он там кудахчет? – поинтересовался Умникс, смотря на всполошившегося проводника.

– По-моему, он хочет, чтобы мы взяли ноги в руки и... – глядя назад, сказал Толпек. – Ходу, братцы! – внезапно заорал он и сорвался с места.

Его голос потонул в ужасающем грохоте. С вершины горы надвигался каменный оползень. Первые камни упали на тропу шагах в ста позади от них. Потом в сорока, в десяти...

Путники мчались, не разбирая дороги. Веснушкина шляпа слетела и болталась сзади на верёвочке, словно щит прикрывая своего хозяина.

– БАМ!

Огромный валун свалился со склона в трёх шагах от отставшего Толпека.

– Мамочки! – заголосил Умникс и прибавил ходу.

– БАМ! БУМ!

Толпек рванулся из последних сил.

– БАММ!!!

Глыба величиной с голову Великана грохнулась прямо у него за спиной. Толпека подбросило вверх. Он в страхе закрыл лицо ладонями, ожидая гибели. «Один, два, три... – считал он про себя, – ...тринадцать... восемнадцать...». При счёте «тридцать» он отнял ладони и огляделся. Вроде, всё тихо. Он поднялся и поковылял вперёд.

– БАМ!

Толпек испуганно обернулся. Аккурат на то самое место, где он только что лежал, рухнул ещё один валун. Это был последний. Всё. Оползень прекратился. Друзья ждали его невдалеке.

– Толпек! Как ты? – кинулась к нему Белочка.

– Порядок, – через силу улыбнулся он разбитыми губами. – Жаль только, зонтик дома забыл. А то голова немножко чешется от этих камешков.

– Ну, ты даешь! – схватилась за щеки Жуля. – Мы уж думали, что тебя там придавило, а ты тут шутки шутишь...

– И правильно! – воскликнул подошедший Умникс. Он похлопал друга по плечу. – Правильно, Толпек. Нам ли бояться всяких там каменных дождей! А ты – молоток! Я рад, что ты выбрался целым и невредимым из этой передряги, дружище! – и он крепко обнял товарища.

Подбежал встревоженный Смехач. Он оглядел Толпека с ног до головы и удовлетворенно цокнул языком.

– Эх, Смехач, Смехач, – сказал Толпек, глядя на него. – Если бы мы тебя послушались и поторопились, то заранее проскочили бы это место. Пожалели мы, видно, себя, не стали напрягаться. Вот я чуть и не поплатился за это. Спасибо! Ну, пойдем дальше или как?

Смехач сделал успокаивающий жест. Дескать, потерпи ещё чуть-чуть. И в самом деле, минут через десять они нашли удобную стоянку для ночёвки. Быстро оборудовали её и, наскоро перекусив, завалились на боковую. «Завтра мы уже будем дома», – только и успел подумать Толпек перед тем, как провалиться в сон.

И вот он наступил. Последний день их долгого похода.

Промозглым ранним утром путешественники, наконец, одолели гору, и теперь перед ними расстилалась родимая сторона. Друзья вдохнули всей грудью свежего воздуха и весело переглянулись. Смехач поставил перед ними сани и приглашающе махнул рукой. Друзья, не мешкая ни секунды, забрались в них. Смехач уперся сзади и с силой толкнул.

– Ого-го-го, – закричал он им вслед.

– Ага-га-га, – откликнулись ему бывшие попутчики. – Счастливо оставаться, друг!

Сани быстро разогнались и полетели словно на крыльях. Наездники, держась друг за дружку, вопили во всё горло и от ужаса, и от восторга одновременно. У Толпека опять едва не слетела его кокосовая шляпа, и он пригнул голову. Тут же встречный поток воздуха ударил в лицо сидевшему позади Веснушке. Он поперхнулся и непременно вывалился бы наружу, если бы Жуля не удержала его. Постепенно сани замедлили ход и остановились у самого подножья горы, откуда до дома было рукой подать.

– Глядишь, как раз к обеду и поспеем! – хихикнул Веснушка.

Он подтянул штаны и, шмыгнув носом, бодро потопал вперёд. Теперь ему никакие проводники были не нужны. В этих местах Веснушка и с завязанными глазами добрался бы до своего порога.

Чем ближе они подходили, тем сильнее стучали их сердца. Ноги, казалось, сами несли путников. Последний отрезок пути приятели преодолели бегом. Быстрее, быстрее, быстрее... Показался ручей. И – вот это да! Через него был перекинут новехонький мост! Башмаки простучали по деревянному настилу и, наконец, Толпек с друзьями ступили на родной берег. А навстречу им уже наперегонки неслись взъерошенные Умниксы. С ходу налетев на Веснушку, младшие братишки гроздью повисли на нём. Сгорбленный Седоус, позабыв про свои годы, как мог поспешал за ними, высоко вскидывая свою клюку.

Из земляной хатки горохом высыпали бобры, и вскоре путешественники оказались в плотном кольце дружеских объятий.

Тут же на улице накрыли столы. Дымящийся обед уже ждал, когда же его накроют на столы. И пир начался! Новости разлетелись по всей округе. Со всего леса понабежали соседи, и каждый старался пожать руки путешественников. Вскоре кисти рук стали от этого синими. Все стремились сказать несколько приветственных слов и ободряюще похлопать по спине.

Толпек беседовал с одним давнишним приятелем, когда к нему метнулась короткая тень:

– Толпек!

Он обернулся и сразу позабыл про всё на свете.

– Тётушка Хлоя!

Плачущая от счастья сосновая шишка спрятала мокрое от слёз лицо у него на груди. Толпек обнял её и бережно поглаживал волосы, уже тронутые легкой сединой. «Стареет, – подумал он, – стареет моя дорогая тётушка Хлоя».

Но им не дали долго побыть вместе. Знакомые растащили их в разные стороны, и только вечером, когда все, наконец-то, разошлись по домам, они смогли остаться вдвоем. Они пошли по тропинке, и Толпек снова, но уже с подробностями, рассказывал ей о путешествии:

– ...И тут гляжу – летит Филин...

– Ах, Толпек, Толпек, – проговорила тётушка Хлоя, с улыбкой глядя на него.
– Самое главное, что ты вернулся. А всё остальное, это... это для молодых Умниксов. Им только и подавай битвы, сражения... А для меня ты навсегда останешься таким, каким я тебя помню и люблю. И пусть все пережитые испытания сгладятся в твоём сердце и не ожесточат его.

– Тётушка Хлоя, испытания испытаниями, но ведь я не вернул твоего зеркальца. Я хотел! Но пришлось оставить его у Смехачей. А значит, всё было напрасно.

– Зачем ты так говоришь? Ведь вы освободили соседний лес, дали его жителям свободу. Одно это стоит всего. А зеркальце? Ты же сам сказал, что оно помогло Смехачам обрести свой дом, свою мечту. Не так ли?

– Так, – ответил Толпек и вдруг оживился: – Слушай! Я же совсем забыл. Совсем меня с толку сбили все эти встречи-расставания! – Он раскрыл заплечный мешок и стал рыться в нём. – Вот! Это тебе от Сороки! – и он достал шаль.

– Ах! – поневоле вскрикнула тётушка Хлоя от восхищения. – Какая красота!

– Ты накинь, накинь его.

Невесомое покрывало мягко упало на плечи.

– Как уютно!словно в радужное облако окунулась! – не переставала восхищаться сосновая шишка.

– А то! – подмигнул ей Толпек. – Ты у нас теперь писаная красавица, тётушка Хлоя.

Они ещё долго гуляли по вечерним тропинкам и разговаривали обо всём на свете. Толпеку было хорошо. Он весело шутил, и сам же первый смеялся над своими незамысловатыми шутками. Ради этой встречи он столько всего пережил, что, пожалуй, заслужил право на счастье. Хотя бы на один день, хотя бы на один вечер, хотя бы...

В глубоких сумерках Толпек проводил тётушку Хлою и, пожелав ей спокойной ночи, побрёл на свою лужайку. Жёлтый домик с красной черепичной крышей даже в темноте выглядел цветным. Толпек зажгёт свечу, подошел к порогу и тихонько отворил дверь. Затем постоял немного и шагнул внутрь:

– Вот я и дома!

КОНЕЦ ПОВЕСТИ

УДК 398.21
ББК 82.3(2Рос=Буря)
Х 253

Б. Хатов.

Х 253 Толпек. Сказочная повесть для детей школьного возраста. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». – 2014. – 128 с.: ил.

ISBN 978-5-91407-127-8

УДК 398.21
ББК 82.3(2Рос=Буря)

© Б. Хатов, 2014

Иллюстрации *Александра Зоткина*
Дизайн, верстка *Баира Батуева*

Технический редактор
Д.М. Дондукова
Корректор *П.Б. Долсонова*

Сдано на верстку 01.10.14. Подписано в печать 09.10.14.
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Verdana. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,88. Усл. кр.-отт. 60,45. Тираж 500 экз. Заказ №171.

Издательство ОАО «Республиканская типография»

Отпечатано в ОАО «Республиканская типография» РБ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13